

9(с18)
СЗН
п 10/00

**Сибирь
в период гражданской войны**

Кемерово 1995

9/с-18
с 34
Департамент образования и науки Администрации Кемеровской области
Кемеровский областной институт усовершенствования учителей

Сибирь в период гражданской войны

Учебное пособие

Рекомендовано

Ученым советом Кемеровского областного института
усовершенствования учителей

Кемерово 1995

ББК 63.3 (2Р53) я 7

С 34

Составитель: **С.П.Звягин**, кандидат исторических наук, доцент
Кемеровского облИУУ

Рецензенты: **В.А.Сергиенко**, кандидат исторических наук,
начальник архивного управления Администрации
Кемеровской области
О.В.Ефременко, преподаватель Кемеровского
городского классического лицея

Под редакцией: **А.Н.Никитина**, доктора исторических наук
С.П.Звягина, кандидата исторических наук

Учебное пособие посвящено актуальным и малоизученным проблемам истории Сибири в годы гражданской войны (1918-1920 гг.). На основе обширного архивного материала, газетных публикаций, исследований отечественных и зарубежных историков в работе представлена жизнь региона того времени.

Учебное пособие рекомендовано учителям истории, краеведам, всем интересующимся историей своей "малой Родины" - Сибири.

С 34 **Сибирь в период гражданской войны: Учебное пособие** /Департ. образования и науки Администр., ОблИУУ; [Сост. С.П.Звягин; Под ред. А.Н.Никитина, С.П.Звягина]. - Кемерово, 1995. - 143 с. - ISBN 5-7148-0077-х.

С 4306020600
К92(03)-95

ISBN 5-7148-0077-X

© Кемеровский областной
институт усовершенствования
учителей, 1995 г.

К читателю

История России периода гражданской войны по-прежнему привлекает внимание исследователей и широкой общественности. Несмотря на обширную историографию, здесь еще имеются многочисленные вопросы, требующие к себе внимания историков. Долгие годы контрреволюционный лагерь, как считает Ю.А. Поляков, был всего лишь фоном, на котором развертывались действия большевиков как в самой советской России, так и на территории, оказавшейся временно в руках белогвардейцев. Их роль была вспомогательной, а место в истории - второстепенным.

Изменение общественной ситуации, облегчение доступа к архивным фондам, поиск новых методологических принципов - все это дает возможность показать обе стороны, участвовавшие в гражданской войне, равноправными субъектами исторического процесса.

В полной мере это касается данного учебного пособия. Сибирь в силу ряда объективных и субъективных причин занимает особое место в истории гражданской войны. Подготовка и издание пособия призваны уменьшить тот явный разрыв, который, по мнению Б.Г. Могильницкого, возник между общественным интересом к истории Отечества и способностью историков его удовлетворить. Исторические знания так еще и не стали эффективным средством решения актуальных проблем современности, но не потому, что опыт прошлого неприменим к настоящему, а вследствие того, что этот опыт не получил еще необходимого истолкования.

В работе над книгой принял участие коллектив авторов: § 1 написан М.В.Шиловским, доктором исторических наук; § 2 - Н.И.Дмитриевым, кандидатом исторических наук; § 3 - Ю.Д.Граждановым, кандидатом исторических наук; § 4 - Д.Г.Симоновым; § 5 - С.П.Звягиным, кандидатом исторических наук; § 6 - Т.В.Мальцевой, кандидатом исторических наук; § 7 - А.Н.Никитиным, доктором исторических наук; § 8 - В.И.Шишкиным, доктором исторических наук.

Авторы благодарят Государственный архив Кемеровской области, Кемеровский областной краеведческий музей, выражают признательность Областной юношеской библиотеке, Кемеровской городской библиотеке им.Н.В.Гоголя за помощь и содействие в подготовке данного пособия.

Настоящее учебное пособие является этапом большой исследовательской и публицистической работы. Авторы будут признательны за предложения и замечания по существу проблем, затронутых в пособии.

§ 1. Сибирский представительный орган: от замыслов к драматическому финалу (январь - ноябрь 1918 г.)

Одним из малоизученных сюжетов гражданской войны в Сибири является история Сибирской областной думы (СОД). Различные авторы произвольно оценивали ее роль в антибольшевистском движении; существует разноречивая при определении времени ликвидации указанного органа. Например, Л. А. Шиканов относит данное событие к концу октября 1918 г.; по В. М. Суверову, получается, что деятельность Думы была прекращена 22 сентября 1918 г., после чего она ушла в подполье и 10 ноября того же года самораспустилась. Авторы энциклопедии по истории гражданской войны утверждают об упразднении СОД в конце сентября 1918 г. по решению Уфимской дирекции. В. М. Крюков ликвидирует Думу дважды: сначала в конце сентября решением Административного Совета Временного Сибирского Правительства, затем 10 ноября она самораспускается по просьбе председателя Дирекции Н. Д. Авксентьева¹. С учетом отмеченных обстоятельств представляется необходимым остановиться на деятельности первого в истории Сибири представительного органа.

Впервые о необходимости создания региональных парламентов (областных земских советов) заявил в 1860 г. А. П. Шапов². Конкретный проект реализации автономистской концепции принимается на съезде Сибирского областного союза 28-29 августа 1905 г. в Томске. В "Основных положениях" Союза, утвержденных на нем, подчеркивалось: "Составляя нераздельную часть России, участвуя наравне с остальными частями России в общей системе государственного управления на началах народного представительства, Сибирь, как по своим историко-географическим и общественно-экономическим условиям, так и по своим чисто местным торгово-промышленным и сельскохозяйственным интересам, представляет обособленную область. Исходя из положения, что каждая область должна иметь право на самоуправление, мы заявляем, что и Сибирь, в силу указанных условий и интересов нуждается в организации областного самоуправления в форме Сибирской областной думы, самостоятельно

решающей все местные нужды и вопросы хозяйственные, социально-экономические и просветительные и т. п."³. В ведение Думы предполагалось передать местное бюджетное право, народное образование, народное здравие, общественную безопасность, местные пути сообщения, право участия в установлении тарифов, распоряжение и владение всеми землями области, определение порядка землепользования, инородческий вопрос.

Идея реанимируется в 1917 г., после того, как 10 мая Томское губернское народное собрание приняло резолюцию "Об областной думе", а 18 мая по докладу М. Б. Шатилова еще одну - "По областному самоуправлению", в которых высказалось за организацию Сибирской областной думы и решило в ближайшее время созвать в Томске общесибирский областной съезд для обсуждения проблемы⁴. В течение 1917 г. под областническими лозунгами произошло объединение мелкобуржуазных организаций и группировок, включая эсеров, кооператоров, земцев, народных социалистов, меньшевиков, собственно областников различных оттенков и представителей национальных организаций, при руководящей роли эсеров.

Намеченный на начало августа съезд собрал 77 делегатов, в том числе 41 от Томска⁵. В этих условиях принимается решение конституировать собрание как конференцию общественных организаций Сибири. Ее делегаты утвердили "Положение Сибирской конференции общественных организаций по вопросу об автономном устройстве Сибири", в котором проводилась мысль о том, что "...Сибирь, в качестве автономной единицы, должна обладать той полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, какой обладают отдельные штаты в современных федеративных государственных соединениях"⁶. Для осуществления перечисленных функций предлагалось созвать Сибирскую областную думу с широким спектром полномочий санкционированных Всероссийским Учредительным собранием.

Для обсуждения вопроса о созыве Думы конференция принимает решение созвать в октябре 1917 г. общесибирский областной съезд с представительством на нем делегатов от 17 типов общественных, кооперативных, национальных организаций (земство, советы, профсоюзы, земельные и продовольственные комитеты, парткомы, городские думы, воинские части и т. п.).

На первом сибирском областном съезде (6-17 октября 1917 г.), состоявшемся в Томске, 16 октября принимается резолюция "Областное устройство Сибири", в которой провозглашалось право региона на автономию, определялась его территория ("по водоразделу на восток от Урала, со включением всего киргизского края") и компетенция Думы. Ее ведению подлежало: "1. Местное бюджетное право; 2. Народное образо-

вание; 3. Общественная безопасность; 4. Народное здравие; 5. Местные пути сообщения, почта и телеграф; 6. Право участия в установлении тарифов и пошлин; 7. Распоряжение народным достоянием - землей, недрами, лесами и водами на основаниях, которые будут установлены Учредительным собранием; 8. Дело переселения и расселения; 9. Изменение конституции Сибири, за исключением того, что касается расширения компетенции Сибирской областной думы за счет центрального парламента; 10. Местные работы и предприятия; 11. Социальное законодательство и развитие общереспубликанских законов; 12. Вообще все дела местного характера" ⁷. В другом постановлении от 16 октября "Организация Сибири" делегаты провозгласили областные съезды высшим законодательным органом в регионе и избрали Сибирский областной совет из 33 человек, которому поручалось "изъявлять волю народа и действовать как власть в промежутках между съездами" ⁸.

После Октябрьского переворота Сибирский областной совет известил о созыве в Томске "чрезвычайного областного сибирского съезда", состоявшегося 6-15 декабря 1917 г. Его делегаты принимают решение создать "во имя спасения Сибири общесибирскую социалистическую, от народных социалистов до большевиков включительно, с представительством национальностей, власть" в лице Сибирской областной думы и Областного совета, ответственного перед Думой ⁹. Съезд утвердил "Положение о временных органах управления Сибири", провозгласившее СОД "областным органом законодательной по местным делам власти" и определившее порядок формирования депутатского корпуса, не избираемого населением, а представляющим 17 типов "революционных и демократических организаций", т.е. по формуле, предложенной августовской конференцией. На 8 января 1918 г. назначается открытие Сибирской областной думы при наличии кворума в 90 человек, или трети от предполагаемого числа депутатов.

8 января Дума не начала работу, поскольку не собралось и половины определенного кворума депутатов. После разгона Учредительного собрания ее деятельность означала открытое противостояние большевикам, решиться на что мог не всякий. Лишь 25 января было зарегистрировано 93 депутата, и областной представительный орган в любой момент мог начать деятельность. Среди зарегистрированных членов СОД было 56 эсеров, 10 - народных социалистов, 5 - меньшевиков, 2 - социалиста-федералиста, по одному кадету, сионисту, автономисту-федералисту, 12 - беспартийных. Национальные организации послали 23 делегата, советы крестьянских депутатов - 17, земства - 10, городские думы - 7, кооперация - 6, железнодорожные союзы - 5, вузы - 8, казачьи войска - 3 ¹⁰. Таким

образом, подавляющая часть собравшихся в Томске (75 из 93) относилась к представителям социалистических партий.

С целью не допустить открытия антибольшевистски настроенной Думы Томский совет рабочих и солдатских депутатов санкционировал проведение арестов депутатов и членов Временного Сибирского областного совета в ночь на 26 января 1918 г. Всего было задержано около 20 человек. Из них часть вывезли на станцию Тайга и там отпустили, часть отправили в Красноярскую тюрьму. Одновременно производились обыски, изымались документы, в том числе подготовленные для обсуждения в Думе.

Но находившиеся в Томске депутаты собрались нелегально в помещении уездной продовольственной управы и провели кратковременную сессию Сибирской областной думы. В литературе имеются серьезные расхождения при определении даты заседания и количества присутствовавших на нем. Так, Г.В.Круссер и П.С.Парфенов считают, что открытие СОД произошло 29 января, И.М.Разгон - 28-го, М.Е.Плотникова - 26-го, К.В.Гусев - 27 января 1918 г. Число собравшихся определяется 20-23 депутатами - В.В.Гармизой, С.Г.Лившицем; 20 - М.Е.Плотниковой; 60 - П.С.Парфеновым ¹¹.

При установлении даты и количества собравшихся будем исходить из предположения, что на нелегальном заседании присутствовали не только избежавшие ареста в ночь на 26 января, но и выдворенные в Тайгу. В пользу нашего предположения говорит присутствие на сессии Н.Е.Жернакова, М.Б.Шатилова, И.А.Якушева, значившихся в списке репрессированных ¹². Поэтому Дума не могла собраться ни 26, ни 27 января, поскольку перечисленные лица не смогли бы присутствовать, а И.А.Якушев - председательствовать. Правильнее предположить, что нелегально СОД заседала в ночь с 28 на 29 января 1918 г. Именно эта дата называется в информационном бюллетене Временного правительства автономной Сибири (ВПАС) ¹³. При этом на заседании присутствовала большая часть ее членов, прибывших в Томск к 25 января. Учитывая возвратившихся из Тайги, ориентировочно количество присутствующих делегатов можно определить в 70-80 человек.

Сибирская областная дума открылась поздно вечером (около 24 часов) 28 января. Ее председателем избирается иркутский эсер И.А.Якушев (1884-1935). Были заслушаны декларации эсеров и народных социалистов (И.С.Юдин, М.А.Колобов), а в 7 часов утра 29 января завершилось формирование Временного правительства автономной Сибири. В его состав вошли: П.Я.Дербер - председатель и министр земледелия, эсер; Вл.М.Крутовский - министр здравоохранения, народоволец; П.В.Вологодский - министр иностранных дел, эсер; А.А.Краковецкий - министр

военных дел, эсер; И.А. Михайлов - министр финансов, беспартийный; А.Е. Новоселов - министр внутренних дел, эсер; И.И. Серебrenников - министр продовольствия и снабжения, областник; Г.Б. Патушинский - министр юстиции, народный социалист; Д. Ринчино - министр народного просвещения, Бурятский национальный комитет (Бурнацком); М.А. Колотов - министр торговли и промышленности, народный социалист; Л.А. Устругов - министр путей сообщения, беспартийный; В.Т. Тибер-Петров - министр туземных дел, Алтайская Горная дума; Д.Г. Сулим - министр экстерриториальных народностей, эсер; Н.Е. Жернаков - министр государственного контроля, эсер; И.С. Юдин - министр труда, эсер; В.И. Моравский - государственный секретарь, эсер; министры без портфелей: М.Б. Шатилов, С.А. Кудрявцев, Е.В. Захаров, Г.Ш. Неометулов - все эсеры.

Представляются не совсем верными утверждения М.Е. Плотниковой и В.В. Гармизы о том, что выдвижение кандидатур в министры "происходило в обстановке крайней поспешности", и часть присутствующих "сама произвела себя в министры"¹⁴. Проект состава правительства был подготовлен Временным Сибирским областным советом еще в конце 1917 г., сразу же после декабрьского областного съезда. Наш вывод подтверждает фрагмент переговоров П.Я. Дербера, А.Е. Новоселова, А.А. Сотникова с А.А. Краковецким, состоявшихся до 18 декабря. В ходе их члены Областного совета обещали последнему, что "в Думе при образовании министерства ваша кандидатура будет выставлена и будет принята"¹⁵. О том, что состав будущего правительства обсуждался предварительно фракциями СОД, свидетельствует официальный бюллетень ВПАС. Пытаясь объяснить щекотливое положение с легитимностью избранного горсткой депутатов правительства, он следующим образом интерпретирует ситуацию: "Арест части депутатов и нелегальная обстановка заседания не позволили всем членам Думы присутствовать на ночном заседании, однако правомочность избрания была подтверждена соответствующими полномочными представителями фракций, имевших до заседания согласованный и принятый список личного состава правительства"¹⁶.

Предполагалось, что планируемые в состав правительства деятели придут в Томск на открытие Думы. Этого не произошло по известным причинам, поэтому ряда будущих министров на заседании 28-29 января 1918 г. не было (И.И. Серебrenников, Д.Г. Сулим, А.А. Краковецкий). Более того И.И. Серебrenников узнал о своем избрании случайно. О том, что состав ВПАС был определен эсерами еще в декабре 1917 г., подтверждает еще одна деталь. Среди министров значится Д.Г. Сулим, примкнувший впоследствии к левым эсерам. Левозерская организация оформилась в Барнауле после 21 декабря 1917 г.¹⁷ Уже в это время

Д.Г. Сулим активно сотрудничал с большевиками, поддерживал советскую власть. Вряд ли эсеровское руководство Областного совета стало бы включать "красного" Сулима в состав своего правительства. Оно располагало устаревшей информацией.

На заседании Думы в ночь на 29 января 1918 г. принимается декларация Временного правительства автономной Сибири. В ней объявляется "врагом народа" Совнарком, посягнувший на Учредительное собрание, а большевики называются "изменниками революции". В то же время декларировалось сохранение советов, как организаций, которые должны участвовать в работе Всероссийского и Всесибирского учредительных собраний. ВПАС должен был осуществить:

1. Скорейшее возобновление работ Учредительного собрания, признающего автономию Сибири и других частей государства.
2. Вручить всю полноту власти в регионе до созыва местного Учредительного собрания Сибирской областной думе.
3. Дума берет на себя обязательства в ближайшее время созвать Всесибирское Учредительное собрание.
4. Частновладельческие и помещичьи земли переходят без выкупа в общенародное достояние на основе закона о земле, принятого Учредительным собранием 5 января 1918 г.
5. В промышленности - национализация копей, рудников, организация общественного контроля и регулирования¹⁸.

Сформировав правительство и приняв декларацию, Сибирская областная дума признаков жизни не подавала вплоть до лета 1918 г. После свержения советской власти и выхода из подполья в Новониколаевске эсеровского Западно-Сибирского Комиссариата 5 июня 1918 г. в Томске начались частные совещания членов Думы. Их участников можно разбить на две группировки - эсеров и их союзников (М.П. Рудаков, В.З. Малахов, В.Е. Никитин, Д.С. Сотников, З.С. Гайсин, И.М. Скуратов, И.А. Черемных), а также областников и националистов (Г.Н. Потанин, А.В. Адрианов, А.Д. Романов, Б.П. Вейнберг, Ю.Р. Саев, С.С. Борисов, С.П. Никон, Н.М. Карпов). Острая полемика развернулась по поводу персонального состава будущего сибирского правительства, поскольку областники и националисты отвергли возможность восстановления эсеровского ВПАС.

Уже на первом заседании принимается решение делегировать в Новониколаевск на помощь Комиссариату часть депутатов Думы¹⁹. А.В. Адрианов потребовал установления контроля частного совещания над Западно-Сибирским Комиссариатом. Эсерам удалось отвергнуть предложение, поскольку "государственно-правовое положение частного Совещания не дает возможности установить такой контроль"²⁰. Острая

полемика развернулась 22 июня в связи с публикацией в "Сибирской жизни" предложения "потанинского кружка" по составу будущего сибирского правительства. Эсер И. М. Скуратов выразил недоумение по этому поводу, поскольку "правительство есть, оно находится на Востоке и было выбрано на тайном совещании членов Областной Думы". На что А. В. Адрианов в сердцах заявил: "Если вы так себя поведете, то заставите "Сибирскую жизнь" выступить с объяснением, кто выбрал Временное Сибирское правительство, кто выбрал нашего Дербера. Неужели Дербер Председатель Совета Министров Сибири?! Было на тайном Совещании каких-то 40 человек"²¹.

В конечном счете на основе рекомендаций частного совещания и согласия членов Западно-Сибирского Комиссариата председатель СОД И. А. Якушев 30 июня 1918 г. в Омске специальной грамотой передал власть в регионе пятерке министров из кабинета П. Я. Дербера - П. В. Вологодскому, Вл. М. Крутовскому, И. А. Михайлову, Г. Б. Патушинскому, М. Б. Шатилову, образовавших Временное Сибирское правительство (ВСП)²². Перед ним с самого начала встал вопрос об отношении к Думе. "Сибирское Временное правительство всем народом не избрано, оно избрано лишь Сибирской областной думой, которая тоже не избрана народом. Поэтому оно называется Временным Правительством: оно считается законной властью до тех пор, пока народ не изберет другую, уже настоящую власть. Но это Сибирское Временное правительство - все-таки законная власть, ибо народ не может быть без власти ни один день. Оно еще законно и потому, что оно берется исполнить волю народа и охранять его интересы. Но главное, оно должно население довести до народовластия"²³ - так пояснял сложившуюся ситуацию меньшевик Д. И. Розенберг.

В первом своем программном документе - "Декларации о государственной самостоятельности Сибири" от 4 июля 1918 г. - ВСП прямо связало свое существование с Областной думой. "Временное Сибирское Правительство торжественно объявляет, - говорилось в ней, - что оно одно вместе с Сибирской Областной Думой является ответственным за судьбу Сибири"²⁴.

Однако по мере того, как в Томске начинают собираться члены Думы, отношение к ней со стороны правящих кругов изменяется. Показательно в этом отношении письмо управляющего военным министерством генерала А. Н. Гришicina-Алмазова председателю СОД от 21 июля 1918 г.: "В скором времени должна собраться Сибирская Областная Дума. Зная ее партийный состав, ныне вполне определившийся, так как цензовые элементы, казаки, правые социалистические группы и, наконец, кооператоры в нее войдут, - можно с уверенностью сказать, что в глазах широких слоев

общества и народа, а также в глазах армии Дума такого состава авторитетом пользоваться не будет". По его мнению: "Областная Дума сыграла крупную историческую роль, она создала и осветила власть, которую признала вся Сибирь, но та Дума, которая созывается, по моему глубокому убеждению, для удовлетворения самолюбия левого крыла партии с-р, она может свергнуть Сибирь в ужасы новой борьбы за власть". Заканчивается письмо сентенцией, ставшей девизом правых сил: "Мы переживаем время не парламентов, а твердой власти"²⁵.

Серьезная поляризация сил происходила в рассматриваемое время среди депутатов Думы. Выше мы уже говорили об этом, касаясь работы частного совещания. В последующем этот процесс ускоряется. В СОД складывается блок, объединивший правую часть мелкобуржуазной демократии, ориентирующийся на сотрудничество с буржуазией и на установление военной диктатуры. Роль цементирующего начала в нем выполняли областники. Одновременно свое отрицательное отношение к Областной думе выразила сибирская буржуазия на своем торгово-промышленном съезде в Омске 13-19 июля 1918 г. Съезд признал ВСП законной властью и выразил отрицательное отношение к Думе как к искусственному образованию, исключая "выражение общественно-го мнения"²⁶.

Несмотря на сильное давление справа, правительство принимает решение об открытии Сибирской областной думы 15 августа 1918 г. Решающую роль здесь, по нашему мнению, сыграла позиция министров - сторонников представительного органа Вл. М. Крутовского, Г. Б. Патушинского, М. Б. Шатилова. Аргументируя ее, Г. Б. Патушинский, выступая на торгово-промышленном съезде, заявил "о необходимости для правительства не отказываться от созыва Сибирской Думы как бы ни была случайна она, но мы порождены этой Думой, однородно-социалистическое министерство сделать этого не может"²⁷.

Первое заседание Сибирской областной думы открылось 15 августа 1918 г. Всего в Томске собралось 137 депутатов²⁸. Из 129 членов, на которых сохранились сведения, 60 отнесли себя к ПСР, 21 - к социал-демократам, 9 - к народным социалистам, 28 - назвали себя беспартийными и областниками²⁹. По сравнению с январем, снизилось представительство эсеров, однако мелкобуржуазные группировки абсолютно преобладали. Существенно изменилось представительство различных общественных организаций. Автоматически в состав СОД были включены прибывшие на ее открытие члены Учредительного собрания от Сибири (21), столько же депутатов представляли областные и губернские советы крестьянских депутатов. В Думе одной из влиятельных, по-прежнему, являлась фракция национальных организаций (21 депутат), однако сократилось пред-

ставительство от коренных народов региона (7) и существенно увеличилась доля делегатов от экстерриториальных национальностей (украинцев, немцев, евреев, эстонцев, латышей). 14 человек делегировали городские думы и земства, 12 - кооперативные организации, 18 - главные комитеты сибирских железных дорог, 6 человек представляли сибиряков-воинов, бывших на фронте³⁰. По социальному составу основную часть делегатов составляла интеллигенция (87 из 118) - журналисты, кооператоры, служащие, учителя, учащиеся.

На открытие сессии прибыли из Омска П.В.Вологодский, Г.Б.Патушинский, М.Б.Шатилов, П.П.Гудков, Н.И.Петров, Г.К.Гинс, А.А.Грацианов. В Думе было образовано четыре фракции: объединенная областников и беспартийных (председатель - А.В.Адрианов; секретарь - Н.П.Чертовских; члены бюро: Н.Я.Новомбергский, И.П.Бедро, Н.А.Филашев, С.М.Мелентьев, М.В.Сабунаев, А.Д.Романов); эсеров (председатель - И.Г.Гольдберг; секретарь - А.А.Магницкий; члены бюро: Т.С.Лозовой, В.Т.Сапожников, Е.И.Яницкий); социал-демократов (председатель - С.К.Неслуховский; секретарь - С.А.Тараканов; член бюро - А.М.Капустин) и национальностей (председатель - Ю.Р.Саиев; заместители председателя: Ф.Ф.Фрезе, В.А.Стокан; секретари: М.К.Амударский и С.С.Борисов).

По замыслу ВСП Дума должна была принять законопроект о пополнении своего состава за счет пензовых элементов, заслушать и одобрить декларацию правительства и создать различные комиссии. В первый день с обширной речью, представляющей программу Омского кабинета, выступил П.В.Вологодский. Премьер-министр изображал ВСП последовательным проводником идей народоправства, предполагающим в недалеком будущем созвать Сибирское Учредительное собрание. Четко прозвучала претензия на всероссийское руководство всеми антибольшевистскими силами. Далее в декларации содержалось положение о суверенности ВСП. "Оно (правительство - М.Ш.) действует как власть суверенная, - утверждал П.В.Вологодский, - с полномочиями, почерпываемыми не только от Областной Думы Совет Министров избравшей, но также из создавшегося переворотом фактического положения вещей и единодушного признания Правительства со стороны всех кругов населения и общественных организаций"³¹. Тем самым глава правительства дал понять думцам, что Омский кабинет может обойтись и без одобрения своей деятельности с их стороны.

После оглашения декларации заслушивается доклад мандатной комиссии. Выяснилось, что ряд депутатов никого не представляют. Например, шесть делегатов от сибирских фронтовых частей, которые после демобилизации старой армии прекратили существование. С другой сто-

роны, с точки зрения постановления ВСП от 6 июля 1918 г. "О недопустимости советов", запретившего их деятельность, незаконным являлось присутствие в Думе 21 представителя от советов крестьянских депутатов, среди которых числился и министр юстиции Г.Б.Патушинский, получивший мандат от Якутского областного совета крестьянских депутатов. "Формально мы обязаны допустить их, - заявил член мандатной комиссии И.П.Бедро, - но по существу я не знаю, можно ли допустить представителей мертвецов. Это ваше дело"³².

В общей сложности группа таких делегатов составила 46 человек, или ровно треть депутатов. Однако признать 46 мандатов недействительными было невозможно, поскольку тем самым не набиралось кворума в 90 человек. С другой стороны, среди 46 преобладали эсеры, в том числе и руководитель фракции И.Г.Гольдберг. Поэтому бесспорными были признаны полномочия всех наличных членов Сибирской областной думы.

После утверждения полномочий депутатов началось заслушивание деклараций, с которыми выступили С.К.Неслуховский (меньшевики), Н.Я.Новомбергский (областники и беспартийные), Л.К.Солдатов (эсеры), Ю.Р.Саиев (националисты). Все провозглашали созыв Всероссийского Учредительного собрания, борьбу с большевиками, автономию Сибири, восстановление единства России, создание боеспособной армии. Имелись и серьезные расхождения. Большевики требовали "установления нормальных отношений труда и капитала, взятие под государственный контроль частнопредпринимательской инициативы в области производства и распределения товаров". Эсеры настаивали на предоставлении территориальной автономии народам региона, чего не требовали националы, ограничиваясь пожеланием "провозглашения прав человека и гражданина и воплощения их в жизнь на всем пространстве Сибири". Наконец, областники и беспартийные заявили, что "состав настоящего законодательного собрания не соответствует решающей важности предстоящих задач" и потребовали расширения состава Думы, отказа от "пораженческих завоеваний революционной демагогии" и "вождедений как справа, так и слева"³³.

Сибирская областная дума практически не обсуждала вопрос о пополнении своего состава, отправив законопроект на доработку в одну из комиссий. Вместо этого, по настоянию эсеров, началась дискуссия о принципах создания всероссийской власти. В этой обстановке на форуме завершается оформление двух не равных по численности группировок. Эсеры, меньшевики, националисты объединяются под лозунгом создания "временной всероссийской власти" под руководством ПСР. Фракция областников и беспартийных настаивала на организации власти "не по признакам партийности, а по признакам дееспособности, персонального

авторитета, проникновения идеями патриотизма"³⁴. Создание такой власти они предлагали поручить ВСП, не связывая его "никакими определенными директивами, кроме обязанности образовать всероссийское центральное правительство на той платформе, на которой сошлись здесь оба сектора"³⁵. В конечном счете, пользуясь своим преобладанием, левое крыло Думы 70 голосами против 22 провело резолюцию по вопросу о конституировании всероссийской власти в эсеровской редакции.

Воспользовавшись пребыванием в Томске П.В.Вологодского, эсеры попытались оказать давление на правительство. С этой целью его посетила делегация СОД в составе М.А.Кроля, И.Г.Гольдберга, М.С.Фельдмана, предложившая ВСП переехать в Томск. П.В.Вологодский внимательно выслушал и...на следующий день в связи с опасностью государственного переворота был срочно вызван в Омск³⁶.

Вернувшись в Омск 20 августа, министры принимают решение о приостановке заседаний Областной думы до 10 сентября 1918 г. формально, по причине неполноты кворума и необходимости пополнения ее состава на основании законопроекта, предложенного правительством и отправленного думцами на доработку. Для соблюдения декорума И.А.Якушев от имени части депутатов предложил прервать занятия до 10 сентября, что и было единогласно поддержано³⁷.

Необходимо иметь в виду, что 20 августа Дума не разогналась. ВСП не могло пойти на это по целому ряду причин и прежде всего потому, что правительство не собиралось перед предстоящим Уфимским государственным совещанием лишать себя видимости полномочного представителя от всего населения Сибири, якобы направившего своих избранных в СОД. Приходилось учитывать и то, что вплоть до конца августа 1918 г. главным союзником в вооруженной борьбе с советской властью являлись чехи, симпатизировавшие эсерам. Но противостояние двух антибольшевистских группировок не прекратилось. Их кульминацией стали события последней декады сентября 1918 г., в которых активное участие приняли и депутаты Сибирской областной думы. Поскольку эти события были детально проанализированы в одной из наших статей³⁸, касаться их не будем. Однако выявленные нами уже после публикации показания Вл.М.Крутовского от 4 сентября 1918 г. дают основания к корректировке содержащихся в статье выводов.

Поводом для конфликта между правительством и Думой послужило задержание в Иркутске думской делегации, отправленной на Дальний Восток, вслед за выехавшим туда П.В.Вологодским. Узнав о случившемся, думцы делегировали в Омск И.А.Якушева³⁹. В конечном счете из конфликта правые вышли победителями и начали борьбу за всероссийскую власть.

Последнюю точку в истории Сибирской областной думы поставила Директория. Ведя переговоры с ВСП об образовании Всероссийского Совета Министров, она на заседании 22 октября 1918 г. принципиально согласилась на предложение Омского правительства о ликвидации Думы⁴⁰. После споров, сводившихся, по словам И.М.Майского, к тому, "что сибирское правительство хотело попросту разогнать Думу"⁴¹, Директория 23 октября большинством в один голос принимает предложение В.А.Виноградова о созыве СОД на один день для самороспуска⁴².

Предварительно думцев уговаривали дать гарантии "остаться в намеченных пределах". "Долго упрямылись социал-демократы, - отмечал В.Н.Пепеляев, - но и те обещали, если понадобится, сидеть для кворума и молчать"⁴³. Правая пресса, не скрывая удовлетворения, предсказывала скорый конец эсеровского форума. "Располагая ничтожным идейным богатством, - вещала красноярская "Свободная Сибирь", - не имея еще никакой опоры в населении, большинство Думы со всеми своими лидерами и "председателями" пошло на глупую авантюру, которую правительству ничего не стоило ликвидировать. Мы считаем Думу, после того, что случилось, заслуживающей роспуска, и необходимо положить конец назойливым приставаниям отставных политиков из сибирского Пошехонья"⁴⁴.

10 ноября 1918 г. состоялось последнее заседание Сибирской областной думы. Прибывший на него Н.Д.Авксентьев приветствовал депутатов и сделал им "определенное предложение". "Обстоятельства требуют немедленной передачи полноты всей власти единому сильному правительству, желающему помочь нашей растерзанной родине, - сказал он. - Пусть Сибирская областная дума, проникнутая порывом самоотверженности, подобно созидателю России Петру, скажет: "...ибо обо мне ведайте, что мне жизнь недорога, лишь бы была счастлива Россия, Россия свободная, федеративная и справедливая"⁴⁵. В подобном духе глава Директории еще долго уговаривал думцев самораспуститься. Как справедливо подчеркнул В.А.Демидов, "эсеры и меньшевики не решились даже на словесную фронду"⁴⁶. Речь Н.Д.Авксентьева прерывалась овациями и возгласами: "Да здравствует Всероссийское правительство, да здравствует Авксентьев!" Выступившие после него от фракции эсеров Е.Е.Колосов, И.Г.Гольдберг, националист С.Д.Майнагашев поддержали призыв к самопожертвованию. 66 голосами при 12 воздержавшихся и одном против Дума принимает решение о самороспуске⁴⁷. После голосования Н.Д.Авксентьев произнес еще одну речь "по поводу проявленной Сибирской областной думой жертвенности, мудрой государственности и согласованности действий с временным Всероссийским правительством". На этом же заседании думцы приняли решение о создании комиссии для

разработки положения о выборах во всесибирский представительный орган⁴⁸.

Сибирская областная дума, на которую Временное Сибирское правительство посягало еще в августе и сентябре 1918 г., была ликвидирована с помощью ее создателей и активных сторонников - эсеров, меньшевиков, националистов и т.д. Оценивая данное событие, И.М.Майский заметил, что согласившись на ликвидацию Думы, Директория "тем самым выбивала у себя из-под ног одну из довольно крупных по тогдашнему масштбу "демократических" подпорок, что означало дальнейшее ослабление позиций самой Директории"⁴⁹, а А.А.Аргунов сравнивал данную акцию по политическим последствиям с ликвидацией Комуца⁵⁰.

Примечания

1. Шиканов Л.А. К вопросу о хронологических рамках "демократической" контрреволюции в Сибири //Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. - Новосибирск, 1985. - С. 65; Суверов В.М. Деятельность партийных организаций Сибири по укреплению союза рабочего класса с крестьянством (октябрь 1917 - 1925). - Томск, 1985. - С. 134; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. - М., 1983. - С.538; Крюков В.М. Как умирала Дума //Сиб. старина (Томск). - 1993. - N 3. - С. 6.
2. Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х - 60-х годах XIX века. - Новосибирск, 1989. - С. 56-59.
3. Право, 1905, 1 окт., С. 3253-3254.
4. ГАНО, ф.п. 5, оп.4, д.352, лл. 41,42.
5. ГАНО, ф.п. 1 43, оп.1, д.28, лл. 15-16.
6. //Изв. Сиб. орг. комитета Сибирской областной думы. - 1917. - 8 сент. - С. 11.
7. ГАНО, ф.п. 5, оп. 4, д. 645, лл. 9,10.
8. ГАНО, ф.п. 5, оп. 4, д. 659, лл. 6-8.
9. ГАНО, ф.п. 5, оп. 4, д. 656, л. 1.
10. Якушев И. Письмо депутата //Новая Сибирь (Иркутск). - 1918. - 19 февр.
11. Круссер Г. Колчаковщина. - Новосибирск, 1928. - С. 5-6; Парфенов П.С. Гражданская война в Сибири 1918-1920. - М., 1925. - С. 16; Разгон И.М. Расстановка классовых сил в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции //Тр. Томск. ун-та. - Т. 214. - 1969. - С. 25; Плотнокова М.Е. Роль Временного Сибирского правительства в подготовке контрреволюционного колчаковского переворота в

Сибири //Тр. Томск. ун-та. - Т. 167. - 1964. - С. 55; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. - М., 1970. - С.72; Лившиц С.Г. Крах Временного правительства автономной Сибири //Вопросы истории. - 1974. - N 8. - С. 90; Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционализма к контрреволюции. - М., 1975. - С. 231.

12. //Знамя революции (Томск). - 1918. - 27 янв.
13. ГАРФ, ф. 176, оп. 13, д. 24, л. 7.
14. Плотнокова М.Е. Указ. соч. - С. 55; Гармиза В.В. Указ. соч. - С. 72.
15. //Знамя революции. - 1918. - 28 янв.
16. ГАРФ, ф. 176, оп. 13, д. 24, л. 7.
17. Бондаренко А.А. Образование левозэсеровских организаций в Сибири //Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. - Томск, 1982. - С. 97.
18. Гармиза В.В. Указ. соч. - С. 74.
19. ГАРФ, ф. 176, оп. 5, д. 120, л. 3.
20. Там же, л. 6.
21. Там же, л. 15.
22. ГАНО, ф.п. 5, оп. 4, д. 737, л. 1.
23. //Народная газета (Томск). - 1918. - 7 июля.
24. ГАРФ, ф. 5871, оп. 1, д. 92, л. 8.
25. ГАРФ, ф. 193, оп. 1, д. 4, л. 3.
26. //Сиб. жизнь. 1918. - 27 июля.
27. Там же.
28. ГАНО, ф.п. 5, оп. 4, д. 799, лл. 50-51.
29. ГАНО, ф. 72, оп. 3, д. 45, л. 53.
30. ГАНО, ф.п. 5, оп. 4, д. 799, лл. 50-51.
31. ГАНО, ф.п. 5, оп. 2, д. 1478, лл. 2,4,7.
32. //Сиб. жизнь. 1918. - 21 авг.
33. //Сиб. жизнь. 1918. - 24 авг.
34. //Сиб. жизнь. 1918. - 30 авг.
35. //Сиб. жизнь. 1918. - 31 авг.
36. ГАРФ, ф. 5869, оп. 1, д. 17, лл. 29-30.
37. //Сиб. жизнь. 1918. - 4 сент.
38. Шиловский М.В. Омские события последней декады сентября 1918 г. //Вопросы истории Сибири XX века. - Новосибирск, 1993.
39. ГАНО, ф.п. 5, оп. 2, д. 1568, л. 3.
40. ГАНО, ф.п. 5, оп. 2, д. 1481, л. 69.
41. Майский И.М. Демократическая контрреволюция. - М. - Пг., 1923. - С. 321.
42. ГАНО, ф.п. 5, оп. 2, д. 1481, лл. 76-77.

43. Дневник В.Н.Пепеляева //Красные зори (Иркутск). 1923. - N 4. - С. 86.
44. //Свободная Сибирь. 1918. - 5 ноября.
45. //Свободная Сибирь. 1918. - 15 ноября.
46. Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. - Новосибирск, 1978. - С. 214.
47. //Народная Сибирь. 1918. - 14, 17 ноября.
48. //Томский кооператор. 1918. - N 3. - С. 16.
49. Майский И.М. Указ.соч. - С. 321.
50. ГАРФ, ф. 5869, оп. 1, д. 15, л. 12.

§ 2. Экономическая политика правительства адмирала А.В.Колчака и ее реализация

В подавляющем большинстве трудов по истории гражданской войны, народного хозяйства страны после октябрьской революции аспект хозяйственной деятельности белогвардейцев либо подлежал умалчанию, либо подавался исключительно в негативном свете, без должного углубленного аналитического рассмотрения происходящих процессов. А ведь уже на третий день после своего избрания Верховным правителем А.В.Колчак поручил управляющему делами совета министров Г.Г.Тельберу оформить учреждение Чрезвычайного Государственного экономического совещания. Законопроект был разработан видным сибирским предпринимателем и финансистом, бывшим государственным контролером царского правительства Штурмера С.Г.Феодосьевым и предполагал преобладание в совещании представителей от торговопромышленного класса. Совет министров внес коррективы в пользу представителей кооперации, и 23 ноября 1918 г. Государственное экономическое совещание открыло свою работу. На первых семи заседаниях председательствовал сам Колчак, подчеркнувший, что "ему от экономического совещания нужны директивы, которыми он мог бы руководствоваться для направления работ различных ведомств по определенному пути"¹. Заместителем председателя стал С.Г.Феодосьев, членами совещания - министры: военный, финансов, торговли и промышленности, продовольствия, снабжения, путей сообщения, государственный контролер; представители Всероссийского совета съездов торговли и промышленности, совета кооперативных съездов, частных и кооперативных банков. Совещание имело своей целью содействие правительству в деле восстановления и развития экономической жизни. Оно могло делать Верховному правителю представления о

необходимости проведения тех или иных мер в различных отраслях народного хозяйства, имея при этом в виду приоритетность снабжения армии. Совещание обязано было рассматривать все подготовленные ведомствами законопроекты хозяйственного значения и давать по ним авторитетный отзыв.

В конце ноября совещание утвердило программу ближайших работ. В ней предусматривалось: 1. Снятие с внутренней торговли и промышленности всех ограничений, вызванных первой мировой войной, предоставление свободы действий частным банкам; 2. Обсуждение проблемы государственного бюджета. Для повышения его доходности предусматривалось повышение железнодорожных тарифов, восстановление акцизов, усиление прямых налогов, повышение таможенной пошлины. Во имя сокращения расходов казны планировалось упорядочить железнодорожное хозяйство и деятельность промышленных предприятий, упразднить ненужные учреждения и штаты, ограничить выдачу из казны ссуд на поддержание деятельности частного сектора экономики; 3. Руководство работой Государственного банка и его подразделений; 4. Широкое использование кредитов (внутренних и внешних) для покрытия неизбежного дефицита в государственном бюджете и удовлетворения неотложных потребностей хозяйственной жизни; 5. Проведение внешней торговли и новой таможенной политики; 6. Принятие мер к поднятию производительных сил в целом и, в частности, в сельском хозяйстве, лесной и горной промышленности; 7. Выработка рабочего законодательства; 8. Организация ведомств, руководящих отдельными отраслями экономики².

Совещание, его состав и ближайшие цели были рассчитаны на кратчайшие сроки. Экстренные меры (например, по снабжению армии продовольствием и обмундированием), действительно, принимались оперативно и с максимально возможной эффективностью. Но более широкие задачи, связанные с восстановлением капиталистической экономики, требовали длительной, планомерной работы. Кроме того, все более опускалась потребность привлечь к решению новых обширных задач земскую и городскую общественность, деятелей науки, учебных заведений, профсоюзов, казачье самоуправление. В июне 1919 г. совещание собралось в новом, расширенном составе. Возглавил его Г.К.Гинс - новый председатель. Однако с этого момента совещание превратилось скорее в трибуну политических и общественных споров и все более утрачивало свою чисто экономическую направленность.

Между тем проблема выработки основ экономической политики правительства становилась все актуальнее. Еще осенью 1918 г. министерства получили задание по подготовке программ своей будущей деятельности. К весне в правительство такие проекты были представлены. Их необхо-

димо было обобщить и составить общий план действий в области социально-экономической жизни. Для этой цели по постановлению совета министров от 18 февраля 1919 г. был образован специальный, чисто правительственный комитет по выработке экономической политики (вскоре переименованный в комитет экономической политики). Во главе комитета встал министр земледелия Н.И.Петров. Весь март ушел на обсуждение представленных министерских программ и сведение их в общий план правительства. В дальнейшем, вплоть до октября 1919 г., общая программа действий дорабатывалась, а в шести секциях комитета велась детальная проработка отдельных ее положений³.

В основу экономической политики возрождаемой России был положен принцип частного хозяйства, как наиболее приемлемый для традиций национального хозяйства и экономическо-правового уклада населения. В некоторых отраслях допускалось существование государственного, муниципального и кооперативного секторов. В ряду первоочередных проблем выделялась задача интенсификации сельского хозяйства. Решать ее предстояло за счет расширения земельных площадей мелких хозяйств. Для этого предстояло учесть и перераспределить все виды нетрудового землевладения. Предусматривалось принудительное отчуждение крупных частновладельческих земель, за которые выплачивались государственные компенсации. В свою очередь получатели земли обязывались оплатить ее стоимость. Насильственная ломка многообразных форм крестьянского землевладения признавалась нецелесообразной. Сельскому населению предоставлялась возможность сохранить и развивать те формы землевладения, которые ему были предпочтительнее.

Крепкое народное хозяйство было немислимо без создания и развития собственной промышленности. Ее строительство должно вестись по четкому плану. Наибольшее внимание предстояло обращать на развитие крупной индустрии как наиболее стойкой к различным потрясениям. Но в настоящий тяжелый момент государство не должно отказывать в поддержке и поощрении мелкой и особенно кустарной промышленности. Первостепенное внимание предстояло обратить на привлечение капиталов в топливную, лесную, металлургическую, металлообрабатывающую, горнодобывающую отрасли. Безусловно, допускалось и приветствовалось присутствие иностранного капитала, но права его должны были быть четко и определенно оговорены и зафиксированы. Отечественный промышленник защищался таможенными барьерами. Однако покровительственная система не могла защищать отсталое производство. Развитие промышленности было немислимо без пересмотра рабочего законодательства, в котором необходимо было закрепить те социальные завоева-

ния революции, что не препятствовали повышению производительности труда и не увеличивали издержки производства.

В области торговли объявлялся принцип свободной частной торговой инициативы. Но при крупном товарном дефиците государство обязано было найти формы, по возможности, безболезненного воздействия на заготовку и распределение самых необходимых продуктов. Внешнеторговый обмен подлежал регулированию со стороны государственных органов. Получал поддержку импорт продуктов хозяйственного назначения и первой необходимости. Ввоз предметов роскоши ограничивался специальными таможенными правилами или запретом. Стимулировался вывоз на мировые рынки фабрикатов и полуфабрикатов российской промышленности. Для улучшения торгового баланса допускался сбыт сырья, но с учетом внутренних потребностей и обязательно на выгодных условиях. Для наилучшего использования мирового опыта торговли государство содействовало открытию совместных торговых объединений.

Для осуществления преобразований в различных секторах народного хозяйства требовалось улучшение внутренней финансовой системы. Поддержку со стороны государства получал частный банковский аппарат, который должен был восстановить доверие к себе со стороны населения. В перспективе взамен различных денежных суррогатов страна должна была получить устойчивую денежную единицу. Главными источниками денежных поступлений становились печатный станок и налоги. При этом основное внимание предстояло сосредоточить на государственных монополиях, акцизных сборах, других косвенных налогах.

В области путей сообщения заявлялось о всемерном стремлении к восстановлению и улучшению существующих транспортных коммуникаций, увеличению грузоперевозок. Строительство сети новых железных и шоссейных дорог должно было вестись смешанным путем на средства государства и частных лиц. В качестве ближайшей задачи провозглашалось восстановление и широкое использование водного транспорта, на перспективу предполагалось развитие в городах трамвайного движения⁴.

Создание и конкретная проработка отдельных положений общей экономической программы правительства свидетельствуют о том, что белогвардейские власти не собирались, несмотря на тяжесть внутриполитической и военной ситуации, откладывать реализацию намеченного в долгий ящик. Но для этого требовалось сформировать четкую и достаточно гибкую систему управления экономикой.

В середине апреля 1919 г. были разграничены функции Государственного экономического совещания и комитета экономической политики. Комитет стал основным правительственным органом, объединяющим работу ведомств по вопросам народного хозяйства и согласующим от-

дельные мероприятия в этой области. Совецание приняло вид консультативного органа, выражающего общественное мнение по хозяйственно-экономической проблематике⁵.

Сразу после отступления большевиков при временных правительствах стали воссоздаваться министерства или аналогичные им органы под другими названиями. При Директории произошло слияние этих структур в единое целое. Но ведомственные функции продолжали носить местный характер. Они ограничивались рамками решения текущих хозяйственных и внутриполитических задач Урало-Сибирского региона и некоторых прилегающих районов. Образцовой считалась схема организации министерства путей сообщения, во главе которого стоял министр, имевший одного заместителя (товарища министра). Им подчинялись четыре отдела: технико-хозяйственный, общих дел, эксплуатационно-инспекторский и финансово-счетный⁶.

С созданием Российского правительства адмирала А.В. Колчака, взявшего на себя обязанности верховной государственной власти, круг деятельности министерств значительно расширился. Произошла их внутренняя перестройка. В январе 1919 г. по постановлению совета министров центральным учреждениям было предоставлено право восстановления штатов в пределах, действовавших до конца октября 1917 г. В уже упоминавшемся министерстве путей сообщения вместо прежних отделов сформировалось семь управлений (железнодорожные: административное, техническое, эксплуатационное, хозяйственное; внутренних водных путей; по сооружению новых железных дорог; шоссежных и грунтовых дорог). Каждое из них имело своего начальника, канцелярию, счетную часть, техническую, эксплуатационную, исследовательскую и другие службы. При министре путей сообщения функционировали специальный совет и собственная канцелярия. Существовала юрисконсультская часть, рассматривался вопрос создания врачебно-санитарной службы⁷. Новые штаты были громоздкими, требовали огромных бюджетных вливаний, быстро обюрокрачивались. Вопросы, требовавшие незамедлительного разрешения, часто залеживались в министерствах по одному-два, а иногда и три месяца. Лишь осенью 1919 г., когда территория, подвластная Колчаку, существенно сократилась и задачи восстановления единой российской государственности откладывались на перспективу, штаты центральных учреждений были сокращены почти наполовину.

Наряду с центральными структурами воссоздавались отраслевые. Для управления промышленностью в полном соответствии с царским горным уставом возобновили работу горные управления: Томское, Иркутское, Временное Приамурское, Главное управление Нерчинского горного округа. На Урале в августе 1918 г. были образованы Уральский промыш-

ленный комитет и Главное управление горных дел Урала, позже преобразованное в Уральское горное управление. К концу 1918 г. практически сложилась вся система управления крупной промышленностью: горное управление - уполномоченные по управлению горными округами, уполномоченные по управлению отдельными предприятиями. На транспорте были воссозданы управления железных дорог и округов водных путей сообщения. К июню 1919 г. в восточных районах России функционировала разветвленная сеть финансовых учреждений, насчитывавшая 10 казенных палат и 98 казначейств⁸. Для объединения лиц, занимающихся торгово-промышленной деятельностью были восстановлены Всероссийский совет съездов представителей торговли и промышленности (председатель - уфимский промышленник А.А. Гаврилов) и совет всесибирских кооперативных съездов (председатель А.В. Сазонов). К середине июня 1919 г. на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока, по неполным данным, работали 24 биржевых комитета, 36 торгово-промышленных союзов и товариществ, 12 советов (бюро) отраслевых съездов промышленников, 11 обществ заводчиков и фабрикантов, 18 временных торгово-промышленных палат, ряд других организаций⁹.

Восстановление разрушенного хозяйства, формирование боеспособной армии были немислимы без осуществления серьезной и взвешенной финансово-денежной политики. Однако в этом вопросе имелись существенные затруднения, начавшиеся задолго до описываемых событий и обострившиеся в годы первой мировой войны. Они породили невиданные прежде объемы денежной массы, дефицит бюджета, иностранные займы и обязательства.

Военное противостояние на фронтах гражданской войны разорвало единое финансово-денежное пространство. Минимум наличных средств и необходимость широкого субсидирования армии (поглощавшей до 7-8 млн. рублей ежедневно), промышленности и транспорта требовали от белых властей принятия срочных мер по ослаблению острого денежного кризиса. Под лозунгом "здоровые финансы - лучшее свидетельство здоровой государственной политики"¹⁰ развернулось быстрое формирование министерства финансов и его подразделений. Министром финансов сначала Временного Сибирского, затем Временного Всероссийского и Российского правительств стал И.А. Михайлов, достаточно знающий вопросы экономики и финансов работник, успевший поработать заведующим Петроградским отделением экономического отдела Всероссийского земского союза, управляющим делами экономического совета при Временном правительстве, одним из ближайших помощников министра А.И. Шингарева. Рядом с министром заняли посты опытные финансисты

Н.Д.Буяновский, Н.Н.Кармазинский, А.П.Мальцев, А.А.Скороходов, И.Н.Хроновский и другие.

Формулируя основы экономической политики, власти, как уже отмечалось, все свои помыслы направили на развитие производительных сил страны. Однако с учетом конкретной ситуации деятельность министерства финансов по борьбе с нехваткой денежных средств развивалась в двух плоскостях, не самых лучших с точки зрения поощрения производства. Во-первых, путем повышения доходности казны от получения прямых и косвенных налогов и, во-вторых, путем осуществления выпуска новых казначейских знаков и краткосрочных обязательств, принятия в обращение (через штемпелевание) многочисленных краевых денежных знаков.

Для практической реализации первого направления в аппарате министерства финансов были воссозданы главное управление налогов и сборов (начальник Я.П.Эйлер), отделы акцизов (директор Н.А.Жаринов) и монополий (директор К.А.Столярский), местные представительства (акцизные управления, институты податных инспекторов, сборщиков податей и др.). Для установления тесного сотрудничества с общественностью по вопросам налогообложения в рамках Государственного экономического совещания собиралась финансовая комиссия, открыли работы присутствие по государственному промысловому налогу и тарифный совет. В прежнем виде (с учетом поправок 1917 г.) было восстановлено соответствующее законодательство.

В отношении прямого обложения (поземельное, подоходное, промысловое и др.) министерство финансов, начавшее свою деятельность в середине 1918 г., когда окладные листы уже были разосланы на места, не нашло возможным повысить налоговые ставки. За их увеличение, правда, активно выступило Государственное экономическое совещание, зафиксировавшее это в своем программном заявлении и поставившее вопрос на обсуждение¹¹. Но реальная оценка обстановки диктовала иные действия. В октябре 1918 г., делая доклад по финансовым вопросам на Уральском торгово-промышленном съезде, видный финансист и предприниматель В.П.Аничков указывал, что из европейских стран - участниц первой мировой войны - лишь Великобритания решилась на подобное повышение¹². В то же время в министерстве финансов прекрасно понимали, что для общего усиления прямого обложения необходимы высокое развитие торговли и промышленности, пополнение штатов фискальной службы квалифицированными работниками, повышение культуры самих плательщиков и т.п., то есть условия, в тот момент почти полностью отсутствовавшие. В своих действиях властям приходилось также учитывать сокращение круга объектов обложения, факты острого недовольства населения, особенно предпринимателей, возможностью его усиления. В

марте 1919 г., практически исчерпав свои внутренние резервы для принятия мер, с просьбой о помощи в сборе прямых налогов Я.П.Эйлер обратился к совету съездов торговли и промышленности. В ответ торгово-промышленники подтвердили старый тезис о необходимости сокращения налогового бремени и выдвинули встречные требования к совету министров¹³. Видимо, совсем не случайно после своего доклада в Государственном экономическом совещании о прямом обложении, отвечая на вопрос С.Г.Феодосьева о том, что надо сделать, чтобы налоги действительно поступали в казну, товарищ министра финансов И.Н.Хроновский назвал среди возможных мер чисто физическое воздействие. Хотя при этом он указал, что данный путь сейчас неприемлем и даже вреден, а предпочтение надо отдать улучшению работы податного аппарата¹⁴.

После длительных дебатов и согласований был найден компромиссный вариант. Ставки увеличивались только в поземельном налоге, в который включили недоимки, накопившиеся в 1917-1918 гг. По другим видам прямого обложения министерство финансов пошло по пути даже некоторого сокращения объемов собираемых налогов. Так, не был осуществлен в Сибири сбор особого единовременного подоходного налога 1917 г., не был возобновлен налог на прирост прибыли на 1918 г., а на 1919 г. он носил весьма умеренный характер¹⁵. В мае 1919 г. на стадии предварительного обсуждения был заморожен вопрос о взимании с промышленных и горнодобывающих предприятий земского налога¹⁶.

С расширением подвластной территории и постепенным наведением порядка в налоговых службах объемы прямых сборов стали из месяца в месяц возрастать. Особенно интенсивный рост поступлений наблюдался от поземельного налога. Если в июле 1918 г. было собрано около 78 тыс. рублей, в августе - 231 тыс., то в декабре 1918 г. - уже 3784 тыс., а в мае 1919 г. - 3459 тыс. рублей. Аналогичным образом, хотя и с меньшими темпами роста, складывалась ситуация со сбором подоходного и промыслового налогов. Их размеры с июля 1918 г. по май 1919 г. увеличились соответственно в 27,5 раз и 14,4 раза. Общий месячный сбор прямых налогов возрос за этот же период с 0,5 млн. рублей до 11,4 млн. рублей (то есть в 22,8 раза)¹⁷. Со второй половины июня 1919 г., времени, когда Белая армия начала терпеть военные поражения и отходить на восток, поступления в казну от прямого обложения стали постепенно сокращаться. Осенью министерство финансов и Государственное экономическое совещание были вынуждены вернуться к подготовке и обсуждению законопроектов по совершенствованию системы прямого обложения. В сентябре были внесены коррективы в положение о подоходном налоге¹⁸. В декабре 1919 г. в совет министров на утверждение был направлен закон

о повышении окладов основного промыслового налога¹⁹. Однако изменить общее положение дел в их сборе эти решения не смогли.

При ограниченных возможностях взимания прямых налогов и катастрофически растущем дефиците бюджета повышенное внимание, как в свое время и Временное правительство, белые власти обратили на косвенное обложение, весьма простое и удобное на практике, а также более доходное. Позже такие распоряжения стали появляться регулярно. Расширялся список товаров, облагаемых налогом. В начале 1919 г. в него включались спирт, вино, пиво, дрожжи, папиросные гильзы и бумага, табак, чай, спички, нефтяные, осветительные масла и др. В результате произошло существенное увеличение объемов поступлений. В июле 1918 г. доходы от акциза составили 1868 тыс. рублей, в декабре 1918 г. - 7276 тыс., в июле 1919 г. - 15649 тыс. рублей. Широко практиковалось введение и последующее увеличение размеров (по мере обесценивания денег) различных сборов и специальных пошлин (с недвижимого имущества, с наследства, гербового и патентного сборов и др.). С июля 1918 г. по апрель 1919 г. они возросли в 22,8 раза и оставались на стабильно высоком уровне вплоть до осени 1919 г.²⁰

Постепенно совершенствовалась налогово-тарифная система на казенных железных дорогах. Для этой цели в октябре 1918 г. в составе министерства финансов были образованы департамент железнодорожных дел и тарифный совет (оба новых органа возглавил И.А.Дамич). Первоначально они сосредоточили свою деятельность на урегулировании введенных ранее тарифов, затем приступили к пересмотру закона о временном налоге с пассажиров, перевозимых грузов и багажа. Работы велись ускоренными темпами, так как от их успешности зависела судьба не только общего государственного бюджета, но и непосредственно самих железных дорог. Проблема состояла в том, что к началу 1919 г. расходы на содержание железных дорог уже в 4-5 раз превосходили доходы от эксплуатации. Громадная часть перевозочных средств бездействовала. Это грозило полной остановкой всякой хозяйственной жизни в Сибири, вызывало серьезные опасения в военных кругах. Несмотря на то, что повышение тарифов и налогов наносило удар по сиюминутной прибыли торговопромышленников, даже их лидеры А.А.Гаврилов и князь А.А.Кропоткин не оказывали при обсуждении сильного сопротивления²¹.

С 1 января 1919 г. постановлением совета министров ставки налога были повышены десятикратно, согласовывались правила его взимания и взноса в казну. Параллельно решался вопрос о пересмотре тарифов на железнодорожные перевозки. Новые ставки, введенные с 1 апреля, привели к увеличению стоимости пассажироперевозок на 300 процентов, а

грузоперевозок на 900 процентов и установлению специальных дополнительных сборов²². Тарифы и налоги повышались огульно, так как для их нормального исчисления практически полностью отсутствовал исходный статистический материал. Однако против ожидания к резкому вздорожанию транспортируемых грузов это не привело по причине осуществления перевозок, в основном, на небольшие расстояния. Кроме того, вводились широкие налоговые и тарифные льготы на перевозку больных, беженцев, переселенцев, учащихся и их имущества, грузов Красного Креста для бесплатной раздачи их населению Сибири и др. В перспективе подход к пересмотру налогово-тарифной системы должен был стать более обоснованным. Это произошло уже в августе - сентябре 1919 г. при утверждении новых ставок²³. Несмотря на принятые меры, поступление доходов от железных дорог возрастало медленнее других, хотя и приносило немалые суммы в абсолютном исчислении. В июле 1918 г. доход составил 20,0 млн. рублей, марте 1919 г. - 29,8 млн., мае-июне 1919 г. - 122,9 млн. рублей²⁴.

Министерство финансов и акцизные управления изыскивали новые объекты для обложения. В первую очередь их внимание было обращено на такую разновидность косвенных налогов, как фискальные монополии на продажу спирта, вина, сахара. Летом 1918 г. в Сибири скопились большие запасы спирта и вина (57,9 млн. литров), готовых к употреблению, из которых более 91 процента принадлежали государству²⁵. Продажа сулила немалые материальные выгоды, и предприниматели не хотели их упускать. В ноябре 1918 г. состоялся съезд винокуренных заводчиков Урала и Сибири, на котором было решено основать синдикат и взять винную торговлю в частные руки. Однако министр И.А.Михайлов не соглашался. Тогда заинтересованная сторона предприняла последнее средство. По свидетельству Г.К.Гинса, в тяжбу был вовлечен архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр (Ольшевский), направивший обстоятельное письмо адмиралу А.В.Колчаку. В нем священнослужитель доказывал, что продажа водки казноу вредит престижу власти, и предлагал передать винную торговлю в частные руки. Как вспоминал Г.К.Гинс, "закулисное влияние сквозило очень ясно, и адмирал, всегда чуткий к фальши и дороживший авторитетом своего правительства, встал на сторону последнего"²⁶. С осени 1918 г. казенная монополия на винную торговлю, в отмену решений предшествующих российских правительств, была восстановлена окончательно. Она проводилась, в основном, четырьмя акцизными управлениями Сибири и приносила все возрастающий эффект. В сентябре 1918 г. винная монополия обеспечила казне 3,1 млн. рублей, в декабре - 22,0 млн., в апреле 1919 г. - 45,0 млн., в июле - 79,5 млн. рублей (наивысший месячный показатель среди всех видов налогов).

Спад поступлений произошел лишь в августе 1919 г., когда закрылись винные склады Акмолинской области, самые большие по запасам и размерам продаж²⁷.

Параллельно с винной монополией министерство финансов восстановило введенную Временным правительством А.Ф. Керенского сахарную монополию и только во второй половине 1918 г. получило дополнительно более 1,6 млн. рублей прибыли²⁸. В сентябре 1918 г. была установлена государственная монополия на игральные карты²⁹. Казна пополнялась также за счет постоянно возраставших в объемах сборов налогов: таможенного, почтово-телеграфного, горного и других.

В августе - сентябре 1919 г. неудачи на фронтах военных действий обусловили ощутимое падение поступлений от обычных доходов. Реагируя на происходящие изменения, министерство финансов подготовило на утверждение совета министров ряд новых законопроектов. Они предусматривали установление чрезвычайных налогов военного времени на специальные текущие и ресторанные счета, коммерческие объявления и плакаты, билеты на публичные зрелища и увеселения, аукционы, ишпордные тотализаторы и др.³⁰

В целом в течение первого года правления антибольшевистских правительств на территории Урала и Сибири доходы казны от сбора налогов стабильно возросли. Если в июле 1918 г. было получено 27,1 млн. рублей, то в декабре 1918 г. - уже 80,8 млн. рублей. Причем увеличились не только абсолютные, но и относительные показатели. Так как реальная стоимость рубля за эти же месяцы составила соответственно 8,0 и 4,9 копейки от уровня января 1915 г. (когда один рубль условно оценивался в 100 копеек), то можно утверждать об относительном росте объемов поступлений налогов в 1,8 раза³¹.

Много это было или мало? Проект государственной росписи доходов и расходов на вторую половину 1918 г., опубликованный в Омске, позволяет провести сравнение размеров доходов, поступивших в казну в 1916-1917 гг. и второй половине 1918 г. по сибирским губерниям и областям. Произведенные подсчеты свидетельствуют, что в абсолютном исчислении доходы второй половины 1918 г. превзошли сопоставимые показатели 1917 г. в 3,3 раза и 1916 г. - в 3,2 раза. С поправкой на падение реальной стоимости рубля они соответственно составили 80 процентов от уровня сбора в 1917 г. и 38,5 процента от показателей 1916 г.³²

В первой половине 1919 г. рост доходов казны продолжается, но темпы его снизились. В мае - июне размер поступлений от обложения составил 375,6 млн. рублей. Учитывая, что рубль к этому времени упал в реальной стоимости до 2,2 копеек, относительное увеличение доходов от налогов составило лишь 104,4 процента от уровня второго полугодия 1918 г.³³

Таким образом, в период белогвардейского правления на востоке России была восстановлена достаточно развитая система налогообложения населения. В основе ее лежал сбор прямых налогов. Однако в силу трудностей переживаемого момента он не мог давать крупных доходов. В некоторых районах (например, в Забайкальской области) из-за отсутствия у населения денежных знаков налоги вообще собирались натурой³⁴. Главный упор был сделан на косвенное обложение, система которого постоянно совершенствовалась и обновлялась, предусматривала широкие льготы. Между тем дефицит государственного бюджета, выразившийся во втором полугодии 1918 г. в 1,4 млрд. рублей, к концу 1919 г. обещал возрасти по предварительным подсчетам до 15-18 млрд. рублей³⁵. Поэтому покрытие его могло быть достигнуто лишь за счет повышения доходов казны от поступления налогов, а осуществлялось, прежде всего, эмиссией денежных знаков.

Придя к власти, временные правительства, а прежде и Российское правительство вынуждены были выпустить в обращение (при условии специального штемпелевания) многочисленные местные денежные знаки, купоны, чеки, бонны и другие суррогаты (самарские, уральские, оренбургские, амурские, читинские, "хорватские" и др.). К середине 1919 г. в обороте их находилось на сумму 575441 тыс. рублей³⁶.

Особое внимание было уделено выпуску новых "сибирских" денежных знаков. Выступая в январе 1919 г. на одном из заседаний Государственного экономического совещания, С.Г. Феодосьев подметил, что правительство и экономическое совещание, конечно, отдавали себе отчет в том, что постоянно жить при помощи печатного станка невозможно. В то же время они сознавали, что нельзя будет "начать излечение экономического организма государства, привыкшего к громадным выпускам бумажных денег, с прекращения их выпуска"³⁷. В короткие сроки была воссоздана экспедиция заготовления государственных ценных бумаг. Но недостаток оборудования и материалов, срочность осуществления эмиссии заставили совет министров пойти по упрощенному пути: с одной стороны, наладить производство разменных кредитных билетов мелкого достоинства, с другой, обеспечить хождение наравне с первыми вновь выпускаемых казначейством пятипроцентных краткосрочных обязательств³⁸. Основными центрами производства денежных знаков стали: Екатеринбург (дававший до 70 процентов новых денег в купюрах крупного достоинства), Омск, Иркутск, а с осени 1919 г. и Владивосток. Деньги выпускались литографическим способом, получались бледными, не были защищены от подделки. Однако размеры их производства постоянно возрастали. В декабре 1918 г. из-под печатного станка вышло 450 млн. рублей, в начале февраля 1919 г. за неделю выпускалось уже около 300

млн., в мае-июне - по 1000 млн. рублей в месяц³⁹. В результате весной - в начале лета 1919 г., когда сумма эмиссии составила почти 7,5 млрд. рублей, положение с денежной наличностью существенно улучшилось. Правда, все более острым становился кризис производства купюр мелкого достоинства (от 100 рублей и менее), которых печаталось менее 5 процентов от суммы эмиссии, тогда как купюры достоинством в 5000 рублей составляли около 45 процентов выпуска⁴⁰. Но и здесь наметились положительные перемены.

С улучшением финансового положения весной 1919 г. появилась возможность приступить к проведению первого этапа денежной реформы - выводу из обращения "керенок" достоинством в 20 и 40 рублей. Многие специалисты высказывали сомнение в своевременности этого шага, но сама жизнь требовала его осуществления. Сибирь попросту задыхалась от притока "керенок" из Советской России, где их производство было доведено до феноменального рубежа - в 10 млрд. рублей в месяц⁴¹. Начиная с 15 мая 1919 г., в месячный срок держатели "керенок" могли обменять их в банках, казначействах и сберегательных кассах. Лицам, сдавшим изымаемые знаки, выдавались квитанции, по которым 50 процентов принятой от них суммы правительство обязывалось выплатить до 1 января 1920 г., а остальные 50 процентов - в двадцатилетний срок равными долями с поправкой на инфляцию⁴². По истечении месячного срока министр финансов и государственный контролер должны были объявить населению новые сроки и условия обмена. На первый взгляд, выдвинутые правительством условия обмена "керенок" превращали его в обычный заем с достаточно неопределенными сроками возврата денег. Это должно было бы привести многих граждан на грань финансового банкротства или, по крайней мере, существенно ухудшить их материальные возможности. Однако на практике изъятие денежных знаков было с пониманием воспринято многими слоями населения и проходило достаточно успешно. К 1 июля 1919 г., по сведениям министерства финансов, в кассу Государственного банка от частных лиц поступило уже около 960 млн. рублей "керенок"⁴³. Причем часто этими знаками взносы делались с последующим зачислением на текущие счета и, несмотря на свободную выдачу вкладов, оставались невостребованными⁴⁴. Изъятие "керенок" очищало рынок от значительной (по размерам) части денежных суррогатов, давало возможность в некоторой степени подавить спекуляцию на Дальнем Востоке, выбивало из рук большевиков важное орудие разложения экономики белого лагеря. Но это было лишь первое из череды необходимых мероприятий. В хождении оставалось еще около 125 родов различных денежных знаков⁴⁵.

К августу 1919 г. общая политика в области денежного обращения стала приобретать большую четкость и определенность. Будущее реформы заключалось в реализации следующих основных преобразований: унификации денежного обращения, причем не только в Сибири, но и во всей освобожденной от большевиков России; в замене всех имеющих хождение денежных знаков кредитными билетами нового образца. На первых порах предполагалось воспользоваться купюрами, заказанными еще Временным правительством в Соединенных Штатах Америки. Но колебания американских властей по вопросу международного признания правительства адмирала А.В. Колчака не позволили реализовать намеченное. Тогда министерство финансов подняло вопрос о разработке бумажных денежных знаков нового образца, получивших название кредитных билетов "Возрождение России". Разработка рисунков новых купюр была поручена художнику-скульптору И.Д. Шадрю. В работу включились другие художники. В середине мая 1919 г. было образовано специальное жюри, определившее наиболее удачные эскизы. Но необходимых средств для выпуска многокрасочных знаков в распоряжении правительства пока не было, и реализация проекта была отложена на перспективу⁴⁶. Летом 1919 г. министерство финансов подтвердило прежний заказ и дало дополнительные гарантии по изготовлению в США купюр разного достоинства на общую сумму в 11,4 млрд. рублей. Первые партии "американских" денег осенью были отпечатаны и начали поступать во Владивосток, а оттуда - в Омск. Введение их в оборот планировалось осуществить в течение четырех-пяти месяцев (то есть в конце 1919 - начале 1920 гг.), а пока необходимо было доказать всем бесспорность осуществления замены, проработать детали, рассмотреть возможность привлечения других источников финансирования (займов, сдачи в аренду государственных имуществ и др.)⁴⁷.

Между тем изменение военно-политической обстановки, последовавшее летом-осенью 1919 г. (и прежде всего падение Урала), помешало практической реализации запланированного. Острее, чем раньше, встал вопрос с денежной массой. Хотя к концу октября 1919 г. выпуск денег превысил показатель в 9,2 млрд. рублей⁴⁸, потребность казначейства оставалась неудовлетворенной. В ряде мест вновь вернулись к выпуску бон и других денежных суррогатов. Появление все возрастающего количества бумажных денег превращалось из займа, как это было юридически, в тяжелое налоговое бремя на денежный капитал населения, вызывая его справедливое недовольство.

Начатые преобразования в области финансов позволили увеличить кассовую наличность государственных кредитных учреждений. С июля 1918 г. по июнь 1919 г. она возросла почти в 13,5 раз⁴⁹. Сумма процент-

ных текущих счетов увеличилась в 5 раз, а средний прилив денежных средств по ним в марте 1919 г. выражался в 15 млн. рублей ежедневно⁵⁰. Для удовлетворения нужд хозяйственного оборота Государственный банк приступил к выдаче подтоварных ссуд, отменил все ограничения в выдаче вкладов и текущих счетов, разрешил выдать ссуды под обеспечение государственных процентных бумаг в размере 50 процентов их номинала. После выяснения степени задолженности Госбанку были восстановлены и вновь открыты кредиты частным банкам⁵¹. Из месяца в месяц росли расходы бюджета, связанные с возрождением жизнедеятельности страны и ее обороной. Если в сентябре 1918 г. они составили 123 млн. рублей, то уже в феврале 1919 г. - 525 млн. рублей. Чрезвычайные расходы (61 процент от общих расходов) шли исключительно на нужды войны. Обыкновенные расходы распределялись между железной дорогой (33,2 процента), промышленностью (29,6 процента), частными коммерческими банками (14,5 процента), городским и земским самоуправлением, кооперацией, казачеством. Из промышленных районов более 68 процентов ссуд получал Урал. В первую очередь финансировались отрасли промышленности: металлургическая и металлообрабатывающая (56,9 процента), золотоплатиновая (13,9 процента), угледобывающая (19,7 процента), судостроительная (7,7 процента)⁵².

Появление стабильности и устойчивости в вопросах финансирования позволило проводить более продуктивную работу по восстановлению транспорта, в котором продолжали нарастать разрушительные процессы. К декабрю 1918 г. количество "больных" (то есть требовавших ремонта) паровозов и вагонов выросло по сравнению с нормой в 2 раза и составило по паровозам 31 процент от их общего числа. Расходы на эксплуатацию троекратно превысили доходы⁵³.

В то же время было вполне очевидно, что Российское правительство, оказавшись заложником предшествовавших событий, в условиях скудности ресурсов, само, без посторонней помощи, справиться с имевшимися трудностями будет не в состоянии. Сознывая это, различные организации сибирских торговопромышленников настойчиво требовали от совета министров обращения за содействием к союзным, по мировой войне, державам⁵⁴.

Подобное заявление сформулировали в своей резолюции и члены Государственного экономического совещания, признавшие, что "единственным выходом из положения, спасающим нашу общую экономическую жизнь и дающим возможность надеяться на сохранение нашей будущей экономической самостоятельности, было бы получение немедленной помощи со стороны союзников в деле упорядочения русского железнодорожного транспорта"⁵⁵. Правительство понимало необходимость этого

мероприятия, но высказывало определенные сомнения, связанные с возможным последующим нарушением суверенитета России. Предстояло выбрать меньшее из зол.

Первые предварительные контакты с союзниками по вопросу получения помощи имели место еще в августе 1918 г. и осуществлялись по поручению правительства П.Я.Дербера, не обладавшего никакой реальной властью в Сибири. Под эгидой Временного Сибирского правительства и Директории осенью переговоры были продолжены премьер-министром П.В.Вологодским и будущим министром путей сообщения Л.А.Уструговым, имевшим опыт подобной деятельности еще при Временном правительстве⁵⁶. Однако борьба между собой антибольшевистских политических сил Урала и Сибири и недоверие к новым российским политикам со стороны держав Антанты помешали достичь соглашения. Потребовалось резкое ухудшение положения дел на железных дорогах, чтобы, наконец, пойти навстречу друг другу.

5 марта 1919 г. Междусоюзный железнодорожный комитет был образован. В его декларации отмечалось, что "союзные державы, воодушевленные искренним желанием помочь русскому народу ... решили воссоздать и восстановить успешную деятельность транспорта на Китайско-Восточной и Сибирских железных дорогах"⁵⁷.

Комитет, состоявший из представителей 7 стран (председатель Л.А.Устругов), брал на себя общее наблюдение за указанными дорогами (при сохранении русской администрации). Конкретное содействие в организации движения возлагалось на рабочие органы: технический совет, осуществлявший руководство техническим и хозяйственным управлением дорог (председатель - всемирно известный инженер, один из строителей Панамского канала, полковник Д.Стивенс); военно-транспортный совет, согласовывавший вопросы воинских перевозок, занимавших до 48-50 процентов от общего объема перевозок (председатель - генерал Такеучи); закупочный комитет, обеспечивавший решение вопросов снабжения железных дорог оборудованием и материалами (председатель - капитан Спенглер). Охрана магистрали вверялась союзным военным силам (с закреплением ее отдельных участков за войсками конкретных стран). Особо подчеркивалось, что деятельность комитета и его органов осуществляется "без нарушения каких бы то ни было суверенных прав русского народа и в сотрудничестве с русским железнодорожным персоналом" и прекращается с отзывом иностранных воинских контингентов из Сибири⁵⁸.

Первостепенное внимание в своей практической работе межсоюзные органы уделили вопросу финансирования транспорта. Его обсуждение развернулось параллельно как в комитете, так и в техническом совете, и

проходило чрезвычайно тяжело и медленно. В переговорах участвовали опытнейшие дипломаты, ибо результат в конечном итоге должен был определить не только объем денежных субсидий, но также меру вмешательства союзников во все российские дела. Рассматривались три варианта оказания финансовой помощи (английский, американский и технического совета).

Первые два были близки по содержанию и предусматривали полное покрытие железнодорожных расходов союзниками при условии передачи им прав на абсолютное распоряжение магистралью. Последнее требование по сути давало возможность для осуществления иностранного контроля и вмешательства во всю хозяйственную жизнь края и обеспечивало покрытие ущерба, понесенного государствами - участниками мировой войны, за счет использования сырьевых и продовольственных ресурсов Сибири. При этом, однако, и для Российского правительства отпадала необходимость выделения на эксплуатацию железных дорог примерно 700 млн. рублей уже к ноябрю 1919 г., что сокращало эмиссию денег и существенно улучшало финансовую ситуацию в стране.

План, предложенный техническим советом, предусматривал ограничение финансовой помощи выделением достаточно крупного и долгосрочного кредита, который должен был быть израсходован на приобретение остро необходимых, но не производившихся в России железнодорожных материалов и оборудования. В этом случае зависимость от иностранного капитала не являлась решающей для экономики страны, но в то же время резко возрастали бюджетные расходы⁵⁹. Правительству предстоял тяжелый выбор. Положение осложнялось тем, что к весне 1919 г. еще не были определены общие приоритеты в экономическом развитии новой России. Лишь к середине апреля, после мучительных колебаний совет министров определился в данном вопросе, издав специальную программу правительства и поддержав план технического совета⁶⁰.

В процессе обсуждения различных вариантов финансового плана неоднократно вставал вопрос о конкретном размере кредита. В конце концов шесть государств (Великобритания, Италия, Китай, США, Франция и Япония) приняли на себя обязательство авансировать российским железным дорогам крупную по тому времени сумму в 20 млн. долларов золотом (более 500 млн. рублей по апрельскому курсу 1919 г. на Харбинской бирже). На эти деньги предстояло доставить и собрать 608 американских паровозов типа "Декапод", 10000 вагонов, большое количество запасных частей, смазочных материалов, предметов первой необходимости для рабочих и служащих⁶¹.

В этот момент последовало упоминавшееся выше решение совета министров. Оно, видимо, серьезным образом разочаровало союзников.

Кроме того, свой отпечаток накладывал факт затягивания официального признания Российского правительства адмирала А.В. Колчака международным сообществом. Италия и Франция полностью отказались выделять свою долю средств. Великобритания готова была внести деньги только при условии уплаты ими за закупку товаров у своих или канадских промышленников. Япония оттягивала решение вопроса, выдвигая в комитете и техническом совете дополнительные условия. Китай и США сделали первые взносы соответственно лишь в размере 500 и 1000 тысяч долларов золотом. На этом дело финансовой помощи и завершилось. В итоге объем выполняемых работ по техническому перевооружению магистрали был сильно сокращен. К концу октября 1919 г., например, из Владивостока в Харбин (к месту сборки) было отправлено всего 167 комплектов "Декаподов"⁶².

Другим важным направлением деятельности международных органов стало обследование состояния дел на железных дорогах. В течение апреля - мая специально назначенные инспекционные комиссии (главный инспектор - полковник Дж. Эмерсон) методично, участок за участком изучали магистраль, вникали в проблемы управления, снабжения, функционирования, высказывали свои предложения по улучшению эксплуатации. Все полученные сведения направлялись в технический совет, который для приближения к месту конкретной работы разделился на две группы: Д. Стивенс с небольшим аппаратом продолжал оставаться в Харбине, координируя там действия совета и комитета, располагавшегося во Владивостоке; остальные члены совета во главе с генералом А. Джеком постепенно продвигались к Омску, где работали Российское правительство и министерство путей сообщения. По ходу движения технический совет регулярно проводил свои заседания, на которых анализировал поступившие материалы, оперативно принимал меры для улучшения дел. На железные дороги были направлены американские (14 отрядов) и японские (1 отряд) специалисты, способствовавшие проведению широкомасштабных ремонтных и модернизационных работ. На Забайкальской железной дороге начала внедряться передовая телефонная система, качественно изменившая всю диспетчерскую службу и существенно (на 4 часа в сутки) сократившая простой паровозов. На Томской железной дороге в короткий срок была осуществлена переквалификация работников и около половины их было заменено. На Омской железной дороге иностранные представители подробно ознакомились с вопросом оплаты труда и представили свои расчеты по ее повышению для наиболее важных работников депо и мастерских. Члены технического совета посетили также заводы Урала и высказали свое мнение о возможности их использования для ремонта подвижного состава⁶³.

С созданием закупочного комитета активизировалась деятельность всех снабженческих организаций. Железные дороги в большем, чем прежде, количестве стали получать запасные части, рельсы, прочее оборудование. Летом при непосредственном участии комитета был преодолен кризис со смазочными материалами, грозивший полной остановкой движения. Постепенно решалась проблема снабжения топливом. Кроме того, международные органы содействовали решению вопроса о грузовом и пассажирском тарифах, участвовали в согласовании норм и порядка грузоперевозок, выработали правила распределения различных категорий вагонов между грузоотправителями и т.д.

Не всегда сотрудничество шло гладко. Однако интересы дела в конечном счете помогали преодолевать имевшее место недовольство друг другом. На это нацеливали железнодорожников и неоднократные распоряжения министра Л.А.Устругова, призывавшего брать на вооружение "те достижения, которыми пользуются опередившие нас (Россию. - Н.Д.) в техническом отношении страны"⁶⁴.

Неизмеримо сложнее оказалось договориться с военными властями, хозяйничавшими по своему усмотрению, особенно после введения военного положения на железных дорогах. Правда, еще в ноябре 1918 г. исполнявший обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант С.Н.Розанов направил в войска строгий приказ о прекращении всяких самовольных действий, ведущих "к общему расстройству движения по Сибирской магистрали", и придании виновных военному суду⁶⁵. Но исполнялось распоряжение не везде. Да и что говорить об этом, если чрезвычайные трудности в работе встречало даже управление Омской железной дороги, находившееся в одном здании с министерством путей сообщения и с военным министерством, получавшим часто прямо притовоположные указания⁶⁶. Особенно остро проблема проявилась в других аспектах: перегруженности вагонного парка (к апрелю 1919 г. до 18 процентов от общего числа вагонов) воинским личным составом, имуществом и во взаимоотношениях с отрядами атамана Г.М.Семенова, контролировавшими значительную часть Забайкальской железной дороги.

В первом случае, благодаря оперативному вмешательству межсоюзных органов и их инспекторов, были созданы два специальных комитета (для пассажирского и грузового подвижного состава), которые установили жесткий контроль за распределением вагонов. Эти меры помогли нормализовать ситуацию и иметь избыточное число вагонов для выполнения перевозок, даже несмотря на то, что осенью выросло количество эшелонов, занятых военными⁶⁷.

При решении второго вопроса встретившиеся трудности оказались непреодолимыми. Отметим, что и прежде практически все казацкие атаманы чувствовали себя достаточно самостоятельными, чем создавали массу проблем для властей. Особой несговорчивостью отличался Г.М.Семенов, испытывавший к тому же личную неприязнь к А.В.Колчаку. В свою очередь, недостаточно владея ситуацией и не подозревая всю глубину существовавших в белом лагере разногласий, международный комитет принял не очень продуманное постановление о допустимости задержки поездов не только железнодорожными агентами, но и, в случае чрезвычайной обстановки, военными командирами⁶⁸. Это по сути развязало руки семеновцам, которые и раньше не сидели без дела. В результате единичные факты вмешательства приобрели массовый характер. Дело дошло до того, что 29 мая 1919 г. атаман отдал приказ, запрещавший всякие транзитные перевозки грузов (кроме некоторых продовольственных) на запад на основном участке Забайкальской железной дороги Мысовая-Маньчжурия-Сретенск. Моментально последовало встречное распоряжение Д.Стивенса "не обращать внимание на приказания Семенова". Конфликт перерос в стадию вооруженного подавления действий дорожной администрации и создания невыносимых условий для работы иностранной инспекции. Наконец, в июле на одном из заседаний междусоюзный комитет (поддержанный Верховным уполномоченным правительства на Дальнем Востоке генерал-лейтенантом Д.Л.Хорватом) вынужден был просить Российское правительство принять "радикальные шаги" к прекращению вмешательства, указав, что в противном случае "деятельность комитета по восстановлению транспорта будет парализована". Однако даже после этого заявления обстановка никак не изменилась к лучшему. Поэтому 29 августа комитет вновь вернулся к этому вопросу (теперь уже по требованию госдепартамента США) и установил порядок отзыва союзных инспекторов с указанного участка магистрали⁶⁹.

Добавим, что именно на железные дороги в первую очередь нацеливали свои разрушительные действия красные партизаны. С февраля по октябрь 1919 г. только на Амурской железной дороге они уничтожили 327 мостов и в августе, после операции под названием "капитальный ремонт Амурки", вообще прервали на некоторое время движения поездов⁷⁰. Подобные факты имели место на Самаро-Златоустовской, Томской и других железных дорогах⁷¹.

Несмотря на трудности, работа, проделанная Российской и межсоюзной администрациями, была многообразна и принесла реальную пользу Транссибирской магистрали. Коммерческая скорость пробега на Омской железной дороге составила 15-18 верст в час (при норме в мирное время 18 верст в час), на Забайкальской - 15-19 (при норме - 22), на Томской -

13-15 верст в час (при норме - 22 версты в час). Простой паровоза в капитальном ремонте, доходивший в середине 1918 г. до 245 дней, в конце мая 1919 г. составил 69 дней (при норме в мирное время 60 дней)⁷². По к лету 1919 г. главным показателем улучшения дел стала возросшая почти на 35 процентов ежедневная пропускная способность всей железнодорожной сети⁷³.

Решение проблемы восстановления и развития транспорта не замыкалось лишь на железнодорожной отрасли. Новые власти пристальное внимание обратили на использование естественных путей сообщения - судоходных и сплавных рек, общая протяженность которых составила в Сибири и на отвоеванной части Урала около 50,2 тыс. километров. В наличии также был мощный флот, насчитывавший 1742 парохода и непаровых судна общей грузоподъемностью более 42,9 млн. пудов⁷⁴.

Восстановление административного аппарата на реках началось сразу после ухода большевиков. 28 июня 1918 г. состоялось первое межведомственное совещание, которое весь водный транспорт на навигацию 1918 г. передало в ведение Омского областного военно-промышленного комитета. Несколько позднее было образовано особое управление водного транспорта Обь-Енисейского бассейна. В январе 1919 г. начало функционировать управление водных путей сообщения (начальник Н. Н. Соколов), входившее в состав министерства путей сообщения и имевшее восемь подразделений. Управлению подчинялись органы на местах: четыре округа путей сообщения (Амурский, Казанский, Ленско-Байкальский, Томский); два управления водным транспортом (Волжско-Камское и Енисейское) и три исследовательские партии на реках Сибири⁷⁵.

К весне 1919 г. министерство путей сообщения сформулировало основы экономической политики в области водного транспорта. Программа состояла из восьми положений, предусматривавших плановую организацию перевозок, оказание помощи речным предприятиям в проведении ремонтных работ, финансировании, снабжении топливом и материалами, обустройстве пристаней и фарватера рек, начало освоения портового хозяйства на берегах Ледовитого океана, Северного морского пути и т.д.⁷⁶ Основным условием успешной деятельности флота должна была стать его денационализация. Впервые вопрос ее проведения встал в июне 1918 г. Но состоявшийся вскоре съезд судовладельцев Западной Сибири аргументированно доказал невозможность возврата флота бывшим владельцам до конца навигации. В конце ноября 1918 г. власти вернулись к решению проблемы. Для ее практического осуществления были сформированы десятки сдаточно-ликвидационных комиссий (только в Обь-Енисейском бассейне их работало восемнадцать)⁷⁷. Быстрое развертывание работ, организованность обеспечили на речном флоте самые

высокие темпы денационализации по сравнению с другими отраслями экономики. К середине мая 1919 г. в Амурском бассейне денационализация была проведена на 100 процентов, в Обь-Енисейском - на 97-99, в Пермском районе - на 77-91,5, в Уфимском - на 36-46,5 процента (в зависимости от категории плавсредств)⁷⁸.

Возврат предприятий хозяевам сам по себе еще не означал восстановления прежней производительности. Сказывались период ожесточенных военных действий, разрушение хозяйственных связей, общее ухудшение технического состояния плавсредств, отсутствие денег для проведения необходимых преднавигационных ремонтных работ. Поэтому некоторые из судовладельцев решили, не мудрствуя лукаво, расстаться с собственностью, запорода ее иностранцам. Так, на Амуре в руки граждан Китая и Японии перешло 107 лучших судов. Сделка носила явную спекулятивную окраску и на 20 процентов сократила общую грузоподъемность амурского флота. Это обстоятельство весьма взволновало правительство и военное командование. Последовало специальное разбирательство, в результате которого 18 марта 1919 г. совет министров признал сделки недействительными и предложил судовладельцам в двухнедельный срок выкупить суда обратно⁷⁹.

Одновременно правительство пошло на выделение крупных кредитов. К маю 1919 г. частные речные предприятия получили около 39 млн. рублей под 8 процентов годовых⁸⁰. Это позволило довести уровень рабочей готовности водного транспорта к навигации 1919 г. до довольно высокого, даже для мирного времени, показателя - 80 процентов от общей наличности судов⁸¹. С апреля 1919 г. по постановлению совета министров на водных путях стали создаваться межведомственные совещания для урегулирования рабочего вопроса. В заседаниях обязательно участвовали как представители судовладельцев, так и рабочих. Многие вопросы решались оперативно, без каких-либо споров и столкновений. Чтобы ликвидировать дефицит в квалифицированных кадрах, было намечено открытие сибирского речного училища в Тобольске, курсов судоводительства и паровой механики⁸².

Принятые меры позволили заранее спланировать достаточно высокий объем водных перевозок. Основной упор был сделан на Обь-Иртышский район, где предстояло перебросить около 45 млн. пудов (или 75 процентов от ежегодного грузооборота мирного времени). Транспортировке подлежали уголь, железнодорожные материалы, продовольствие⁸³. В марте 1919 г. сибирский порайонный комитет признал необходимым широкое использование смешанных железнодорожно-водных перевозок, первый опыт по осуществлению которых был накоплен в 1916-1917 гг. Суточная норма перевалки на четырех обских пристанях составляла до

405 вагонов, а общий объем перевозок определялся в 10,5 млн. пудов. Перед Амурским флотом, кроме местных перевозок, стояла задача переброски 8-10 млн. пудов грузов на Сретенск и Рейново в обход КВЖД и Амурской железной дороги⁸⁴.

Крупные перевозки по доставке экспортных материалов (леса, хлеба, масла, пеньки и др.) запланировал специально образованный комитет Северного морского пути. Предполагалось перебросить в устье Оби 1-1,5 млн. пудов, в устье Енисея - 0,3 млн. пудов таких грузов. Во встречном направлении предстояло сплавить соответственно 690 тыс. и 130 тыс. пудов импортных фабрикатов⁸⁵. Для обеспечения плавания по Оби и Енисею морских пароходов и метеорологических наблюдений летом 1919 г. были проведены рекогносцировочные обследования на протяжении 1200 километров, изыскания для устройства портов в устьях рек, построены крупные радиостанции в Обдорске, Сургуте, Булуне, радиотелеграфные станции на Диксоне и в Дудинке⁸⁶.

Осенью 1919 г. начальник Томского округа путей сообщения В. Орлов в докладной записке в совет министров проанализировал в общих чертах итоги навигации 1919 г. и констатировал, что, несмотря на трудности военного времени, предприятия водного транспорта в основном выполнили возложенные на них задания⁸⁷.

Труднопреодолимые препятствия встретились на пути развития торговли и промышленности. Крупные партии продуктов и фабрикатов было невозможно подвезти, а взяточничество достигло на станциях огромных размеров. В ряде случаев почти полное отсутствие конкуренции, особенно на водном транспорте, порождало ничем не регулируемый диктат цен. Например, в навигацию 1919 г. частное пароходство на Амуре с одного рейса сильного парохода из Николаевска до Благовещенска могло получить чистую прибыль в размере 1,5-2 млн. рублей⁸⁸. Недостаток топлива и многих предметов снабжения, географические и природно-климатические условия отдельных районов, трудности в банковском деле также тормозили развитие торговли. В результате в марте 1919 г. цена одного пуда зерна в сельскохозяйственных районах Сибири составляла: на Алтае - 10 рублей, в Новониколаевске - 14-19, в Шадринске - 32-33 рубля. Мелкие скупщики хлеба, используя разницу в ценах, могли за 10-12 дней получить чистую прибыль до 1000 рублей⁸⁹. В этих условиях решение проблемы спекуляции выдвигалось в разряд первостепенных. Как вспоминал Г. К. Гинс, весной 1919 г. отовсюду в Омск шли жалобы на непомерное взвинчивание цен, исчезновение с рынка товаров, безудержную спекуляцию, разлагающую тыл⁹⁰. Правительство не могло не реагировать на обращения общественности.

Первые шаги, направленные на обуздание спекуляции, были сделаны в октябре 1918 г., когда министерство продовольствия направило в совет министров и другие министерства законопроект по борьбе с этим явлением. Проект определял круг лиц, ответственных за спекуляцию, предлагал установить предельно допустимый процент нормы прибыли, сделать упор в борьбе со спекулянтами на применение к ним уголовных наказаний. Более гибко к решению проблемы предлагало подойти министерство снабжения, считавшее необходимым в борьбе со спекуляцией, прежде всего, сосредоточиться на проведении паллиативных мер (расширении правительственных заготовок, поощрении торговой деятельности кооперативов, привлечении торгово-промышленного аппарата к контролю за торговлей и др.)⁹¹. В декабре 1918 г. совет министров отменил предельные цены, но дальше не шел. Военные власти в прифронтовых и объявленных на военном положении областях по своей инициативе стали передавать дела о спекулянтах в военно-полевые суды и применять к нарушителям самые суровые меры воздействия, вплоть до смертной казни.

Между тем вновь стали раздаваться голоса, ставившие под сомнение сам факт существования спекуляции как таковой. В юридическом обществе в Омске один ученый-экономист доказывал, "что те, кто вопит о спекуляции - невежды, потому что спекуляция - это "торговля"⁹². В мае 1919 г. министр снабжения и продовольствия К. Н. Неклютин собрал совещание юристов, экономистов, представителей торговли для обсуждения вопроса о спекуляции. Совещание пришло к заключению о необходимости "отмены всех карательных постановлений, имеющих целью борьбу с так называемой спекуляцией"⁹³.

Парадокс, однако, состоял в том, что в борьбу с пагубным для торговли и всей экономики явлением все более активно включались сами торгово-промышленные организации. Практики дела прекрасно понимали, кто есть кто. В марте 1919 г. за преследование спекулянтов по законам военного времени и организацию контроля за хлебными перевозками высказался съезд мукомолов Сибири. В июне меры по обузданию спекуляции и регулированию цен предложили участники съездов уполномоченных министерства снабжения и деятелей химической промышленности. Они высказались за создание специальных комиссий (с участием предпринимателей), квалификации злостной наживы, обязательного направления дел о спекуляции в общегражданские суды⁹⁴. Докладные записки в правительство представили Красноярский, Омский, Пермский, Хабаровский и другие биржевые комитеты. В некоторых районах местные власти откликнулись на эти предложения. На Дальнем Востоке генерал-лейтенант Д. Л. Хорват издал приказ, по которому агенты министерства продо-

вольствия могли беспрепятственно осматривать грузы на станциях. Группа торгово-промышленников Владивостока начала организацию акционерного общества для борьбы со спекуляцией через увеличение объемов товарообмена с Сибирью⁹⁵.

Наконец голос предпринимателя и обывателя услышало Государственное экономическое совещание. В сентябре 1919 г. при нем была образована специальная комиссия по борьбе со спекуляцией. В задачи последней входила выработка законопроектов, направленных на устранение злоупотреблений в экономике. Признавалось допустимым государственное регулирование в торговле, промышленности и на транспорте⁹⁶. Но эти решения уже мало что могли изменить.

Восстановление частной собственности в промышленности также было непростым делом. Еще в июне - августе 1918 г. Комуч, Временные Сибирское и Уральское правительства для нормализации производства заявили о стремлении к проведению денационализации банков, заводов и фабрик. Правда, при этом сделали оговорки о сохранении за властями права, когда того потребуют интересы государства, объявлять предприятия национальной собственностью. Верность избранному курсу позднее подтвердило и Российское правительство.

Однако принятые декларации нуждались в конкретизации в виде законов и постановлений, практической реализации. На этом этапе встретились многочисленные, подчас труднопреодолимые, препятствия. Прежде всего власти столкнулись с персональным отсутствием владельцев и членов правлений крупных предприятий. Многие из них остались в красном Петрограде, выехали добровольно или были изгнаны за пределы России. Далеко не полон был состав и доверенных лиц предпринимателей, срок действия документов которых требовал продления. В тех случаях, когда владельцы были налицо, далеко не всегда они стремились взять бразды правления в свои руки, так как это потребовало бы от них крупных материальных затрат по приведению предприятий в работоспособное состояние. Если же владельцы выражали полную готовность взять производство под свое управление, они должны были составить два балансовых отчета (на момент национализации и денационализации), в которых нашло бы отражение финансовое, техническое, сырьевое и производственное состояние предприятий. Эта работа требовала времени, наличия специалистов и условий для их деятельности, которые сплошь и рядом отсутствовали.

Серьезным препятствием в деле практического осуществления денационализации стала неразрешенность финансовых взаимоотношений властей и предпринимателей. Последним предстояло дать отчет о расходовании средств, отпущенных им на ведение хозяйства советской властью

из бывшего государственного казначейства. Все долги, образовавшиеся за период национализации, предстояло вернуть государству. Промышленники, в свою очередь, требовали ответственности казны за вред и убытки, причиненные им действиями советских государственных и хозяйственных органов. Но министерство торговли и промышленности причислило большевистский период к стихийному бедствию и возмещать ущерб за это время не собиралось. Непонимание и взаимные упреки сторон потребовали многомесячного встречного движения по пути уступок и урегулирования претензий. В ряде случаев денационализация мешала необходимости скорейшего налаживания производства в интересах армии и государства. При частном владении в условиях войны достичь этого было почти нереально. Требовалась централизация управления, снабжения, распределения готовых продуктов. Именно по этому пути пошел совет министров, отказавшись от возвращения прежним хозяевам Черемховских угольных копей и некоторых других предприятий⁹⁷.

В результате к 10 декабря 1918 г. на обширной территории от Урала до Дальнего Востока прежним владельцам было возвращено лишь 46 предприятий (почти исключительно горнодобывающих)⁹⁸. В 1919 г. работы по денационализации, в основном, завершились в Восточной Сибири. На Дальнем Востоке и в Забайкалье они продолжались вплоть до октября. На Урале, по словам главного начальника Уральского края С.С.Постникова, к денационализации, даже к подготовительным расчетам, не приступали вообще. Причем Уральский промышленный комитет высказался в пользу сохранения большинства предприятий в казенном ведении⁹⁹. Неразрешенной, видимо, осталась и проблема соответствующего законодательства. Во всяком случае, сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что обсуждение законопроекта по вопросу денационализации, начавшись в феврале, так и не завершилось вплоть до октября 1919 г.¹⁰⁰

С течением времени серьезные изменения претерпела правительственная линия в вопросах оказания финансового содействия предприятиям. Первоначально планировалось решить проблему, обязав заводы и фабрики всю продажу сырья и изделий вести через отделы отпуска металлов горных управлений, для того, чтобы полученные средства могли пойти на обеспечение заводских потребностей. Но тяжелое наследство, доставшееся от предшественников, разруха на транспорте в совокупности со сложной политической обстановкой не позволили осуществить нормальную реализацию наличных материалов. Приток средств от заводских торговых операций был минимальным. В создавшейся ситуации единственным способом поддержки производства являлась выдача правительственных ссуд. Только во второй половине 1918 г. на нужды промыш-

ленности их было отпущено более чем на 110,5 млн. рублей¹⁰¹. В начале декабря 1918 г. особое совещание по финансированию предприятий, действовавшее при министерстве финансов, предложило горным округам составить финансовые сметы на первую половину 1919 г.¹⁰² Выполнение этого распоряжения из-за отсутствия многих статистических материалов растянулось на несколько месяцев. Дефицит государственного бюджета катастрофически нарастал. Путь для его покрытия прежде всего лежал через печатный станок и вел к жесточайшей инфляции. Кроме того, получив казенную ссуду, промышленники и их доверенные лица стали сокращать продажу имевшихся в наличии материалов и изделий, а иногда попросту присваивали выделенные кредиты. Известность получил случай, когда управителю Косьвинских платиновых приисков было выдано на 1919 г. 2 млн. рублей для пуска драг. Добыча платины должна была обеспечить безубыточную работу всего Лысьвенского горного округа, выполнявшего военные заказы, но отпущенные средства не были использованы по назначению. Тем не менее в особое совещание по финансированию продолжали поступать требования новых кредитов¹⁰³. Заказы на изготовление армейского снаряжения, сопровождавшиеся выделением крупных авансов, часто передавались всем желающим, без учета их способности выполнить заказ или хотя бы возратить полученные средства¹⁰⁴. Инфляция и цены на товары быстро росли. Они влекли за собой увеличение суммы прожиточного минимума для населения, подстегивали рост заработной платы трудящихся и в конечном итоге резко удорожали само производство. Последнее требовало новых инвестиций. Круг замыкался.

Все большую остроту приобрел рабочий вопрос. Для властей было вполне очевидно, что не урегулировав своих взаимоотношений с рабочими, равно как и взаимоотношений предпринимателей, немислимо будет сдвинуть промышленное производство с точки замерзания. В качестве одной из первых мер в данном направлении явилось создание особого министерства труда, вокруг которого развернулась вся работа, связанная с охраной жизненных интересов трудящихся. Эта работа велась с известной долей разумности и, особенно на первых порах, в меру демократично. Вообще не случайно органы социальной защиты рабочих и служащих как при временных правительствах, так и при Российском правительстве возглавляли сторонники социал-демократических идей, среди которых выделяется министр труда Л.И.Шумиловский. Но отстоять до конца позиции рабочих и служащих ведомства труда так и не смогли¹⁰⁵. Рост цен на продовольствие, нехватка самого необходимого, спекуляция, репрессии, рост безработицы и другие причины привели к падению производительности труда и реальной заработной платы рабочих. Последние

тысячами уходили с заводов в деревни. Так, по данным съезда горнопромышленников Урала, к маю 1919 г. общее число рабочих, занятых на предприятиях края, сократилось в среднем на 40 процентов, а квалифицированных - на 20 процентов¹⁰⁶.

С течением времени нарастал дефицит материально-сырьевого и топливного снабжения производства. Вплоть до конца 1918 г. практически не было предпринято никаких мер для создания запасов на будущее. В то же время имевшиеся материалы и особенно топливо шли на обеспечение работы не только заводов и фабрик, но и железнодорожного транспорта. Частые простои паровозов на станции вызывали огромный непроизводительный расход потребляемых угля и дров. Вследствие этого угольные копи Урала и Сибири вынуждены были добываемый продукт отправлять почти исключительно на железные дороги, которые, кстати говоря, плохо оплачивали поставки и ставили шахтеров на грань остановки производства. Исключение составлял лишь Богословский горный округ, который мог использовать часть добываемого им угля для нужд своих предприятий¹⁰⁷.

Нельзя сказать, чтобы власти ничего не делали для выведения из тупика заготовки топлива и сырья. В феврале 1919 г. уральским горным округам было предоставлено право создания маршрутных поездов из отремонтированных паровозов и вагонов. По военным надобностям транспорт мог сниматься только с ведома главного начальника Уральско-го края¹⁰⁸. Между тем принятое решение на практике осуществлялось с большим трудом. К марту маршрутные поезда имели лишь Богословский и Златоустовский округа. В конце месяца на Урале курсировало пять таких составов,¹⁰⁹ но из-за начавшегося апрельского наступления Белой армии и без того незначительная возможность использования маршрутов по назначению упала до минимума. В мае 1919 г. съезд горнопромышленников Урала вынужден был констатировать, что наличность дров составляет лишь третью часть необходимого количества для работы заводов. Почти полностью отсутствовали уголь, кокс, вспомогательные материалы. Запасы руд на складах были близки к истощению, и подавляющее большинство предприятий работало на ежедневном подвозе сырья, что для непрерывных производств представляло полную катастрофу¹¹⁰.

Таким образом, промышленность, как никакая другая отрасль народного хозяйства, оказалась заложницей развернувшихся в стране политических событий. Уже в конце 1918 г. - начале 1919 г. остановились заводы Верхисетского, Ревдинского, Шайтанского, частично Златоустовского, Кыштымского и многих других горных округов¹¹¹. За пять месяцев 1919 г. на Урале количество добытого каменного угля, выплавка доменного и мартеновского металла составили соответственно лишь 84,4, 30,7 и 39,1 процента от уровня производства в январе-мае 1918 г.¹¹² Аналогичная

ситуация наблюдалась даже в важнейшем для белых властей изготовлении оружия и боеприпасов. Хотя 85 процентов уральских заводов в той или иной степени выполняли заказы военного министерства, непосредственно производством оружия занимались только предприятия Златоустовского и Пожевского горных округов, Пермский пушечный и Ижевский заводы. Многократные попытки восстановить демобилизованное после революции и Брест-Литовского мира производство вооружения на других предприятиях окончились неудачей. Из действующих в наилучшем положении находился Пермский пушечный завод, изготавливавший и ремонтировавший артиллерийские орудия. Но и для его работы характерны крайняя неритмичность и падение производительности даже по сравнению со второй половиной 1918 г., когда завод оказался в зоне боевых действий. За январь - май 1919 г. здесь было выпущено 86 новых орудий, тогда как 120 - за август-декабрь 1918 г. ¹¹³.

В середине мая 1919 г. с приближением фронта военных действий на уральских предприятиях началась эвакуация, продолжавшаяся до конца июля. Заранее разработанного плана ее проведения не существовало. Наоборот, постоянно заявляя о благополучном положении в армии, сурово пресекая распространение слухов, военное командование сделало невозможной какую бы то ни было деятельность гражданских эвакуационных органов. Поэтому на практике именно военным властям в лице технического отдела начальника снабжения Западной армии пришлось заниматься решением проблемы. Лишь в конце июля - сентябре при министерстве путей сообщения было образовано специальное межведомственное совещание, выработаны соответствующие правила ¹¹⁴.

Не обладая достаточными возможностями, временем и запасом знаний по этому вопросу, армейские специалисты особое внимание обратили на эвакуацию людских ресурсов, а также имущества предприятий, производивших вооружение и имевших наиболее современное оборудование. Отправка в Сибирь инженерно-технического персонала и квалифицированных рабочих затронула практически каждое крупное и среднее предприятие. На некоторых из них это явление приняло значительный размах. С Пермского пушечного завода выехал почти весь технический персонал и до 30 процентов квалифицированных рабочих. На Воткинском заводе численность рабочих в ходе эвакуации сократилась на 84 процента. С заводов Алапаевского, Гороблагодатского, Нижнетагильского горных округов на восток отправилось 25,7 процента служащих, с предприятий Златоустовского горного округа - от 15 до 64 процентов служащих и 13 процентов рабочих ¹¹⁵. Вывоз оборудования производился выборочно и почти не коснулся мелких, отсталых по характеру производства предприятий. Со Златоустовского завода в Сибирь было вывезено около 200

вагонов имущества и материалов, с Симского - 75 процентов оборудования. Значительный ущерб претерпели Пермский пушечный, Лысьвенский, Чусовской, Ижевский и некоторые другие заводы ¹¹⁶.

Транспортировка людских и материальных ресурсов в условиях отступления Белой армии, препятствий на железной дороге проходила невероятно тяжело. Как сообщил в сентябре 1919 г. министр снабжения и продовольствия К.Н.Неклютин, "не только ни одно из предприятий в настоящее время не использовано, но относительно многих не имеется даже сведений, где они находятся, а многие не знают, где они должны обосноваться и что делать" ¹¹⁷. По мере сил власти стремились сохранить эвакуированное хозяйство от расхищения. Для этих целей главноуполномоченный по делам уральской промышленности П.В.Иванов получил специальный фонд размером в 100 млн. рублей. Был установлен строгий порядок отпуска сибирским организациям уральских фабрикатов и материалов. Использование инженерно-технического персонала и квалифицированных рабочих допускалось до тех пор, пока не возникала необходимость их возвращения домой. В октябре 1919 г. административно-хозяйственные круги подготовили даже план реэвакуации уральских горных округов и возобновления работы промышленности края в 1920-1921 гг. ¹¹⁸. Однако этим проектам не суждено было осуществиться. С эвакуацией уральской промышленности объемы производства резко упали, от крупной промышленности остались лишь отдельные предприятия.

Подведем некоторые итоги. Совершенно очевидно, что встав на путь возрождения капиталистической экономики, антибольшевистские силы столкнулись с тяжелейшим наследством, полученным от предшественников. Его составляющими были сильный спад производства, анархия в управлении, рост непроизводительных и бесконтрольных расходов и выплат. Быстрая смена временных правительств, разнохарактерность их политических воззрений, столкновения на этой почве не способствовали преодолению разрухи. Наоборот, усугубляли ее.

Лишь с образованием Российского правительства адмирала А.В.Колчака реально проявилось стремление власти к выработке приоритетов экономического развития страны, ближайшей и перспективной программы действий. Но, начав реализацию этих планов, белая власть столкнулась со множеством дополнительных проблем. Остро сказывалась нехватка квалифицированных кадров, способных работать и мыслить масштабно. Попытка привлечь широкие круги общественности не всегда давала благоприятный результат. Необходимость одновременного решения финансовых, налоговых, транспортных, торгово-промышленных и других взаимосвязанных задач ставила новые препятствия. Тем не менее

к поздней весне - началу лета 1919 г. в экономике наметились зримые перемены к лучшему. Однако последовавшие вскоре поражения на фронте военных действий разлагающе подействовали на тыл и практически свели на нет все предшествующие усилия. В создавшейся ситуации не помогли ни замены в кабинете министров, ни накопленный опыт хозяйственной деятельности.

Примечания

1. ГАРФ, ф.190, оп.1, д.7, л.8.
2. ГАРФ, ф.190, оп.1, д.7, лл.2-3 и др.; ф.199, оп.2, д.18, л.34; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. - Т.2. - С.23.
3. ГАРФ, ф.199, оп.2, д.10, лл.7,9,14-15,17 и др.; оп.96, д.10, лл.17-19, 20-28.
4. ГАРФ, ф.199, оп.5, д.75, лл.15-17; оп.8, д.127а, лл.17-19, 21-25; //Правительственный вестник. - 1919. - 9 апр.
5. ГАРФ, ф.199, оп.2, д.10, лл.33-35.
6. ГАРФ, ф.181, оп.1, д.2, лл.8-10; ф.3508, оп.1, д.8, лл.63,65.
7. ГАРФ, ф.181, оп.1, д.2, лл.1-5, 8-11.
8. ГАРФ, ф.199, оп.3, д.34, лл.21-24.
9. Подсчитано по: ГАРФ, ф.199, оп.8, д.163, лл.6-7,41; оп.96, д.12, лл.116-119; и др.
10. //Наш край (Уфа). - 1919. - 27 апр.
11. ГАРФ, ф.190, оп.1, д.7, лл.2-3.
12. ГАСО, ф.1952р, оп.1, д.38, л.18.
13. //Торгово-промышленный вестник. - 1919. - 18 марта.
14. ГАРФ, ф.190, оп.1, д.16, лл.3-4.
15. ГАОО, ф.1710р, оп.1, д.18, л.28; Проект Государственной росписи доходов и расходов на вторую половину 1918 г. - Омск, 1919. - С.55-56.
16. ГАСО, ф.1952р, оп.1, д.84, лл.88-89.
17. Подсчитано по: ГАРФ, ф.197, оп.2, д.8, лл.16,2,3,8,11,14,35,37; оп.5, д.43, л.10; //Правительственный вестник. - 1919. - 6,7 февр., 6,11 марта, 18 мая и др.
18. ГАРФ, ф.190, оп.1, д.64, лл.3-18,57-58.
19. ГАРФ, ф.190, оп.1, д.79, л.4.
20. Подсчитано по: ГАРФ, ф.197, оп.2, д.8, лл.2,11,14,35; оп.5, д.43, л.10; //Правительственный вестник. - 1919. - 18 мая.
21. ГАРФ, ф.190, оп.1, д.15, лл.2-6; ф.199, оп.2, д.18, л.23.
22. ГАРФ, ф.197, оп.9, д.84, лл.3-5; оп.10, д.4, л.137; //Правительственный вестник. - 1919. - 18,23 янв.

23. ГАРФ, ф.176, оп.4, д.20, л.238; оп.5, д.863, л.1; ф.197, оп.2, д.7, лл.5-7; оп.9, д.84, лл.3-4; оп.10, д.4, лл.102-103,137.
24. Подсчитано по: ГАРФ, ф.197, оп.2, д.8, лл.2,14; оп.5, д.43, л.10; //Правительственный вестник. - 1919. - 18 мая.
25. Подсчитано по: //Правительственный вестник. - 1919. - 6 февр.
26. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. - Т.2. - С.118.
27. Подсчитано по: ГАРФ, ф.197, оп.2, д.8, лл.2,14,37; //Правительственный вестник. - 1919. - 6 февр.
28. ГАОО, ф.1710р, оп.1, д.18, л.17; Проект Государственной росписи доходов и расходов на вторую половину 1918 г. - С.34; //Правительственный вестник. - 1919. - 7 февр.
29. //Сибирский вестник. - 1918. - 13 окт.
30. ГАРФ, ф.197, оп.2, д.8, л.36; ф.190, оп.1, д.63, лл.95-97; д.64, л.58; д.65, лл.5-7, 82 и др.
31. Подсчитано по: ГАРФ, ф.197, оп.2, д.8, л.14; оп.5, д.43, л.10; //Заря (Омск). - 1919. - 31 мая.
32. Подсчитано по: Проект Государственной росписи доходов и расходов на вторую половину 1918 г. - С.32-33,38,43; //Заря. - 1919. - 31 мая.
33. Подсчитано по: ГАРФ, ф.197, оп.5, д.43, л.10; оп.2, д.8, лл.2,3,8,11,14,35,37; //Заря. - 1919. - 31 мая.
34. ГАРФ, ф.190, оп.1, д.69, лл.9-10.
35. ГАРФ, ф.190, оп.1, д.57, л.26; Проект Государственной росписи доходов и расходов на вторую половину 1918 г. - С.2-19.
36. //Торгово-промышленный вестник. - 1919. - 10 июня.
37. ГАРФ, ф.190, оп.1, д.27, л.3.
38. //Сибирский вестник. - 1918. - 25 окт.
39. Подсчитано по: ГАРФ, ф.190, оп.1, д.27, л.6; Торгово-промышленный вестник. - 1919. - 10 июня, 19 авг.
40. Подсчитано по: ГАРФ, ф.190, оп.1, д.27, л.8.
41. ГАРФ, ф.190, оп.1, д.35, л.10.
42. //Правительственный вестник. - 1919. - 20 апр.
43. ГАРФ, ф.197, оп.2, д.6, л.21; //Сибирская речь (Омск). - 1919. - 6 авг.
44. ГАРФ, ф.197, оп.5, д.43, лл.11-12; //Правительственный вестник. - 1919. - 28 мая.
45. //Сибирская речь. - 1919. - 8 мая.
46. //Заря. - 1919. - 8,18 мая.
47. ГАРФ, ф.190, оп.1, д.56, лл.10-11; //Наш Урал (Екатеринбург). - 1919. - 6 июня и др.
48. ГАРФ, ф.190, оп.1, д.69, лл.7-8.
49. Подсчитано по: ГАРФ, ф.197, оп.5, д.43, лл.9-12.

50. Там же.
51. //Торгово-промышленный вестник. - 1919. - 1 апр.
52. Подсчитано по: ГАРФ, ф. 197, оп. 5, д. 43, лл. 9-10; //Торгово-промышленный вестник. - 1919. - 19 авг.
53. ГАРФ, ф. 190, оп. 1, д. 6, л. 5; д. 17, лл. 11-12.
54. //Правительственный вестник. - 1919. - 12 янв.
55. ГАРФ, ф. 190, оп. 1, д. 17, л. 24.
56. ГАРФ, ф. 157, оп. 1, д. 7, л. 16; ф. 190, оп. 1, д. 6, лл. 4-7; д. 40, л. 6; //Правительственный вестник. - 1919. - 14 янв.
57. ГАРФ, ф. 157, оп. 1, д. 1, л. 12; ф. 176, оп. 1, д. 60, л. 12.
58. Там же.
59. ГАРФ, ф. 157, оп. 1, д. 3, лл. 27-55; ф. 176, оп. 5, д. 832, лл. 1-3.
60. ГАРФ, ф. 157, оп. 1, д. 2, л. 87; ф. 176, оп. 5, д. 965, лл. 3-5, 15-18.
61. ГАРФ, ф. 157, оп. 1, д. 3, л. 1; ф. 190, оп. 1, д. 40, л. 7; ф. 3508, оп. 1, д. 32, лл. 5-6.
62. ГАРФ, ф. 3508, оп. 1, д. 17, л. 13.
63. ГАРФ, ф. 157, оп. 1, д. 2, лл. 79, 95-132; д. 3, л. 114; ф. 181, оп. 1, д. 80, лл. 11-12; ф. 190, оп. 1, д. 17, л. 15; //Забайкальская новь (Чита). - 1919. - 27 авг.; //Голос Родины (Владивосток). - 1919. - 16 сент. и др.
64. ГАРФ, ф. 157, оп. 1, д. 1, лл. 192-194; д. 6, лл. 20-21.
65. ГАРФ, ф. 3508, оп. 1, д. 28, л. 3.
66. ГАРФ, ф. 157, оп. 1, д. 2, л. 119.
67. ГАРФ, ф. 157, оп. 1, д. 2, лл. 135-136; ф. 3508, оп. 1, д. 20, лл. 1-4.
68. ГАРФ, ф. 157, оп. 1, д. 6, л. 6.
69. ГАРФ, ф. 157, оп. 1, д. 1, лл. 143, 145, 146, 204-207, 262, 263.
70. Куцый Г.С. Борьба рабочего класса Дальнего Востока против интервентов и внутренней контрреволюции (1918-1920 гг.). - Владивосток, 1957. - С. 228.
71. ГАРФ, ф. 190, оп. 1, д. 40, л. 8; //Сибирский вестник. - 1918. - 16 сент.; //Правительственный вестник. - 1919. - 8 мая и др.
72. ГАРФ, ф. 190, оп. 1, д. 41, л. 4.
73. Подсчитано по: //Вестник Томской губернии (Томск). - 1919. - 18 июня; //Вестник Маньчжурии (Харбин). - 1919. - 8 июля.
74. Подсчитано по: ГАРФ, ф. 190, оп. 1, д. 40, л. 20; ф. 199, оп. 8, д. 156, лл. 2-3.
75. ГАРФ, ф. 181, оп. 1, д. 2, лл. 1-5, 8-11.
76. ГАРФ, ф. 199, оп. 96, д. 10, л. 23.
77. //Правительственный вестник. - 1919. - 3 мая.
78. ГАРФ, ф. 181, оп. 1, д. 133, лл. 3, 73, 74, 75 и др.
79. ГАРФ, ф. 190, оп. 1, д. 40, л. 20; ф. 199, оп. 8, д. 156, л. 2; //Правительственный вестник. - 1919. - 6 апр.; //Вестник Маньчжурии. - 1919. - 3 июня.

80. ГАРФ, ф. 190, оп. 1, д. 40, л. 21; //Правительственный вестник. - 1919. - 26 февр., 4 марта.
81. ГАРФ, ф. 199, оп. 8, д. 156, л. 3.
82. ГАРФ, ф. 181, оп. 1, д. 20, лл. 3-10; д. 25, л. 4; д. 19, лл. 4-5; ф. 3508, оп. 1, д. 46, л. 1; //Правительственный вестник. - 1919. - 7 мая.
83. ГАРФ, ф. 190, оп. 1, д. 40, л. 22; ф. 199, оп. 8, д. 156, л. 5.
84. ГАРФ, ф. 190, оп. 1, д. 40, лл. 22-23; ф. 199, оп. 8, д. 156, лл. 5-6.
85. ГАРФ, ф. 190, оп. 1, д. 40, л. 23; //Заря. - 1919. - 26 февр.; //Русь (Омск). - 1919, - 8, 26 июля.
86. //Сибирский вестник. - 1918. - 24 окт.; //Правительственный вестник. - 1919. - 24 апр., мая; //Наша заря (Омск). - 1919. - 5 марта, 9 апр.; ГАРФ, ф. 197, оп. 2, д. 24, л. 6.
87. ГАРФ, ф. 181, оп. 1, д. 88, лл. 54-74.
88. ГАСО, ф. 195бр, оп. 1, д. 41, лл. 47-50.
89. ГАРФ, ф. 199, оп. 96, д. 13, лл. 21-22, 32-33.
90. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. - Т. 2. - С. 224.
91. //Правительственный вестник. - 1918. - 14 дек.
92. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. - Т. 2. - С. 224.
93. //Правительственный вестник. - 1919. - 28 мая.
94. ГАРФ, ф. 199, оп. 96, д. 13, лл. 21-26; оп. 10, д. 45, л. 18.
95. //Торгово-промышленный вестник. - 1919. - 1 июня.
96. ГАРФ, ф. 190, оп. 6, д. 18, лл. 1, 3, 16.
97. //Правительственный вестник. - 1919. - 1 апр. и др.
98. ГАРФ, ф. 190, оп. 1, д. 10, л. 2; //Народная газета (Шадринск). - 1918. - 18 дек.
99. ГАРФ, ф. 176, оп. 3, д. 107, лл. 9-10; ф. 199, оп. 2, д. 131, лл. 2-13а; оп. 96, д. 20, лл. 11-12.
100. ГАРФ, ф. 199, оп. 5, д. 6, лл. 4-5, 13-14, 61-64 и др.
101. //Правительственный вестник. - 1919. - 6 февр.
102. ГАРФ, ф. 176, оп. 15, д. 109, лл. 1-2, 4.
103. ГАПО, Ф. 69р, Оп. 1, Д. 50, Л. 21; Колчаковщина на Урале. 1918-1919 гг. - Свердловск, 1929. - С. 68.
104. Колчаковщина. Сборник. - Екатеринбург, 1924. - С. 122.
105. Более подробно см.: Дмитриев Н.И. О некоторых аспектах социальной политики белогвардейских правительств Урала и Сибири //Страницы истории советского общества: опыт, проблемы. - Челябинск, 1991. - Ч. 1, разд. 1. - С. 110-113.
106. ГАРФ, ф. 176, оп. 4, д. 105, л. 3; //Уральская жизнь (Екатеринбург). - 1919. - 22 мая.
107. Колчаковщина на Урале. - С. 64.
108. ГАРФ, ф. 3102, оп. 1, д. 24, л. 1.

109. ГАСО, ф.828р, оп.1, д.1, л.84; //Уральская жизнь. - 1919. - 30 марта.

110. Колчаковщина на Урале. - С.88.

111. ГАРФ, ф.176, оп.4, д.98, л.2; Гражданская война на Южном урале. 1918-1919. - Челябинск, 1962. - С.188.

112. Подсчитано по: ГАРФ, ф.176, оп.4, д.105, лл.5-8; оп.5, д.1110, л.11; ф.4628, оп.1, д.6, лл.30-37; ГАСО, ф.828р, оп.1, д.18, лл.5-8, 16-17,21-22,27-28,32-33,38,40,42,44,46,48,51,53,56,59,61,63,65,69; д.20, лл.12,13,45; д.21, л.70; д.22, лл.2,13,17; //Экономическая жизнь. - 1920. - 13 нояб.; //Серп и молот. - 1920. - N 8. - С.15; Голубцов В.С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917-1923 гг.). - С.58.

113. Подсчитано по: ГАРФ, ф.4628, оп.1, д.6, лл.32-33; ргва ф.176, оп.3, д.551, лл.277-278; ГАСО, ф.828р, оп.1, д.17, л.28; ГАПО, ф.33р, оп.1, д.1к, л.143.

114. ГАРФ, ф.161, оп.1, д.334, лл.17-18; ф.176, оп.1, д.11, л.4.

115. ГАРФ, ф.7952, оп.5, д.58, лл.13-14; РГВА, ф.20, оп.11, д.69, л.1.; ГАСО, ф.266р, оп.1, д.124, л.1; ф.2515р, оп.1, д.7, л.9 и др.

116. ГАРФ, ф.7952, оп.5, д.58, лл.13-14; ГАСО, ф.377р, оп.1, д.21, лл.119-120 и др.

117. ГАРФ, ф.190, оп.2, д.39, л.132.

118. ГАРФ, ф.4628, оп.1, д.6, лл.30-37.

§ 3. Аграрное законодательство режима А.В.Колчака

После переворота 18 ноября 1918 г. осуществление верховной власти в Сибири вручалось адмиралу А.В.Колчаку. Диктаторские функции как бы специально подчеркивались его новым воинским званием полного адмирала, титулатурой "Верховного Правителя" и "Верховного Главнокомандующего". Юридическим источником диктатуры выступал Совет Министров свергнутой Директории, т.е. власть исполнительная. Сие обстоятельство вполне отвечало "правовым" нормам гражданской войны, в основе которых лежал кризис дореволюционной политической системы России, породившей практику политического произвола в деятельности абсолютно всех режимов на бывшей территории Империи.

В то же время этот произвол в иной плоскости суждений можно считать творчеством, объективно направленным на выработку наилучшего "пакета решений" выхода страны из общенациональной трагедии. В

итоге ни один белогвардейский режим не мог уклониться от реформаторства. Колчаковский режим исключением в данном смысле не являлся.

К числу текущих задач внутренней политики белой Сибири, решение которых откладывать до победы над большевизмом было бы губительной ошибкой, относился земельный вопрос. Помимо мотиваций глобального характера, решение аграрной проблемы естественным образом находилось в русле повседневной политики режима Колчака. Аграрная часть этой политики должна была стать как бы "платой по векселям" со стороны будущей "единой и неделимой России" крестьянам Европейской части страны, куда весной 1919 г. как раз и направлялось острие колчаковского наступления. Социальная опора режима, продовольственное снабжение городских баз армии, успех самой мобилизации в ее ряды, - все зависело от успешного урегулирования аграрных взаимоотношений как в самой Сибири, так и к западу от Урала¹.

Мероприятия, осуществленные Временным Сибирским правительством еще в июле 1918 г., Колчака не устраивали. Помимо известного письма А.И.Деникину, где Верховный Правитель доказывал недопустимость "земельной политики, которая создает у крестьян представление помещичьего землевладения", во многих выступлениях Колчака уверенно декларировалось, что "прежние господствующие формы (земельных отношений. - Ю.Г.) должны отпасть и замениться новыми, - возврата к старому нет"².

5 апреля 1919 г., и в самом деле, кроме аграрных актов Советской власти, колчаковский Совет Министров отменил и постановление Временного Сибирского правительства от 6 июля 1918 г., гласившее, что "все имущества, принадлежащие как отдельным лицам, так и товариществам, обществам и учреждениям, лежащие на землях арендованных и собственных, захваченные посторонними лицами, подлежат возврату их владельцам со всем живым и мертвым инвентарем"³. Отменил также инструкцию и дополнения к ней о порядке исполнения данного постановления. Все эти документы носили явный отпечаток преемственности с традиционными формами землепользования в Сибири и совершенно не годились в качестве руководства к действию" для земельной политики в бывшей помещичьей поволжской деревне.

Еще одной частной мерой правительства Сибири в аграрном вопросе стало постановление Совета Министров о земельных льготах военнослужащим белой армии от 14 марта 1919 г. В число лиц, приобретающих право получить землю на правах переселенцев и на льготных основаниях в течение 10-и лет, сначала входили солдаты и офицеры колчаковских частей, потом участники первой мировой войны - георгиевские кавалеры, раненые, контуженные, семьи убитых на войне 1914-1917 гг.⁴ Правда,

уже через полмесяца выявилась неосуществимость заложенных в этом проекте филантропических намерений. 8 апреля туда внесли поправку, категория льготников сужалась до "участников в войне за возрождение России", т.е. до границ собственно белой армии⁵.

В марте 1919 г. Колчаком была создана специальная комиссия, которая приступила к разработке аграрного законодательства в целом. Наличие нескольких группировок и течений внутри правительства обусловило появление трех проектов земельной реформы.

Первый из них за подписью товарища министра земледелия И.И. Ярмоша назывался "Записка о направлении аграрной политики правительства". Ведомственное ее происхождение выразилось в претензиях на правовую легитимность по отношению к истории российского аграрного законодательства второй половины XIX- начала XX вв. Здесь выдвигалось положение о многоэтапности аграрной реформы, говорилось, что "не может быть и речи о единообразном разрешении аграрного вопроса на всем пространстве Российской Державы". Кроме этого к числу общих положений министерского проекта относилось и признание "необратимости неизбежного хода истории", под которым в качестве стратегии аграрных отношений понимался процесс замены крупного землевладения мелким. Для доказательства авторы проекта углублялись в пространственный исторический экскурс, начиная с итогов пореформенного двадцатилетия XIX в. и кончая 1911 г. - годом гибели П.А. Столыпина.

Сравнительно "свежей" трактовкой здесь выглядела констатация прогрессивности крестьянского движения 1917 г., ликвидировавшего революционным путем царизм, как основное препятствие на пути углубления столыпинских реформ в сельском хозяйстве. С другой стороны, в тексте "Записки..." учет опыта 1917 г. сказался и в уступке оживлению общинных настроений крестьянства, вопреки частнособственнической идее столыпинских преобразований. Составители проекта соглашались на "факультативное сохранение общины"⁶.

Практическая слабость министерского проекта замыкалась на трагической для всего белого движения идее "непредрешества". При этом умозрительность рассуждений составителей проекта об аграрных проблемах во всероссийском масштабе плохо увязывалась с генеральной линией, провозглашенной лидером режима Колчаком: решение всех коренных вопросов внутренней политики отложить до полной победы над большевиками и до созыва "Национального Представительного Органа" (Учредительного Собрания или Земского Собора)⁷.

Отчасти подобное противоречие компенсировалось конкретизацией временных мероприятий в земельной политике. Во-первых, право сбора урожая 1919 г. признавалось за фактическими пользователями захвачен-

ных земель. Во-вторых, "захватчики" переводились в статус арендаторов. В-третьих, они получали преимущество покупки используемых земель в будущем. По существу, перечисленные акции вполне подходили под категорию пассивного реформаторства. Мало того, правило статус-кво, сложившееся в результате земельного перераспределения 1917 г., не знало исключения в белых режимах периода гражданской войны. С различными оговорками и условиями оно осуществлялось и П.Н. Красновым на Дону, и А.И. Деникиным на Юге России, и П.Н. Врангелем в Крыму.

К числу реформаторских мер, в противовес закону Временного Правительства, запрещавшему земельные сделки, нужно отнести и оговорку создателей министерской "Записки..." о необходимости контроля государства за куплей и продажей земли для содействия постепенной ликвидации крупного землевладения, ограничения крестьянского землевладения "выше трудовой нормы" и недопущения "карликовых", нищенских хозяйств⁸. Несмотря на некоторый теоретический радикализм, уязвимыми местами конкретной части министерского проекта следует признать не только умолчание о минимальных и максимальных размерах крестьянских хозяйств, но и намерения правительства регулировать взаимоотношения между крестьянами и крупными собственниками в духе утопического компромисса, совершенно несвойственного психологии социальных групп в гражданской войне.

Верные идеи фермерского землевладения, аграрные теоретики из колчаковского министерства земледелия понимали, конечно, что "естественный процесс" дробления земельной собственности быстро не пойдет из-за сопротивления владельцев больших имений. Отсюда в законопроекте назывался определенный срок, в течение которого конфликтующие стороны должны были урегулировать свои отношения на договорной основе, путем распродажи латифундий крестьянам по правилам, выработанным правительством⁹. В качестве "побудительной меры, стимулирующей данный процесс, предполагалось установление высокого прогрессивного поземельного налога и дополнительная "подстраховка" в виде "мер принудительных", каковые заключались в запрещении любых частных земельных сделок и в праве государства на монополию покупки и продажи земли с обязательной выплатой выкупа прежнему владельцу. В связи с последним большая роль отводилась Государственному Земельному Банку.

Близкой по духу министерскому проекту земельной реформы оказалась программа, принадлежавшая известному народническому деятелю Н.П. Огановскому и опубликованная им в апреле 1919 г. на страницах одного из сибирских изданий. Убеденный сторонник "господства в грядущей России землепользования чисто трудового типа", Огановский,

однако, считал необходимым сохранить крупное хозяйство "капиталистического типа". Под этим термином он, правда, в первую очередь подразумевал высокотоварные кооперативные аграрные предприятия, выступал за передачу крестьянам устаревших по формам хозяйственной деятельности частновладельческих имений общей площадью примерно в 45-55 млн. десятин, отрицал целесообразность уравнительного распределения земли между мелкими землепользователями¹⁰. Вообще-то, публикация аграрных планов Огановского являлась следствием его веры в способность Колчака создать сильную общероссийскую власть, которая, по мнению автора программы, была основной гарантией законного решения аграрного вопроса и одновременно личной "заявкой" публициста на сотрудничество с белым сибирским режимом.

На углубление столыпинского реформаторства в деревне, на лавирование между мелкими и крупными земельными владельцами была нацелена аграрная прожектация князя А. А. Кропоткина, изложенная в личной записке Колчаку. Составитель сосредоточился на закреплении крестьянской земельной собственности, разрушении общины, продаже частных имений крестьянам участками в 8-10 десятин, с выкупом бывшим владельцам. С другой стороны, Кропоткин настаивал на безусловном сохранении крупных частновладельческих хозяйств, "вырабатывающих лучшие сорта хлебов, выращивающих племенной скот и лошадей, обслуживающих свеклосахарные и другие заводы, перерабатывающие сырье"¹¹.

Названные проекты вряд ли целесообразно дифференцировать по формальному "партийному" критерию, как это вплоть до недавнего времени практиковалось в историографической традиции советского периода¹². Дело в том, что, во-первых, процесс государственного распада Российской империи с 1917 г. положил начало и распаду политических партий. Отсюда в гражданской войне, за исключением большевиков-коммунистов (явления особого рода), действовали не партии, а их "осколки", несхожие ни по программным позициям, ни по личным ориентациям прежних лидеров, волею обстоятельств заброшенных в разные регионы страны. Во-вторых, ни одна, без исключения, политическая партия России никогда не представляла интересов какого-либо общественного класса в целом. Посему мотивация участия того или иного общественного деятеля в гражданской войне, как правило, определялась политической конъюнктурой, степенью территориальной "привязанности" к тому или иному режиму правления, индивидуальными симпатиями и антипатиями, старыми связями и т.п.

Гораздо более продуктивным для оценки аграрного законодательства режима Колчака представляется наличие общей платформы, так или иначе присущей всем трем сибирским проектам 1919 г. В ней, по суще-

ству, был курс на сведение всех частных в поземельных отношениях к некому "среднему варианту", предусматривавшему компромисс между крупным частным и крестьянским землевладениями под обязательным контролем правительственной власти.

С 1 по 13 апреля 1919 г. после ряда обсуждений комплект законов по аграрному вопросу был принят на заседании Совета Министров и частично опубликован. Основным документом стала "Декларация Российского правительства", известная населению как "Грамота Верховного Правителя о земле".

Правительство учло преимущественный интерес крестьянского мира к судьбе урожая 1919 г. и однозначно заявило о том, что "урожай будет принадлежать тем, кто сейчас пользуется землей, кто ее запахал и засеял", что "все, в чем пользовании земля сейчас находится, все, кто ее засеял и обработал, хотя бы и не был ни собственником, ни арендатором, - имеют право собрать урожай". Столь же определенно выражалось и отношение к земельным захватам. "Никакие самовольные захваты ни казенных, ни общественных, ни частновладельческих земель допускаться не будет, и все нарушители земельных прав будут предаваться суду". Земли "трудового и полутрудового типа", обрабатывавшиеся до захвата силами семьи (хуторские, отрубные, укрепленческие) подлежали немедленному возвращению владельцам"¹³.

Хотя основополагающая идея проекта - идея компромисса и правительственного контроля - сохранилась в "Декларации", но в ней уже не говорилось о принудительном отчуждении всей площади крупных частновладельческих имений, а в весьма туманной форме только упоминалось о передаче крестьянам "частновладельческой и казенной земли" за выкуп. Кроме того, окончательное решение аграрной проблемы откладывалось до созыва Национального Собрания.

Чтобы приблизить теорию будущих аграрных отношений к ситуации 1919 года, "Декларация" дополнялась "Правилами о порядке производства и сбора посевов в 1919 году на землях, не принадлежащих помещикам". Уже само заглавие сего циркуляра свидетельствовало об очередном порыве колчаковского правительства в сторону уступок крестьянству ради гарантированного обеспечения продовольствием фронта и тыла. И действительно, подавляющая часть содержания тут касалась как раз крестьянского землепользования, причем в самом начале провозглашалось: "Все посевы, приведенные на землях, не принадлежащих помещикам, составляют полную и неотъемлемую собственность тех лиц, трудом или средствами которых означенные посевы произведены"¹⁴. Специальные инструкции имели целью "упростить обрядовую сторону практического проведения "Правил" в жизнь"¹⁵.

Однако общий анализ названного образчика законотворчества показывает, что и в данном случае позиция правительства, как стрелка компаса к северу, стремилась к соблюдению все того же пресловутого "среднего варианта". Под выражением "земли, не принадлежащие помещикам", подразумевались именно захваченные в 1917 - начале 1918 гг. имения. В "Правилах" в связи с этим прямо заявлялось: "Пользование землей... не создает для пользователей в дальнейшем никаких прав на владение и пользование этой землей"¹⁶.

Объявленный антибюрократизм тоже выродился в иллюзию. Творцы законодательства так усердствовали в желании облегчить процедуру землепользования, что создали совершенно непреодолимый барьер сложнейшего делопроизводственного порядка производства и сбора урожая. В итоге каждый пользователь, произведший посев в 1918-1919 сельскохозяйственном году должен был до 1 июня 1919 г. заявить о своих действиях сельскому старосте, "с указанием количества и места, где посев произведен". Потом все данные заносились в "Книгу для записи посевов" и доводились старостой "до сведения Волостной Земельной Управы", которая, в свою очередь, передавала их в Уездный Земельный Совет. Аналогичная процедура подлежала повторению и в следующем году. Кроме общих налогов и поземельных сборов, новые пользователи обязывались и к выплате особого поземельного сбора на счет уездных земельных советов. Последние устанавливали размеры платы, предназначавшейся частично на расходы по бюджету тех же советов. Оставшее шло в пользу бывших владельцев имений¹⁷.

Таким образом, по старым "партийным" стандартам получалось нечто вроде комбинации "окадеченного" варианта меньшевистской муниципализаторской программы земельных отношений, усиленной бюрократическим администрированием. Судьба крупного частного землевладения при всем при том опять же "зависала в воздухе".

Понимание неудовлетворительности положения в области аграрного законодательства, запросы из освобожденных от красных уездов Самарской и Пермской губерний стимулировали продолжение "цепной реакции" в избрании новых дополнений к уже принятым законам. 10 апреля состоялось заседание Совета Министров, на котором обсуждался проект закона "Об обращении во временное распоряжение государства земель, вышедших из обладания их владельцев", представленный земельным ведомством.

Обсуждение протекало довольно вяло. Желание министерства земледелия продемонстрировать решимость в углублении курса на формирование крестьянского землевладения за счет помещичьего, как и раньше, натолкнулось на возражения около половины выступавших участников

заседания. В результате министр земледелия Н.И.Петров и его заместитель И.И.Ярмош быстро "сняли" наиболее прокрестьянские требования своего проекта. А министр юстиции А.А.Старынкевич после голосования за новый закон (с поправками и большинством в один голос) грустно констатировал очередную "пробуксовку" в аграрном вопросе: "Мы не должны закрывать глаза на то, что государственный аппарат вряд ли будет в состоянии в ближайшем будущем приобрести такую мощь и силу, чтобы сказать: "Крестьяне, отдайте землю прежним владельцам" или - "Владельцы, отдайте землю крестьянам"¹⁸.

Резюме Старынкевича о слабости правительства, однако, не помешало принятию "Положения об обращении во временное заведование правительственных органов земель, вышедших из фактического обладания их владельцев и поступивших в фактическое пользование земледельческого населения". Центральное положение закона дословно повторяло его название и определяло срок действия: "до издания основных земельных законов"¹⁹.

Все фактические пользователи переводились на положение арендаторов. Министерство земледелия объясняло эту меру нежеланием "вносить ломку в совершившееся распределение земель" и одновременным стремлением указать крестьянам-захватчикам, что "право собственности им не принадлежит". Из сферы действия закона исключались категории земель, не поступавших в распоряжение государства и возвращавшихся прежним владельцам. К ним относились захваченные земли земств, городов, сельских и селенных обществ и земельных товариществ; земли, которые обрабатывались преимущественно силами семьи их владельцев; земли, необходимые для ведения промышленных предприятий; земли, ведение хозяйства на которых "имеет показательное или государственное значение"; усадебные земли вместе с наличными на них постройками, живым и мертвым инвентарем и, наконец, земли, "в отношении которых у владельца и фактического пользователя состоялось соглашение о порядке и условиях дальнейшего их использования"²⁰.

Интеллигентское "прекраснодушие" пункта о добровольном соглашении, как уже указывалось и современниками, и в советских исследованиях, часто оборачивалось "другой стороной медали", поскольку служило лазейкой для развития реставрационных и противных им настроений, распатывавших социальные устои белых режимов. Это подтверждалось донесениями в Омск из-за Урала о вмешательстве отдельных землевладельцев "не в свое дело" и восстановление ими помещичьего землевладения. Поэтому фактически применение закона от 13 апреля 1919 г., как регулятора поземельных отношений, приобретало практический смысл лишь в том случае, когда помещик физически отсутствовал, уклонялся от

хозяйствования или склонялся к опоре в правовых контактах с крестьянами-захватчиками на посредничество государства²¹.

Характерно, что и к этому закону министерство земледелия присовокупило особые правила регулирования процедуры учета и описания земель, поступавших в распоряжение государственных органов. "Правила о порядке определения пространства земель, поступивших в заведывание правительственных органов, использовании этих земель и о порядке возвращения некоторых категорий земель в распоряжение владельца" представляли собой перечень чрезвычайно трудоемких мероприятий, привлечения огромного количества средств и людей. Основным звеном проведения земельной переписи считались уездные земельные советы. Размеры и границы земель устанавливались по каждому владению. Все это должно было происходить в присутствии владельцев как юридических, так и смежных, фактических пользователей и представителя Управления Государственным Земельным Фондом. После выявления границ и размеров владения составлялся акт о передаче участка в Государственный Фонд и Управление Государственного Земельного Банка. По закону названные учреждения имели право передавать частновладельческие земли в краткосрочное пользование по своему усмотрению, причем такие участки "возвращались владельцам лишь по истечении срока пользования".

Задача определения условий сдачи земли и размеров платы за нее возлагалась на Управление Государственным Земельным Фондом. Все доходы отсюда и из Лесного Департамента, собиравшего плату за пользование лесными промысловыми угодиями, вносились в Государственное Казначейство на специальные счета. Считалось, что в будущем эти доходы частично покроют недоимку по налогам со сданных в аренду земель²².

Закон 13 апреля тоже не ликвидировал аграрных противоречий, в тисках которых продолжало биться министерство земледелия. Саморефлексия его работников на почве несовершенства созданного законодательства продолжалась. В частности, это проявилось в оценках принятых актов со стороны министерской юрисконсультской части.

В ее специальном заключении отмечалось, что правительство, само того не желая, выступает в отношениях с крестьянами - пользователями земель в качестве арендодателя, т.е. фактически коллективного помещика. Указывалось также и на несоответствие законов и дополнений к ним, например, "Положения об обращении во временное заведывание правительственных органов земель..." и "Правил о порядке производства и сбора посевов в 1919 г...". При ближайшем рассмотрении обоих документов, - говорилось в записке юрисконсультской части, - становится очевидно, что "большинство содержащихся в этих "Правилах..." норм не стоят ни в какой связи с проектом "Положения"²³.

Очередная "вспышка" законодательной активности по аграрным делам в белой Сибири случилась 13 июня 1919 г. В этот день Совет Министров рассмотрел и принял "Временные правила о порядке разрешения сделок на землю". Данный закон относился к намеченным министерством земледелия "ограничительным мерам", имевшим конечную цель парцеллировать крупные частные землевладения. Действие закона Временного Правительства от 12 июня 1917 г. об ограничении земельных сделок отменялось. Совершение их ставилось под контроль министерства земледелия. При покупке земли устанавливались предельные нормы. "Количество земель, приобретаемых для сельскохозяйственного использования как отдельными лицами, так и товариществами, - говорилось здесь, - не должно превышать в совокупности с их надельной и ранее купленной землями количества земли, установленного на основании Устава Государственного Земельного Банка 1882 г."²⁴. Надо отметить, что в законе от 13 июня 1919 г. расценки продаваемых земель не указывались.

Как же следует оценивать аграрное законодательство колчаковского правительства? Обычно в основе уже существующих оценок лежал классовый подход, т.е. попытка определить, в какой степени содержание названного комплекса земельных законов и положений совпадало с интересами той или иной социальной группы. Как раз этот критерий использовался критиками деятельности сибирского министерства земледелия и "слева" и "справа" уже в 1919 г. Впоследствии эту традицию использовала и советская историография. Отсюда, естественно, получалось, что "Колчак был сторонником капиталистического развития сельского хозяйства, с учетом интересов помещиков", а самое "несовершенство" его аграрного законодательства "являлось неизбежным следствием классовой позиции буржуазно-помещичьей диктатуры Колчака"²⁵.

С точки зрения системы понятий, преобладавшей в XX в. вплоть до недавнего времени, и современники гражданской войны, и советские авторы формально правы. С другой стороны, думается, что деформация идеологических стереотипов под влиянием совсем недавних и современных событий в мире позволяет пополнить "палитру" знания истории белого движения в целом и колчаковской эпопеи в частности за счет некоторых новаций в методике исследования. Уместно, к примеру, задать вопросы: в чем заключалась теоретическая самодостаточность колчаковского аграрного законодательства, на какой уровень несомненной эволюции аграрной политики белых следует его поместить?

Во-первых, нужно признать: само по себе стремление аграрных законодателей режима Колчака сбалансировать групповые социальные интересы на базе императива национальной идеи вряд ли способно вызвать

негативную реакцию как у сторонника теории общечеловеческих ценностей, так и у русского патриота.

Под данным углом зрения деятельность омских реформаторов 1919 г. представляется существенно обновленной доктриной столыпинского банартизма, бесперспективность которого для России исчерпывающе так никем и не доказана. Известно, что упорное следование столыпинскому аграрному курсу в законодательстве являлось "общим местом" в деятельности всех белых государственных образований. Очень хорошо, кстати, о подобной преемственности сказано у одного из ведущих идеологов "белого дела" В.В.Шульгина, по мнению которого, "Столыпин заплатил жизнью... главным образом за то, что он указал путь для эволюции. Нашел выход, объяснил, что надо делать"²⁶.

При разработке и осуществлении закона о социализации земли в январе 1918 г. определенный "дрейф" к столыпинским формам землепользования продемонстрировала и часть ЦК Советской правительственной партии левых эсеров²⁷. По сути, во многом "столыпинским" выглядело и аграрное законодательство большевиков в "нэповский" период.

Во-вторых, принципиальное признание колчаковским правительством земельных захватов 1917-начала 1918 гг. придавало его земельным актам определенный радикализм в отношении с крестьянством. В названном плане показательное сравнение аграрного курса белой Сибири с его аналогиями на Юге России.

В поле зрения здесь сразу же попадает атаманское правление Всевеликого Войска Донского, функционировавшего с апреля 1918 по январь 1919 г. под руководством П.Н.Краснова. В отличие от Колчака, волевой и малотерпимый к инакомыслию Краснов вел очень жесткую авторитарную внутреннюю политику. На первом месте среди главных направлений правительственных мер в земельном вопросе, помимо охраны интересов казачьей общины, стояла забота о частном землевладении. По приказу 5(18) июня 1918 г. частновладельческие земли объявлялись неприкосновенными, покушение на них преследовалось исполнительной властью. Землевладельцам, пострадавшим от захватов, полагалось возмещение убытков деньгами или от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ частей урожая. Если платить отказывались, то в распоряжение владельца имущества отходил весь урожай. 21 июля (3 августа) 1918 г. действие этого документа распространялось на все виды пользования чужими землями.

В сентябре 1918 г. Краснову удалось сломить сопротивление демократической части Войскового Круга. Была принята резолюция, успокоительная для помещиков. Их заверили, что никаких мер против них по отчуждению земель в 1918-1919 сельскохозяйственном году "принято не будет"²⁸.

Не произошло легализации земельных захватов и на территориях, контролируемых Вооруженными силами Юга России под командованием А.И.Деникина. Его аграрное законодательство разрабатывалось чрезвычайно долго - с конца марта до ноября 1919 г. В первом варианте, сформулированном комиссией В.Г.Колокольцева (бывшего министра земледелия в правительстве гетмана П.П.Скоропадского), несмотря на провозглашение принципа принудительного отчуждения помещичьих земель, было сделано все, чтобы под категорию отчуждаемых земель попало, по возможности, меньше владений. Сам Деникин отмечал: "Все это написано для успокоения нервов землевладельцев"²⁹.

Второй вариант аграрного законодательства в "Деникии" готовился под председательством профессора А.Д.Билимовича. По словам того же Деникина, это положение отличалось от первого "лучшей юридической формулировкой, осторожностью и стиранием острых углов, но основные его мысли были те же"³⁰.

В текущей аграрной политике деникинского режима предпринимались кое-какие меры в интересах крестьян-захватчиков³¹. Но, как считал, пожалуй, самый активный законодатель при Деникине К.Н.Соколов, они представляли собой "скромный шаг в сторону, если не признания, то продления земельного статус-кво"³². К тому же 28 августа 1919 г. Деникин, подчинившийся Колчаку, получил телеграмму последнего, где напоминалось, что "общее руководство земельной политикой принадлежит Российскому (т.е. Омскому. - Ю.Г.) правительству"³³.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в 1919 г. по близости к настроениям крестьянства колчаковское аграрное законодательство оказалось "левее" всех прочих, современных ему законов белых правительств.

Кое-какую аналогию, правда, земельным планам сибирского Министерства Земледелия можно усмотреть для этого времени лишь в Земельном законе Всевеликого Войска Донского, принятого на Войсковом Круге 1(14) июня 1919 г. "Все земли сельскохозяйственного пользования в пределах Всевеликого Войска Донского, - значилось тут в первой главе, - принадлежащие владельцам на праве частной собственности, ... подлежат отчуждению в особый Земельный Фонд Войска Донского"³⁴. Но донское аграрное законодательство, в отличие от сибирского, несло на себе отпечаток провинциальности и предусматривало, в первую очередь, удовлетворение специфических интересов казачьей общины, а не решение аграрного вопроса в масштабах всей страны.

Достоинства формулировок белосибирского земельного законодательства отстают, однако, далеко на задний план, когда приходится писать об аграрной политике колчаковского, да, впрочем, и любого белого

режима. Почему, в самом деле, ни один из них так и не сумел осуществить эффективных мероприятий по аграрному вопросу, мало того, вообще никакого действенного реформаторства?

Ответ на вопрос, очевидно, скрывается в логике социокультурной динамики России. Действительно, все реформы здесь осуществлялись "сверху" и не затрагивали глубинных корней психоментальности местных традиционных социумов, из которых на протяжении веков состояло население страны. Самым крупным из них являлось крестьянство. Крестьянская социальная психология с ее традиционалистскими установками на коллективизм и уравнительность в моменты ослабления общероссийской власти и угрозы экономической стабильности в деревне служила инструментом максимально низкого порога выживания крестьянской общины в перманентно ухудшавшихся условиях бытия. Подобный традиционализм имел "выход" на сознание и рабочего класса, и средних городских слоев, включая сюда и национальные окраины. Поэтому лобой исторический намек на неспособность "верхов" обеспечить социальную защиту минимума насущных нужд конгломерата российских социумов - народа - вызывал в России мощное корпоративно-анархическое движение "снизу". До полного истощения этого бунтовского потенциала (в ином произношении - "революционной самостоятельности масс") население предпочитало дистанцироваться от центральной или претендующей на такую роль власти, игнорируя ее патерналистские попытки "навести порядок" и утвердить свой имперский авторитет.

К 1917 г. столыпинские преобразования в деревне (из-за отсутствия достаточного времени и деформации привычной жизни военными обстоятельствами) не достигли необходимой ступени необратимости, не сделали из крестьянина гражданина. Явная слабость Временного правительства усилила традиционалистские и анархические настроения в городах. Именно на гребне этой волны к власти пришли большевики, которые никаких реформ в духе западных либерально-демократических образцов никому не обещали, а просто использовали корпоративно-анархические настроения масс в своих партийных целях.

В течение двух последующих лет конфликт большевиков с крестьянством из-за хлеба и мобилизаций не ликвидировал беспочвенности реформизма на иных основаниях, нежели "Декрет о земле" и "Закон о социализации земли". Вопрос о собственности на землю и формах землепользования был решен этими документами в соответствии с крестьянским корпоративным традиционализмом.

Белые, кстати, отчасти были правы, когда трактовали большевизм конца 1917 - начала 1918 гг. как "всякое беззаконие и озорство". Но "правота" эта на поверку оказалась поверхностной. Одним из главных

зablуждений белого движения стала недооценка государственных способностей противника - непризнание за большевизмом и в конце 1918-1919 гг. никакого созидательного начала.

Барон А.П.Будберг, талантливый соратник Колчака, отмечал в своем "Дневнике" за 8 августа 1919 г. весьма характерную историю с лекцией полковника Котомина, перебежчика из Красной Армии, во время которой "присутствующие не поняли лектора, указавшего на то, что в комиссарской армии больше порядка и дисциплины, чем у нас, и произвели грандиозный скандал, с попыткой избить лектора...; особенно обиделись, когда К. отметил, что в Красной Армии пьяный офицер невозможен, ибо его сейчас же застрелит любой комиссар или коммунист..."³⁵.

Между тем в 1919 г., в отличие от предшествующего 1918 г., красные и белые решали уже иную задачу: нужно было не нейтрализовать крестьянство, а заставить его поддерживать свою власть физически. Изоморфность большевистской власти с анархистскими настроениями социальных корпораций в народе теперь существовала только в агитации против белых. На деле же проводилась жесткая цезаристская политика в форме декретного законодательства, направленного на выкачку из деревни хлеба, производство мобилизаций, нейтрализацию люмпен-маргиналов, формирование мощного корпуса красной бюрократии. В ответ на "военный коммунизм" большевики получили негативную реакцию деревни. В.И.Ленин писал, что в 1919 г. "крестьянство Урала, Сибири, Украины поворачивает к Колчаку и Деникину"³⁶.

Однако белые не сумели использовать благоприятный момент - продемонстрировать массам более убедительный, альтернативный большевистскому путь восстановления патерналистского авторитета российского имперства внутри страны (иного пути социокультурная специфика России просто не предусматривала).

Что же касается аграрного законодательства колчаковского режима в контексте вышеприведенной схемы, то здесь следует ограничиться лишь несколькими моментами, характеризующими заведомое бесплодие этого реформаторского опыта "диктатуры ради демократии"³⁷.

Во-первых, аграрное реформаторство белого Омска не имело в деревне никакой точки приложения, поскольку не соответствовало ни социальному сознанию реформируемых в текущей ситуации, ни территории, находившейся под контролем Колчака. Вот почему, например, при учете в законах приоритета интересов столыпинских хуторян, отрубников, выделенцев "главными районами восстания являлись поселения столыпинских аграрников"³⁸. К тому же аграрное законодательство колчаковского правительства отличалось преимущественной ориентацией на условия

земельных отношений к западу от Урала и в Поволжье, где белые не смогли удержаться даже в течение двух месяцев.

Во-вторых, процесс выработки аграрного законодательства при Колчаке осуществлялся не правящей военной элитой режима, а субэлитой-интеллигенцией. Сотрудничество ощущалось обеими составляющими верховной власти как вынужденное состояние: военные третировали интеллигентов в качестве "болтунов, разваливших страну", а те отвечали им перманентными обвинениями в недальновидности, насильи и произволе. Подчинение военного мира гражданскому считалось "чем-то сверхъестественным, почти чудовищным" в глазах самого Колчака³⁹. В результате получалось опасное расслоение между военными и гражданскими органами власти и, как неизбежное следствие, хроническая нероботоспособность гражданского управления. Кроме того, бонапартистский курс правительства противоречил цезаристской политике военного командования на местах. Последнее же настолько маргинализировалось, что личная власть Верховного Правителя выглядела почти номинальной во многих районах Сибири.

Серьезно авторитет белого Омска, как власти всероссийской, подрывался интервенционистским влиянием на пределы распорядительных и контролирующих функций колчаковской администрации.

Наконец, своеобразным воплощением противоречий и слабостей всего режима в целом стала весьма неподходящая для роли диктатора и харизматического лидера имперской идеи фигура самого Колчака. Сторонник западной демократии, равенства всех сословий и классов перед законом, он, одновременно, вынужден был действовать в духе "нагаично-расстрельного законодательства", а также с позиций надменного борца за интересы "неделимой державы" перед лицом интервентов, снабжавших его армии. Во всех этих качествах Колчак жестоко рефлексировал и, по признанию своих же соратников, нуждался в "дополнении", т.е. руководстве со стороны сильной волевой личности, так же "преданной идее служения России, как и сам Адмирал"⁴⁰.

Таковой же, способной "оседлать" имперскую идею и привести Отечество к очередному возрождению под знаменем "белого дела", не нашлось в рядах антибольшевистского движения не только в белой Сибири, но и на всем геополитическом пространстве великой страны.

Примечания

1. ГАРФ, ф.176, оп.5, д.1122, л.9; Слово о земле //Отечественные ведомости (Екатеринбург). - 1919. - 6 апр.

2. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. - М.,1983. - С.183; Кипарисов В. Верховный Правитель адмирал А.В.Колчак. - Б.м., 1919. - С.23.

3. ГАРФ, ф.176, оп.5, д.1125.396, л.1.
4. Там же, д.1148.404, л.1.
5. Там же, л.3.
6. Там же, д.1122, лл.9-11, 14.
7. Допрос Колчака //Колчак Александр Васильевич - последние дни жизни. - Барнаул, 1991. - С.104; К земельному вопросу //Известия Министерства Земледелия. - Омск. - 1919. - N 9-10. - С.19.
8. ГАРФ, ф.176, оп.5, д.1122, лл.15, 16, 18.
9. Там же, л.18.
10. Огановский Н. Современная постановка земельной реформы //Сибирский агроном (Омск). - 1919. - N 4. - С.12.
11. ГАРФ, Ф.159, Оп.1, Д.54, Л.128.
12. Аверьев В. Аграрная политика Колчаковщины //На аграрном фронте. - 1929. - N 6-8; Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны и иностранной интервенции. - Красноярск, 1977. - и др.
13. Декларация Российского правительства //Известия Министерства Земледелия. - 1919. - N 9-10. - С.5.
14. ГАРФ, ф.176, оп.5, д.1146.576, л.2.
15. Там же, л.4.
16. Там же, л.3.
17. Там же.
18. Там же, д.1122, л.17; Журов Ю.В. Указ.соч. - С.45.
19. ГАРФ, ф.176, оп.5, д.1122, л.22.
20. Там же.
21. Аверьев В. Указ.соч. - С.32, 43; ГАРФ, ф.176, оп.5, д.1122, л.20; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. - Харбин; Пекин, 1921. - Т.2. - С.156.
22. ГАРФ, ф.176, оп.5, д.1122, л.23.
23. Там же, лл.3-4.
24. Там же, д.1136.973, л.4.
25. Литвин А.Л. Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. - Казань, 1972. - С.36; Иоффе Г.З. Указ.соч. - С.186.
26. Шульгин В.В. Годы. Дни. - М.,1990. - С.374.
27. //Борьба (Царицын). - 1918. - 30 янв.; Спирина М.В. Крах мелко-буржуазной концепции социализма эсеров. - М., 1987. - С.120-123.
28. Сборник узаконений и распоряжений правительства Всевеликого Войска Донского. - Новочеркасск, 1918. - Вып.2. - С.74; Вып.4. - С.175; ГАРФ, ф.1258, оп.1, д.1, лл.46-48.

29. ГАРФ, ф. 5827, оп. 1, д. 105, л. 3.
30. Деникин А.И. Очерки русской смуты. - Берлин, 1926. - Т. 5. - С. 224.
31. ГАРФ, ф. 5827, оп. 1, д. 105, л. 5; ГАВО, ф. 346, оп. 1, д. 45, л. 1.
32. Соколов К.Н. Правление Деникина. - София, 1921. - С. 189.
33. Деникин А.И. Указ. соч. - С. 224.
34. ГАВО, ф. 6611, оп. 1, д. 7, л. 61 об.
35. Архив русской революции. - Берлин, 1924. - Т. 15. - С. 263.
36. Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 40. - С. 17.
37. Устрялов Н. Под знаком революции. - Харбин, 1925. - С. 31.
38. Будберг А. Дневник. - М., 1990. - С. 261.
39. Колчак Александр Васильевич - последние дни жизни. - С. 27.
40. Архив русской революции. - Берлин, 1924. - Т. 15. - С. 279.

§ 4. Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства (1918 г.)

История белых армий не получила сколько-нибудь полного освещения в историографии. Между тем в период гражданской войны в России эти вооруженные формирования были главным противником Красной армии. Только белое движение ставило перед собой задачу создания общероссийского антибольшевистского фронта. Разгром же регулярных белых армий предопределил установление в стране коммунистического режима. Без всестороннего изучения белого движения невозможно составить полную и объективную картину гражданской войны в целом.

Сибирь была одним из центров формирования антибольшевистских вооруженных сил. Летом 1918 г. здесь возникла Сибирская армия, ставшая к осени самым крупным воинским объединением на востоке России.

Настоящая статья посвящена истории возникновения и формирования Сибирской армии. Основное внимание уделено рассмотрению ее структуры, численности, особенностей комплектования личным составом и уровня материально-технического обеспечения.

Первые шаги по организации Сибирской армии были сделаны в начале 1918 г. В ночь на 26 января 1918 г. Томский Совет распустил Сибирскую областную думу. Избегавшие ареста члены Думы, собравшись на конспиративное совещание, избрали Временное правительство автономной Сибири во главе с эсером П. Я. Дербером. Организацию свержения Советской власти в Сибири Дума поручила своему военному министру - эсеру, подполковнику А. А. Краковецкому. Приступив к ис-

полнению своих обязанностей, Краковецкий разделил Сибирь по течению Енисея на два военных округа. Его уполномоченными стали: в Восточно-Сибирском округе прапорщик Н. С. Калашников, в Западно-Сибирском - штабс-капитан А. Фризель (оба эсеры). Параллельно эсеровским организациям, руководимым Краковецким, и независимо от них формировались непартийные офицерские объединения, получившие преобладающее значение в общесибирском подполье. В результате эсеры утратили руководящую роль, и на их место выдвинулись более старшие в чинах офицеры: в Западно-Сибирском округе - подполковник А. Н. Гришин-Алмазов, в Восточно-Сибирском - полковник А. В. Элперц-Усов. Для координации подпольной работы накануне чехословацкого выступления был создан Центральный штаб во главе с А. Н. Гришиным-Алмазовым. Резиденция штаба находилась в Новониколаевске. По подсчетам В. Д. Вегмана, в сибирских антибольшевистских организациях было объединено не более 7 тысяч человек¹. Именно эти организации и явились основой формирования первых частей Сибирской армии, создание которой стало возможным в результате антибольшевистского выступления чехословацкого корпуса.

В ночь на 26 мая 1918 г. отряд чехословаков под командованием капитана Р. Гайды и местная военная организация свергли Советскую власть в Новониколаевске. Утром 26 мая штабом восстания, в который вошли поручик В. Л. Лукин, прапорщик Голубев, гражданские Волков и Пясецкий, было сформировано несколько добровольческих отрядов численностью по 10 - 15 человек. Эти отряды приняли на себя охрану города и приступили к очищению его окрестностей от большевиков. Стараниями штаба к 17 часам того же дня были сформированы три добровольческих взвода общей численностью в 150 человек, которые заменили в караулах чехословаков. Один из этих взводов (взвод подполковника Я. Н. Перчука) послужил ячеей 1-го Новониколаевского Сибирского стрелкового полка².

27 мая уполномоченный Временного сибирского правительства А. В. Сазонов издал приказ о мобилизации офицеров и военных чиновников. В этот же день была сформирована рота в 212 человек, которая под командой поручика Перова отправилась в сторону ст. Тайга в распоряжение капитана Р. Гайды, командующего чехословацкими силами. Вечером в Новониколаевск прибыл полковник А. Н. Гришин-Алмазов. Утром 28 мая он объявил о своем вступлении в командование войсками Западно-Сибирского военного округа³. Был образован штаб округа во главе со штабс-капитаном А. Фризелем, которого 2 июня заменил полковник генштаба П. П. Белов⁴. К 1 июня в состав войск округа входили Новониколаевский полк - 470 человек (330 офицеров), рота поручика

Перова - 200 человек, конный отряд прапорщика А.И.Зепалова - 90 человек и конвойная команда - 25 человек ⁵.

В течение двух недель после ново-николаевского переворота большая часть Западной Сибири была освобождена от большевиков. 31 мая большевики без боя оставили Томск. Глава местной военной организации полковник Н.Н.Сумароков вступил в должность начальника томского гарнизона. Через несколько дней он был заменен подполковником А.Н.Пепеляевым. 1 июня сотник А.А.Сотников приступил к формированию кавалерийского дивизиона двухэскадронного состава. В тот же день была объявлена мобилизация офицеров и военных чиновников. Мобилизация имела целью создать офицерскую дивизию для поддержания прочного порядка в городе и губернии и укрепления власти Временного сибирского правительства впредь до формирования армии на добровольных началах. Планировалось организовать четыре полка четырехротного состава и для каждого полка выделить пулеметную команду, команды конных разведчиков и связи ⁶.

Одновременно с томской выступила петропавловская организация войскового старшины В.И.Волкова. В первые дни после переворота в Петропавловске из офицеров была сформирована Отдельная инструкторская рота численностью в 60 человек под командой капитана Васильева. Реалисты и гимназисты образовали вторую - добровольческую - роту. Казаки приступили к созданию сотни, в которую вступило около 40 человек. Началось также формирование добровольческой роты из киргизов (казахов).

2 июня чехословаки заняли г.Курган. Во главе формируемого Курганского добровольческого отряда встал чешский офицер, поручик Грабчик, его помощником стал штабс-капитан Титов. Добровольцами в отряд записывались офицеры и учащаяся молодежь, число которых вскоре достигло 150 человек.

7 июня после боя у станции Куломзино большевики оставили Омск. В должность начальника омского гарнизона вступил полковник П.П.Иванов-Ринов. В тот же день образовалось несколько отрядов, самым крупным из которых был 1-й офицерский партизанский отряд во главе со штабс-капитаном Н.Н.Казагранди. Этот отряд, имея в своем составе 72 человека, 8 июня на пароходе "Семипалатинск" отправился вниз по Иртышу для преследования бежавших из Омска большевиков ⁷.

9 июня произошло соединение омской и ново-николаевской группировок белочехов. Созданный в Новониколаевске штаб Западно-Сибирского военного округа 12 июня был переименован в штаб Западно-Сибирской отдельной армии, в командование которой 13 июня вступил полковник А.Н.Гришин-Алмазов. Начальником его штаба остался пол-

ковник П.П.Белов. 14 июня штаб армии выехал из Новониколаевска и 15 июня прибыл в Омск, ставший с этого времени главным центром антибольшевистской борьбы на востоке России ⁸.

Ровно за две недели до этого находившиеся в Томске члены Учредительного собрания эсеры Б.Д.Марков, М.Я.Линдберг, П.Я.Михайлов и председатель томской земской управы В.О.Сидоров заявили о переходе власти к Временному сибирскому правительству, избранному Сибирской областной Думой. Высшей местной властью в Западной Сибири временно, впредь до окончательного освобождения всей сибирской территории, был объявлен Западно-Сибирский комиссариат (ЗСК).

Эсеры попытались установить контроль над армией с помощью политических комиссаров и продвижения на ключевые посты членов своей партии. Но в военной среде они встретили более решительное сопротивление со стороны правых сил, нежели в области гражданской власти и управления. В результате инициированный эсерами институт политических комиссаров уже в середине июня 1918 года был упразднен, так и не успев развернуться ⁹.

По свидетельству управляющего делами ЗСК Г.К.Гинса, первоначально на должность заведующего военным отделом комиссариата была выдвинута кандидатура члена Учредительного собрания, эсера Н.В.Фомина. Ввиду того, что Фомин не был военным, возникли вопросы о том, можно ли поручить военный отдел не специалисту и следует ли вообще отделять заведывание военным отделом от командования армией. Сам Гинс высказывался в пользу разделения этих должностей в целях обеспечения большего влияния гражданской власти на военное дело и большего контроля за военными расходами. Однако предложение Гинса не поддержали, и на должность заведующего военным отделом ЗСК был назначен А.Н.Гришин-Алмазов. Как впоследствии выяснилось, это было ультимативным требованием Гришина-Алмазова ¹⁰.

30 июня власть от ЗСК перешла к Временному Сибирскому правительству во главе с П.В.Вологодским. 1 июля вышел указ правительства о назначении полковника А.Н.Гришина-Алмазова управляющим военным министерством с сохранением его прежней должности командующего армией ¹¹. Таким образом, в одних руках сосредоточились командование армией и вопросы ее комплектования и снабжения. На нижестоящем уровне такие же двойные полномочия были предоставлены командирам входивших в состав армии корпусов.

27 июля Совет министров постановил переименовать Западно-Сибирскую отдельную армию в Сибирскую армию ¹². 30 июля Гришин-Алмазов утвердил временный штат штаба армии:

I. Управление генерал-квартирмейстера.

1. Оперативное отделение;
2. Разведывательное отделение;
3. Отделение военного контроля;
4. Общее отделение;
5. Военно-топографическое отделение.

II. Управление дежурного генерала.

1. Инспекторское отделение;
2. Общее отделение;
3. Отделение Главного штаба;
4. Управление коменданта штаба.

III. Управление инспектора артиллерии.

IV. Управление начальника инженеров.

V. Военно-исторический отдел.

1. Историческое отделение;
2. Информационное отделение;
3. Военно-цензурное отделение ¹³.

Благодаря энергии А.Н.Гришина-Алмазова формирование армии шло быстрыми темпами. По словам поручика Б.Б.Филимонова, титула командующего армией у Гришина-Алмазова никто не оспаривал, и военные Омска, Томска, Новониколаевска, Барнаула, Кургана, Челябинска и Петропавловска подчинились ему без всяких разговоров ¹⁴. По мнению Г.К.Гинса, "в Омске не было военного, который бы годился больше, чем Гришин, для управления военным министерством, однако недостатком Гришина была его самоуверенность. Он был убежден в неспособности всех прочих конкурировать с его влиянием в военных кругах. Он игнорировал министров Сибирского правительства, забывая, что это может вооружить их против него." ¹⁵

Как записал в своем дневнике П.В.Вологодский, Гришин "...по типу своему Н.Бонапарт, но еще рано появляться "бонапартам" на сибирском горизонте" ¹⁶. Гришин-Алмазов не сумел наладить тесных взаимоотношений с представителями "союзных" держав, от которых во многом зависели поставки в Сибирь вооружения, боеприпасов и снаряжения. По словам Г.К.Гинса, "успеху похода против Гришина помогли, как всегда, интриги в военной среде. Честолюбивый Иванов-Ринов, который сам по себе не рискнул бы выступить против начальства, в данной обстановке не стал, конечно, отклонять от себя столь легко дававшуюся карьеру" ¹⁷. 5 сентября А.Н.Гришин-Алмазов был уволен со своих постов без назначения на какую-либо другую должность. Его заменил командир 2-го Степного Сибирского корпуса и атаман Сибирского казачьего войска генерал-майор П.П.Иванов-Ринов ¹⁸.

В день вступления Гришина-Алмазова в командование Сибирской армией все подчиненные ему белогвардейские отряды были сведены в два корпуса: Средне-Сибирский под командованием подполковника А.Н.Пепеляева с формированием в Новониколаевске и Томске и Степной Сибирский под командованием полковника П.П.Иванова-Ринова с формированием в Омске.

В течение лета 1918 г. Средне-Сибирский корпус совместно с 6-м и 7-м чехословацкими полками действовал вдоль железнодорожной магистрали между Новониколаевском и Читой. Комкор А.Н.Пепеляев в оперативном отношении подчинялся начальнику 2-й Чехословацкой дивизии, капитану (затем полковнику и генерал-майору) Р.Гайде, являвшемуся одновременно командующим Восточным фронтом. 15 июня советская власть пала в Барнауле, 16 июня - в Красноярске. К тому времени корпус вырос до восьми стрелковых полков.

13 июля белочехи взяли Иркутск, а 20 июля полки корпуса были сведены в две дивизии: 1-ю Сибирскую (начдив полковник Е.К.Вишнеvский) и 2-ю Сибирскую (начдив полковник Б.Зиневич) ¹⁹. Одновременно полковник Гривин приступил к формированию 3-й Иркутской дивизии. В начале августа полки этой дивизии получили боевое крещение в боях за станции Мурино и Танхой ²⁰.

Боевые операции Степного Сибирского корпуса развивались от Омска в западном и южном направлениях. Вскоре после свержения советской власти в Омске началось формирование 1-й Степной дивизии. 21 июня начальник этой дивизии полковник Г.А.Вержицкий с отрядом в 348 человек выступил из Омска на фронт в сторону Ишима. Усилив свой отряд добровольцами, Вержицкий 30 июня у станции Гольшманово дал красным первый бой, обратив противника в бегство ²¹. После ряда боев 20 июля взяли Тюмень. В конце июля началось формирование 2-й Степной дивизии. Два полка этой дивизии находились в распоряжении Вержицкого, другие же два во главе с начдивом полковником В.П.Гулидовым действовали на Семиреченском направлении. Здесь же действовали Семиреченская казачья бригада полковника Ярушина и партизанский отряд атамана Б.В.Анненкова, развернутый позднее в дивизию.

После того, как 27 мая 2 и 3-й чехословацкие полки во главе с подполковником С.Н.Войцеховским захватили Челябинск, началось формирование белых отрядов на Урале. Приказом по Сибирской армии от 18 июня войсковой старшина Замятин был назначен командующим конными частями Челябинского уезда. Согласно приказу от 21 июня войсковой старшина Батырев приступил к формированию Отдельного Миасского отряда, в состав которого включались местные пехотные и

артиллерийские части и казаки станиц Кундровинской, Чебаркульской и Травниковской. Все части предполагалось свести в полки.

7 июля последовал приказ о формировании Уральского корпуса, командиром которого стал генерал-лейтенант М.В.Ханжин. Приказом по армии от 11 июля в его распоряжение передавались части войск Уральского и Миасского районов, пехотные и казачьи полки которых намеревались свести в дивизии²². В результате были сформированы 1-я Уральская (Челябинская) дивизия (начдив полковник Нейланд), 2-я Оренбургская казачья дивизия (начдив генерал-майор В.Н.Шишкин) и 3-я Оренбургская казачья дивизия (начдив генерал-майор Анчечков).

25 июля белочехи взяли Екатеринбург, где началось формирование 2-й Уральской дивизии (начдив генерал-майор В.В.Голицын). Эта дивизия позднее действовала в составе Екатеринбургской группы полковника С.Н.Войцеховского. 30 июля в состав Екатеринбургской группы с подчинением Войцеховскому была включена 1-я Степная дивизия генерал-майора Г.А.Вержбицкого с приданными ей частями 1-й Сибирской казачьей дивизии²³.

26 августа стрелковые полки, дивизии и корпуса Сибирской армии получили новые названия и общевойсковую нумерацию. Средне-Сибирский, Степной Сибирский и Уральский корпуса стали соответственно 1-м, 2-м и 3-м, а 30 сентября им было присвоено наименование "армейских" (например, 1-й Средне-Сибирский армейский корпус).

В 1-м корпусе 2-я дивизия, состоявшая из 1 и 2-го Ново-Николаевских, Барнаульского и Енисейского Сибирских стрелковых полков, была переименована в 1-ю Сибирскую стрелковую дивизию. При этом 2-й Ново-Николаевский полк стал называться 2-м Барабинским, а Барнаульский и Енисейский получили 3 и 4-й номера. 1-я Томская дивизия стала 2-й Сибирской стрелковой дивизией, а ее 1, 2, 3 и 4-й Томские Сибирские стрелковые полки были переименованы соответственно в 5-й Томский, 6-й Мариинский, 7-й Кузнецкий и 8-й Бийский Сибирские стрелковые полки. 3-я Иркутская дивизия была переименована в 3-ю Сибирскую стрелковую дивизию. Входившие в ее состав Иркутский, Байкальский и Нижнеудинский Сибирские стрелковые полки получили 9, 10 и 11-й номера, Хамардабанский Сибирский стрелковый полк был переименован в 12-й Верхнеудинский.

Во 2-м корпусе 1-я Степная Сибирская стрелковая дивизия получила название 4-й Сибирской стрелковой дивизии, а ее 1, 2, 3 и 4-й Степные Сибирские стрелковые полки соответственно 13-го Омского, 14-го Иртышского, 15-го Курганского и 16-го Ишимского Сибирских стрелковых полков. 2-я Степная Сибирская стрелковая дивизия переименовалась в 5-ю Сибирскую стрелковую дивизию, а ее 5, 6, 7 и 8-й Степные Сибирские

стрелковые полки - в 17-й Семипалатинский, 18-й Тобольский, 19-й Петропавловский и 20-й Тюменский Сибирские стрелковые полки.

В 3-м корпусе 1-я Челябинская дивизия в составе 1-го Челябинского, 2-го Златоустовского, Миасского и Соткинского стрелковых полков была переименована в 6-ю Уральскую дивизию горных стрелков. Входившие в ее состав полки получили 21, 22, 23 и 24 номера. 2-я Уральская дивизия в составе Екатеринбургского, Шадринского, Камышловского и Красноуфимского полков переименовалась в 7-ю Уральскую дивизию горных стрелков, с присвоением ее полкам 25, 26, 27 и 28 номеров. Стрелковые полки этого корпуса стали именоваться полками горных стрелков. Вследствие ходатайства командира корпуса 4 сентября ряд полков был вновь переименован: 27-й Камышловский - в 27-й Камышловско-Оравайский, 27-й Красноуфимский - в 28-й Ирбитский²⁴.

Наряду с пехотой и кавалерией в Сибирской армии формировались артиллерийские и технические части. Артиллерия сводилась в батареи и дивизионы, подчинявшиеся инспекторам артиллерии корпусов. К началу сентября технические войска состояли из 5 инженерных рот, 3 авиационных отрядов, 2 бронированных поездов, одной автомобильной и двух железнодорожных рот²⁵.

Первоначально авиация Сибирской армии состояла из двух авиаотрядов. 1-й Сибирский авиаотряд был образован 20 июня в составе трех самолетов системы "Фарман N 30" под командой военного летчика войскового старшины Шебалина. 28 июня был образован 2-й Сибирский авиаотряд в составе двух самолетов систем "Лебедь" и "Сопвич" под командой штабс-капитана Фаддеева²⁶. Появление в армии третьего авиаотряда произошло при следующих обстоятельствах.

В начале июля в деревне Асланинская, что к северу от города Ялуторовска, дислоцировался Оренбургский авиаотряд красных. 7 июля командир этого авиаотряда капитан П.П.Сергеев перелетел к белым. Его самолет приземлился у станции Гольшманово в расположении 1-й Степной дивизии полковника Вержбицкого. Накануне из Ялуторовска прибыл на автомобиле поручик В.В.Аносов, сообщивший о предстоящем перелете. П.П.Сергеев и В.В.Аносов заявили полковнику Вержбицкому о своем желании перейти на сторону белых. 9 июля из Асланинской на станцию Вагай прибыла основная часть Оренбургского авиаотряда. В его состав входило три самолета системы "Фарман N 30", 8 офицеров и 15 чинов разных специальностей²⁷. Приказом по армии от 13 июля 1-й Сибирский авиаотряд включался в состав Уральского корпуса, 2-й - в состав Средне-Сибирского корпуса. Оренбургский авиаотряд переименовали в 3-й Сибирский авиаотряд с включением его в состав Степного Сибирского корпуса²⁸.

Изношенность самолетов и отсутствие материальной базы для их ремонта неизбежно приводили к частым неисправностям и гибели летчиков. В конце июля погиб старший унтер-офицер И.Сергеев, в конце августа разбился при посадке командир 3-го Сибирского авиаотряда подпоручик К.Ф.Святогор (Святогорский) и штабс-капитан П.М.Свиричевский. К началу сентября в армии осталось 5 самолетов²⁹.

Оба бронепоезда, действовавшие в Сибирской армии, были отбиты у неприятеля. Первый из них был захвачен 16 июля на подступах к Тюмени в бою у станции Подъем, второй - в бою у станции Мурино на Байкальской железной дороге³⁰. Кроме того, несколько бронепоездов оставили в своем распоряжении чехословаки.

31 августа на реке Онон сибирские и чехословацкие части Восточного фронта соединились с войсками атамана Г.М.Семенова и чехословаками, наступавшими из Владивостока. Таким образом, активные боевые действия в Восточной Сибири завершились.

В целях поддержания государственного порядка и утверждения власти Временного сибирского правительства на отвоеванных территориях было решено сформировать еще два корпуса. 10 сентября командарм отдал приказ о формировании 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса со штабом в г. Иркутске и 5-го Приамурского армейского со штабом в г. Хабаровске. Формирование 4-го корпуса было поручено главному начальнику Иркутского военного округа полковнику А.В.Эллерц-Усову. В состав корпуса включались еще не сформированная 8-я Сибирская стрелковая дивизия (29-й Троицкосавский, 30-й Нерчинский, 31-й Читинский, 32-й Сретенский Сибирские стрелковые полки) и 3-я Сибирская стрелковая дивизия, исключенная из 1-го Средне-Сибирского корпуса. Формирование 5-го корпуса командарм поручил атаману Забайкальского казачьего войска полковнику Г.М.Семенову. В состав корпуса включались 9-я Сибирская стрелковая дивизия (33-й Владивостокский, 34-й Хабаровский, 35-й Благовещенский, 36-й Ново-Уссурийский Сибирские стрелковые полки), а также Забайкальская и Сводная (Амурского и Уссурийского казачьих войск) казачьи дивизии³¹.

Комплектование Сибирской армии личным составом первоначально осуществлялось за счет добровольцев и путем мобилизации офицеров и военных чиновников. 1 июня после падения советской власти в Томске, были обнародованы "Условия поступления в армию", подписанные "уполномоченными Временного Сибирского правительства" М.Я.Линдбергом, Б.Д.Марковым, П.Я.Михайловым, В.О.Сидоровым и командующим войсками Западно-Сибирского военного округа полковником А.Н.Гришиным-Алмазовым. В Сибирскую добровольческую армию принимались все граждане не моложе 18 лет, "незапятнанные нравственно и изъявив-

шие искреннюю готовность преданно служить идее народовластия, осуществляемой Временным сибирским правительством". Срок службы устанавливался в 6 месяцев.

Что касается мобилизации, то она не носила принудительного характера и заключалась в объявлении, куда и в какое время офицер должен явиться для записи в военный отряд. Только после прихода к власти адмирала А.В.Колчака офицеры, уклонившиеся от поступления в армию, официально объявлялись изменниками Родины и привлекались к ответственности. Офицеры и добровольцы поступали в армию не только из осознания необходимости борьбы с большевизмом. Для многих из них военная служба была единственным способом обеспечить существование себе и своим семьям.

Все офицеры, не занимавшие командных должностей, зачислялись в резерв чинов, выполнявших обязанности рядового бойца. Жалованье военнослужащих зависело не от чинов, а от занимаемой должности и устанавливалось в таких размерах: рядовому бойцу - 60 руб., отделенному - 75 руб., взводному - 90 руб., фельдфебелю - 120 руб., ротному командиру - 400 руб. в месяц. Жалованье младшего офицера и офицера резерва составляло 300 руб. в месяц. Кроме того, всем военнослужащим должно было выдаваться обмундирование и содержание: семейным - казенная квартира или квартирные деньги, семьям - ежемесячный паек в 100 рублей³².

Численность офицеров и добровольцев в Сибирской армии неуклонно возрастала (см. таблицу), достигнув к началу сентября 60259 человек. Однако, ввиду недостатка винтовок, вооружено было только 38035 человек (23147 пехотинцев и 14888 кавалеристов). 22224 добровольца состояли при полках невооруженными³³.

Таблица
Боевой состав Сибирской армии в июне - сентябре 1918 г.

Дата	Численность личного состава	Количество орудий	Количество пулеметов
15 июня	4051	19	17
20 июня	7573	19	30
30 июня	11943	19	108
10 июля	23451	30	145
20 июля	31016	37	175
31 июля	31872	37	175

Дата	Численность личного состава	Количество орудий	Количество пулеметов
10 августа	40686	51	184
1 сентября	60259	70	184

Примечание: таблица составлена по: РГВА, ф. 40308, оп. 1, д. 69, лл. 1-2.

31 июля был подписан указ правительства о призыве в Сибирскую армию лиц, родившихся в 1898 - 1899 гг. Призыву подлежало все коренное русское население и переселенцы, прибывшие в Сибирь до 1 января 1915 г. Сибирь как территория призыва, включала в себя полностью Западно-Сибирский и Иркутский военные округа с прибавлением к ним на западе Челябинского, Златоустовского и Троицкого уездов, а на востоке - временно, до восстановления Приамурского военного округа, той его части, которая будет занята войсками Временного Сибирского правительства³⁴.

Согласно докладной записки, составленной 27 августа в министерстве внутренних дел на основании телеграфных сведений, полученных от губернских комиссаров, призыву подлежали: по Челябинскому округу - 29346 человек, по Тобольской губернии - 45800, по Семипалатинской области - 7692, по Томской губернии - 24335, по Тургайской области - 4000, по Акмолинской области - 29787, по Алтайской губернии - 45000, итого - 206736 человек. Всего же, включая Иркутскую губернию, призыву в армию подлежало около 231 тыс. новобранцев³⁵.

На подлежащих призыву новобранцев в распоряжении военного министерства имелось всего 50 тыс. винтовок устаревших систем "Гра", "Ватерло" и "Бердана" с запасом патронов не более 100 штук на винтовку, 190 пулеметов, 34 орудий (из них 25 - трехдюймовых и 9 тяжелых). Снарядов для тяжелых орудий не было вообще, а для трехдюймовых имелось лишь несколько тысяч. Из вещевого довольствия имелось около 80 тыс. полушубков, 40 тыс. шинелей и 15 тыс. пар сапог. Материалов для изготовления обмундирования имелось в запасе не более, чем на 50 тыс. комплектов, но для их пошива отсутствовали швейные машины, иглы и нитки³⁶. Таким образом, призыв новобранцев должен был обострить проблему материального обеспечения Сибирской армии.

Первым днем призыва было назначено 25 августа. В каждом уезде призыв проводился уездными воинскими начальниками или начальниками местных команд при посредстве городской и уездной милиции. Для медицинского освидетельствования новобранцев создавались специальные комиссии в составе уездного воинского начальника (начальника мест-

ной команды) или его заместителя, двух врачей и по одному представителю от уездного комиссариата, городского и земского самоуправления. Новобранцы, признанные годными к воинской службе, направлялись в войска. Те же, кто признавался негодными, навсегда освобождались от службы в армии, получая соответствующие свидетельства.

В целом призыв новобранцев, закончившийся к концу сентября, прошел успешно. К 1 октября в Сибирской армии числилось 10754 офицера, 59911 солдат вооруженных, 113932 солдата невооруженных, а всего 184597 военнослужащих³⁷. Следовательно, в армию было призвано не менее 125 тыс. новобранцев. Часть молодежи призывного возраста, не пройдя медицинского освидетельствования, была распущена по домам, часть сознательно уклонилась от призыва.

В целях подготовки пополнений для действующих частей Сибирской армии каждый корпус имел в тылу запасные стрелковые бригады и артиллерийские дивизионы. Для укомплектования этих частей унтер-офицерским составом были сформированы соответствующие школы. 1 сентября все запасные части были переименованы в "кадровые", поскольку, как говорилось в приказе по армии, "с названием запасных частей и бригад связаны печальные воспоминания об их роли в разложении русской армии в 1917 году"³⁸.

3 сентября командарм отдал приказ о формировании при каждом кадровом артдивизионе одного легкого дивизиона из трех батарей, одного тяжелого дивизиона из двух батарей и одной тяжелой батареи корпусной артиллерии, вооруженной 42-х линейными и 6-ти дюймовыми гаубицами, в зависимости от наличия орудий. "Недостаток орудий, - говорилось в приказе, - не должен приостанавливать указанных формирований, к каковому предлагалось приступить теперь же, чтобы ко времени получения орудий уже иметь достаточно подготовленный и обученный командный и людской состав"³⁹.

С 4 октября кадровые бригады подлежали реформированию в кадровые дивизии, состоящие из четырех стрелковых кадровых полков и одной кадровой инженерной роты. Для каждой действующей дивизии была образована одна дивизия кадровая⁴⁰.

Для комплектования, снабжения и охраны государственного порядка еще в начале июля вся территория Сибири была разделена на корпусные районы (округа). К началу октября в район 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса входили: Томская и Алтайская губернии, исключая казачьи земли последней; 2-го Степного Сибирского армейского корпуса - Тобольская губерния, Акмолинская и Семипалатинская области, казачьи земли Алтайской губернии; 3-го Уральского армейского корпуса - освобожденные от большевиков территории Пермской губернии, Златоустов-

ский уезд Уфимской губернии, Челябинский, Троицкий и Верхне-Уральский уезды Оренбургской губернии и Кустанайский уезд Тургайской области; 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса - Енисейская и Иркутская губернии, Якутская и Забайкальская области, исключая казачьи земли последней; 5-го Приамурского армейского корпуса - Амурская, Приморская и Камчатская области, казачьи земли Забайкальской области⁴¹.

Первоначально никаких организационных форм для управления корпусными районами не создавалось, так как численность войск в них была относительно невелика. Но после призыва новобранцев такая необходимость назрела. 15 октября были учреждены должности помощников командиров корпусов, при которых имелись штабы корпусных округов⁴². В ведение помощников комкоров поступили все гарнизоны и воинские части, находившиеся на территории округов.

Система корпусных округов должна была обеспечивать бесперебойное снабжение всем необходимым действующих на фронте корпусов. Однако такая система децентрализовывала комплектование и снабжение вооруженных сил в целом. По этой причине 14 декабря корпусные районы были упразднены, а вместо них образованы военные округа, начальники которых подчинялись военному министру.

Сибирская армия не испытывала острого недостатка в командных кадрах. После призыва новобранцев к октябрю 1918 г. в среднем на 17 солдат приходился один офицер. Отметим, что в армии А.В.Колчака к началу июня 1919 г. это соотношение было 1:27⁴⁴. В рядах Сибирской армии состояло не менее пятидесяти генералов старой армии. Большинство из них находилось на нестроевых должностях. На высшие командные должности выдвинулись молодые и более энергичные офицеры.

За боевые заслуги офицеры награждались повышением в чинах вплоть до генеральских. В течение июля-сентября 1918 г. были произведены из полковников в генерал-майоры командир Степного корпуса П.П.Иванов-Ринов (2 июля), командующий армией А.Н.Гришин-Алмазов (10 июля), начальник 1-й Степной дивизии Г.А.Вержицкий (20 июля), инспектор артиллерии Уральского корпуса В.В.Зверев (5 августа), начальник штаба армии П.П.Белов (12 августа), начальник 1-й Сибирской дивизии Е.К.Вишневский и командарм 3-го Томского полка А.Г.Укке-Уговец (13 августа), начальник штаба Уральского корпуса Н.Сукин (30 августа), командир Средне-Сибирского корпуса А.Н.Пепеляев (10 сентября), главный начальник Иркутского военного округа А.В.Эллерц-Усов и начальник штаба того же округа М.П.Никитин (18 сентября), инспектор артиллерии армии П.А.Бобрик (19 сентября), дежурный штаб-офицер

Уральской местной бригады И.Смирнов (21 сентября), начальник военных сообщений А.Михайлов (22 сентября)⁴⁵.

В Сибирской армии чины и звания военнослужащих оставались в силе, однако знаков их различия в первые два месяца не устанавливалось. Принадлежность к армии обозначали бело-зеленая ленточка, располагавшаяся наискось околыша фуражки, и угол тех же цветов на левом рукаве.

Приказом по военному ведомству от 24 июля для различия званий и чинов военнослужащих был введен нарукавный знак, который полагалось носить на левом рукаве на полвершка выше локтя. Нарукавный знак изготавливался из приборного цветного сукна размером 2 - 2 1/8 вершка длиной и 1 1/4 вершка шириной. Для различия званий на знаках нашивалась белая и зеленая тесьма шириной в 1/8 вершка. Офицерские чины обозначались звездочками. В нижней части нарукавного знака ставился трафарет части с ее номером и заглавной буквой названия. Цвет сукна для нарукавного знака устанавливался в зависимости от принадлежности к тому или иному роду оружия: для стрелков и чинов судебного ведомства - малиновый, казаков - войсковой, кавалерии - синий, артиллерии и инженерных войск - черный (или бархатный) с алой выпушкой, генерального штаба - черный (или бархатный) с белой выпушкой, прочих управлений и заведений - темно-зеленый без выпушки.

Наряду с нарукавными знаками, согласно приказа по военному ведомству от 27 июля для офицеров и солдат устанавливалась суконная нашивка шириной 1/4 вершка. Нашивка располагалась на разрезе груди гимнастерочных и суконных походных рубаш от воротника до конца разреза с подгибом по его наружному краю, на шинелях - по верхнему краю обшлагов без подгиба. Для стрелков устанавливалась малиновая нашивка, а для прочих родов оружия - по цвету щитка нарукавного знака, временно - красная. Для офицерских кителей и френчей устанавливалась подобная же нашивка из бело-зеленой тесьмы, располагавшаяся на рукавах и клапанах боковых карманов. Кроме того, бело-зеленая тесьма нашивалась на рукавах офицерских шинелей⁴⁶.

Нарукавные знаки, видимо, не успели получить широкого распространения. 6 сентября генерал П.П.Иванов-Ринов приказал восстановить для офицеров, чиновников и солдат Сибирской армии наплечные погоны защитного цвета, петлицы и кокарды. Кокарды должны были обшиваться бело-зеленой лентой. С наплечными погонами ношение нарукавных знаков отменялось⁴⁷.

Наряду с Сибирской армией на востоке России существовали и другие белогвардейские формирования. В Среднем Поволжье действовала Народная армия Комуча. Отдельные воинские части и соединения находи-

лись в подчинении войсковых правительств Оренбургского и Уральского казачьих войск.

Военное и политическое объединение антибольшевистских правительств произошло в результате образования Директории. Верховным главнокомандующим войск Директории стал генерал В.Г.Болдырев.

Объединив под своим командованием вооруженные силы востока России, Болдырев приступил к их реорганизации в единую Российскую армию. К этому времени Народная армия Комуча была разгромлена Красной армией, и Сибирская армия осталась единственным крупным военным объединением на востоке России. Именно на базе Сибирской армии было осуществлено формирование Российской армии, во главе которой 18 ноября встал адмирал А.В.Колчак.

Примечания

1. РГВА, ф.40308, оп.1, д.72, л.1; **Вегман В.** Сибирские контрреволюционные организации 1918 г. //Сибирские огни, 1928. - N 1. - С. 135, 136, 141; **Белусов Г.М.** Эсеровское вооруженное подполье в Сибири (1918) //Сибирский исторический сборник. - Иркутск, 1974. - вып. 2. - С. 136.
2. РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 58, л. 229.
3. Там же, с. 230-231.
4. ГАНО, фп. 5, оп. 2, д.1480, л.4; РГВА, ф. 39617, оп. 1, д.58, л. 236.
5. РГВА, ф. 40308, оп. 1, д. 72, л. 1.
6. //Сибирская жизнь. 1918. - 1, 2 и 4 июня.
7. **Филимонов Б.Б.** На путях к Уралу. Поход степных полков. Лето 1918 года. - Шанхай, 1934. - С. 19, 20, 23, 40, 41.
8. РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 58, л. 249, 291; д. 256, л. 1.
9. **Ларьков Н.С.** Рождение Сибирской белой армии //Тезисы докладов второй республиканской научной конференции "История Советской России: новые идеи, суждения." Ч. 1. - Тюмень, 1993. - С. 35.
10. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. - Пекин, 1921. - Т. 1. - С. 89.
11. //Народная газета. 1918. - 11 июля.
12. РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 256, л. 16.
13. РГВА, ф. 39597, оп. 1, д. 13, лл. 99-101.
14. **Филимонов Б.Б.** Ук. соч. - С. 30.
15. **Гинс Г.К.** Ук. соч. - С.189.
16. Цит. по **Иоффе Г.З.** Колчаковская авантюра и ее крах. - М., 1983. - С. 70, 71.
17. **Гинс Г.К.** Ук. соч. - С. 197.
18. РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 256, л. 32.
19. РГВА, ф. 39509, оп. 1, д. 1, л. 4.

20. //Народная Свобода. - 1918. - 19 сентября.

21. **Филимонов Б.Б.** Белоповстанцы. Хабаровский поход зимы 1921-22 годов. Кн. 1. - Шанхай, 1932. - л. 58.

22. РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 256, лл. 1об, 5, 5об, 14.

23. Там же, д. 133, л. 172.

24. Там же, д. 256, лл. 24, 24об, 29об, 39.

25. Там же, д. 168, л. 4.

26. Там же, д. 256, лл. 14, 14об.

27. Там же, д. 133, лл. 37, 39, 41.

28. Там же, д. 256, л. 14об.

29. //Сибирский вестник. - 1918. - 3 сентября; РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 168, л. 4.

30. **Филимонов Б.Б.** На путях к Уралу ..., с. 119; //Свободный край (Иркутск). - 1918. - 8 августа.

31. РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 256, лл. 35, 35об.

32. ГАНО, фп. 5, оп. 2, д. 1480, л. 5.

33. РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 161, л. 4.

34. //Акмолинские областные ведомости. - 1918. - 31 августа.

35. РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 164, л. 48; ф. 40308, оп. 1, д. 69, л. 2.

36. РГВА, ф. 40308, оп. 1, д. 69, л. 3.

37. Там же, д. 72, л. 1.

38. //Сибирский вестник. - 1918. - 6 сентября.

39. РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 256, л. 40об.

40. РГВА, ф. 39509, оп. 1, д. 1, лл. 21, 21об.

41. РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 256, лл. 40, 40об, 42.

42. Там же, л. 46.

43. Там же, лл. 87, 87об.

44. РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 64, лл. 12, 12об.

45. //Сибирский вестник. - 1918. - 4, 6, 7, 18 сентября, 5, 29 октября.

46. РГВА, ф. 39515, оп. 1, д. 1, лл. 89, 90.

47. Там же, л. 190.

§ 5. Привлечение колчаковской армии к наведению порядка в тылу: опыт и уроки

Антиколчаковские выступления отличались широким размахом. Только за период с 1 января по 15 июня 1919 г., по данным контрразведки, было зарегистрировано 85 вооруженных выступлений, наибольшее число

(14) - в Енисейской губернии. Как выразился генерал А.И.Деникин, по Сибири пронеслась волна крестьянских восстаний¹.

Подобный масштаб выступлений, вовлечение в них, по некоторым данным, до 150 тысяч повстанцев, огромные сибирские просторы, отсутствие надежных коммуникаций - все это резко снижало эффективность действий правоохранительных органов, обусловило привлечение к карательным операциям армейских частей. Для этой цели на территории только Омского военного округа власти держали около 4,4 тысяч солдат и офицеров. Действия пехоты и кавалерии поддерживали суда речной флотилии капитана Фомина².

Для подавления восстания Мамонтова на Алтае осенью 1919 г. было привлечено около 18 тысяч пштыков и сабель, 18 орудий и 100 пулеметов. На Алтай были переброшены 43-й Омский и 46-й Томский стрелковые полки, казачий полк "Голубых улан" и полк "Черных гусар". Руководил действиями генерал Евтин³.

Более 15 тысяч солдат и офицеров во главе с генералом Поповым действовали летом 1919 г. против партизанской армии Щетинкина и Кравченко⁴. В низовьях Ангары действовал карательный отряд, составленный из солдат и офицеров 14-й сибирской стрелковой дивизии⁵.

Необходимо отметить, что для карательных действий привлекались не просто регулярные армейские части, а наиболее подготовленные из них. Так весной и летом 1919 г. на Тасеевском партизанском фронте в Енисейской губернии действовали не только 1-й и 2-й Ставропольские полки, снятые с фронта, но и 1-й Оренбургский казачий полк. К боям против партизан была привлечена, - по мнению командарма 5-й Красной Армии Г.Х.Эйхе, самая надежная и боеспособная воинская часть армии А.В.Колчака - егерская бригада полковника Красильникова. Более того, по приказу начальника штаба Иркутского военного округа здесь формировались две дивизии специально для борьбы с партизанами⁶.

Для упорядочения участия военных в карательных акциях Омским правительством было принято несколько нормативных документов. Так командующим военными округами было предоставлено право объявлять ту или иную местность на военном положении. На основании этого разрешения был введен подобный правовой режим не только в прифронтовых районах, но и в зонах повстанческих движений. Постановлением Совета Министров от 1 февраля 1919 г., утвержденным Верховным правителем адмиралом А.В.Колчаком, командующим армиями в Сибири и на Дальнем Востоке было предоставлено право карать виновных вылооть до смертной казни "для обеспечения общей безопасности"⁷.

Сохранились документы, которые дают представление о личной позиции Верховного правителя А.В.Колчака в отношении полномочий воен-

ных. В одном из своих приказов генералу С.Н.Розанову адмирал требовал покончить с енисейским восстанием, не останавливаясь "перед самыми строгими, даже жестокими мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживающего их"⁸.

На наш взгляд, буква и дух приказа делали этот документ своего рода карт-бланшем для военных и в определенной степени развязывали им руки в действиях по подавлению антиправительственных выступлений. Правительственные постановления и приказы адмирала дополнялись и конкретизировались приказами самих военачальников. В приказе N 564 от 30 сентября 1919 г. генерал А.Ф.Матковский распорядился устраивать подробные обыски в каждой деревне в районе восстания, всех захваченных с оружием в руках - расстреливать на месте. Арестовывать по показанию местных жителей, всех агитаторов, членов совдепов, помогавших восстанию. Ненадежный и порочный элемент высылать в Березовский и Нерчинский края. Местных властей, - приказывал генерал, - не оказавших должного сопротивления бандитам, исполнявших их распоряжения и не принявших всех мер к ликвидации красных своими средствами - предавать военно-полевому суду с наказанием до смертной казни.

Активно применял систему заложничества генерал С.Н.Розанов. В своем приказе от 4 апреля 1919 г. он требовал брать среди населения заложников, и в случае действия в этом районе партизан расстреливать заложников беспощадно. В этом же приказе генерал указывал на необходимость применения и децимации. "При занятии селений, захваченных ранее красными, требовать выдачи их главарей и вожаков, если этого не произойдет - расстреливать десятого". В указанных приказах наблюдалось единодушие по отношению к имуществу повстанцев или мирного населения, их поддержавшего. Требование было одно - все сжигать⁹.

Как правило, исполнение таких приказов командиры строго контролировали. Например, командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Р.Гайда, распорядившись 13 марта 1919 г. "подавить самыми жестокими мерами в Тюмени взбунтовавшихся мобилизованных, приказал об исполнении и числе расстрелянных немедленно донести"¹⁰.

Здесь, на наш взгляд, будет вполне уместно дать характеристику двум генералам, более других предпочитавшим самые крайние меры. "П.П.Иванов-Ринов был и остался, - писал А.П.Будберг, - braveм полицейским, сделавшим административную карьеру на жестокости усмирения Пешекского восстания; в военном деле безграмотен и, как казак, тяготеет к атаманам"¹¹. Чрезвычайную личную жестокость отметил в генерале С.Н.Розанове управляющий МИД И.Сукин.

Примечательно, что оба мемуариста из белогвардейского стана, и их сложно обвинить в пристрастности. Тем более, что их воспоминания были

написаны либо в "колчакии", либо за границей. Местные военные власти активно участвовали в обеспечении порядка на подведомственных территориях. Приказом начальника гарнизона Барнаула от 5 июля 1918 г. были запрещены все митинги, собрания и сборища, численностью более пяти человек. В противном случае, собравшиеся рассеивались при помощи вооруженной силы. Начальник гарнизона Новониколаевска 12 ноября 1918 г. запретил не только митинги, уличные выступления, манифестации, но и предусмотрел расстрел за противоправительственную агитацию и военно-полевой суд за расклею листовок. Начальник гарнизона обратился к жителям города с предложением сообщать ему о всех случаях антиколчаковских выступлений. Во Владивостоке по распоряжению местных военных властей было арестовано 14 профсоюзных активистов¹².

Для обеспечения безопасности командующий Южной группой войск Сибирской армии генерал-лейтенант Вержбицкий 16 июля 1919 г. приказал всем жителям Шадринска в трехдневный срок сдать оружие. За невыполнение данного требования виновному грозило поремное заключение сроком на 3 месяца или штраф в размере 3 тысяч рублей. В этом же городе военные власти запретили распространение всяких воззваний, сеющих в умах тревогу, а также появление на улице в пьяном виде¹³.

Представляется уместным отметить, что некоторые генералы понимали противозаконность того, что они делали, и желали каким-либо образом оправдаться не только перед современниками. Например, генерал-майор А. Н. Гришин-Алмазов в одном из своих приказов писал: "Каждый военный начальник должен помнить, что на театре войны все средства, ведущие к цели, одинаково хороши и законны и что победителей вообще не судят ни любящие родную землю, ни современники, ни благоразумные потомки"¹⁴.

Местные власти пытались привлечь военных не только для решения вопросов политической безопасности или борьбы с антиобщественными проявлениями. К помощи солдат гражданские власти прибегали при решении трудовых конфликтов. Когда в июне 1919 г. в Черемхово забастовали около 10 тысяч шахтеров, то начальник местного гарнизона полковник Богатнау и начальник чешского гарнизона старший капитан Бенда объявили город на военном положении. Комендантский час был введен 16 января 1919 г. на станции Тайга, когда возникла угроза забастовки. Против забастовщиков применялись и другие меры. Так по приказу генерала Алексеева все прекратившие работу железнодорожники в возрасте от 18 до 35 лет были мобилизованы в колчаковскую армию, а уклонившиеся были преданы военно-полевому суду¹⁵.

При подробном рассмотрении таких распоряжений и приказов обращает на себя внимание неконкретность формулировок, отсутствие исчерпывающих признаков того или иного деяния. Так нормативные документы не объясняли, какие преступления попадали под высшую меру наказания - смертную казнь. Из их текста невозможно было понять, кто имеется ввиду под "порочным и ненадежным элементом" или какая информация может быть квалифицирована как "сеющая в умах тревогу". Весьма сомнительным правовым действием был, на наш взгляд, арест по показанию местных жителей, лиц, подозреваемых в антиправительственной агитации и действиях. Имелись частые случаи, когда под этим предлогом односельчане сводили счеты или преследовали корыстные цели.

Подобная юридическая непроработка документов делала возможным их вольное толкование. Так, пользуясь своим правом, командующий Омским военным округом генерал-майор А. Ф. Матковский уже 21 сентября 1919 г. объявил Кузнецкий и Мариинский уезды Томской губернии районами боевых действий, хотя Красная Армия подошла к этой территории лишь через три месяца¹⁶. Вольное толкование распоряжений было характерно для многих военнотружущих и отмечалось повсеместно. Так летом 1918 г. на станции Джелантуй офицеры дали сто плетей старшему помощнику начальника станции за то, что он не торопился, по их мнению, отправить их состав. Во время экзекуции они заставляли его петь "Боже, царя храни!" В июне 1918 г. пьяный офицер в Новониколаевске застрелил рабочего Акуликина. В сентябре того же года на вокзале в Барнауле один из пассажиров говорил с сочувствием о большевиках. Присутствовавший при этом офицер задержал его и вывел в город, при этом задержанный пытался скрыться и убежал в зал ожидания I класса. Преследовавший офицер добил его там двумя выстрелами¹⁷.

Один из очевидцев армейского произвола - полковник В. Самборский писал "... крестьяне непрерывно жаловались на офицеров, которые незаконно реквизируют, т.е. вернее, грабят, у них подвод, зерно, сено и прочее. Защиты у деревни не было никакой. Достаточно было армии пробыть 2-3 недели в занятой местности, - свидетельствовал полковник, - как население проклинали всех... В сущности никакого гражданского управления в занятых областях не было... Людей расстреливали и расстреливали"¹⁸.

Произвол в действиях военных простирался даже на представителей союзных армий. Во Владивостоке полковник Шарапов убил американского солдата. Это стало предметом судебного разбирательства. В своем выступлении защитник Дукельский говорил о заносчивости убитого и том глубоком оскорблении, нанесенном им российскому офицеру, которое тот не смог снести молча. Весьма показательным была речь прокурора.

Он заявил о том, что по букве закона Шарапов должен быть осужден на смертную казнь, но может быть и помилован. Шарапов, по мнению обвинителя, знал, что американский солдат подстрекает, но не знал, что тот пьян. После недолгого совещания суд вынес Шарапову оправдательный приговор, который был встречен рукоплесканием публики, наполнившей зал¹⁹.

Подобная безнаказанность зачастую толкала военных и на беззакония в отношении даже должностных лиц. Так на Урале прапорщик Арбузов избил плетью по лицу председателя одной из земских управ. В сентябре 1918 г. прапорщик Декторин избил плетью председателя Плотниковской волостной земской управы Я.З.Комова. Причем сам офицер заткнул своей жертве шапкой рот. Поводом для избиения было то, что председатель временно отсутствовал в управе, когда туда зашел офицер. Побой были настолько сильными, что Я.З.Комов пробыл в больнице 18 дней.

Подобными действиями в отношении председателя Курганской уездной земской управы К.П.Антонова отличился 13 августа 1918 г. полковник Савельев. Он называл Антонова "мерзавцем", "подлецом" грозился разогнать всю управу²⁰.

О недопустимо произвольном отношении военных к местному самоуправлению красноречиво свидетельствует и такой факт. Несколько дней председатель Рождественской волостной земской управы Федоров находился в бегах, т.к. полковник Жилинский обещал его повесить за сообщение помощнику начальника уезда Словцову о сожжении офицером хлебозапасного магазина в деревне Хандалы. Очевидно, что угроза была не только серьезной, но и реальной²¹.

Даже увещевания высокопоставленных должностных лиц не могли образумить военных. Управляющий делами Совета Министров Г.К.Гинс описал в своих мемуарах разговор с неким офицером. Член правительства говорил ему о расправившемся мордобое, а тот заявил, что "приказ-приказом, Колчак - Колчаком, а морда - мордой"²². И дело тут даже не в выборе выражений, а в демонстрации убеждений, которые имели немало сторонников.

Было бы неверно думать, что произвол, чинимый военными был делом одиночек. Находясь в составе части и под командованием офицера, солдаты зачастую вели себя также безобразно.

В последних числах августа 1918 г. на пароходе "Киргиз" вниз по реке из Томска был направлен карательный отряд из военных. Как сообщил в Томское губернское управление государственной охраны один из попутчиков, каратели вели себя крайне грубо, ругались, придирались к пассажирам. Ночью у деревни Кожевниково по пароходу был произведен выстрел. В ответ каратели открыли пулеметный огонь, выпустив, по

мнению очевидца, около 300-400 патронов по деревенским избам. Офицер предполагает, что были жертвы этого обстрела.

Возмутивший общественность случай имел место у села Шевели Щегловского уезда Томской губернии. Как вспоминает П.Ф.Федорец, в воскресный день мая 1919 г. вверх по Томи двигался на пароходе военный отряд карателей. Около села они захватили и изнасиловали трех девушек. Двух парней, которые попытались за них вступить, солдаты расстреляли. Чуть позже истерзанный труп пятнадцатилетней девочки был сброшен карателями на берег. Когда сельский староста пришел к судну разбираться в случившемся, то каратели велели ему к их возвращению собрать на берегу 30 девушек и молодых женщин²³.

О том, что подобные действия военных карательных отрядов не только против повстанцев, но и против случайных и мирных жителей не были редкостью, свидетельствует доклад управляющего Акмолинской областью в МВД. В этом документе от 30 июля 1919 г. сообщается о том, что "... начальники воинских частей, призванных гражданской властью для оказания помощи водворению порядка и подавления восстания, почти всегда не понимают своих прав и обязанностей, т.е., приступая к выполнению своей задачи, - поясняет автор доклада, - начальники военных отрядов совершенно не считаются с гражданскими властями и забывают закономерность и чувство справедливости; так, из имеющихся в моем распоряжении, - продолжает управляющий областью, - рапортов с мест начальников милиции и из личных наблюдений моих и моего помощника во время объезда области бывали примеры, когда военные отряды, придя в какое-нибудь село и не встретя сопротивления, все же чуть не поголовно пороли всех проживающих, производили всякого рода незаконные реквизиции и даже конфискации, угоняли скот, а иногда брали деньги"²⁴.

О масштабах человеческих жертв и материальном ущербе, который наносили военные карательные отряды свидетельствуют следующие данные. Только в Енисейской губернии по приказам генерала С.Н.Розанова было расстреляно около 10 тысяч человек, разграблено и сожжено 12 тысяч крестьянских хозяйств²⁵.

Однако в силу ряда причин омские власти не стремились обуздать действия силовых ведомств. Учитывая тяжелое положение с кадрами в правоохранительных органах, Верховный правитель России адмирал А.В.Колчак, объявляя мобилизацию в армию, не раз освобождал от отправки на фронт различные категории служащих милиции, юридического и тюремного ведомств, прокуратуры и суда²⁶. Подобное решение было принято А.В.Колчаком и 2 сентября 1919 г., когда положение на фронте было весьма серьезным. Этим Верховный правитель подчеркнул значимость действий "силовых" ведомств против партизан и подпольщиков,

уголовной преступности. Более того, существовала практика совместных действий милиции с воинскими частями. Бегишевская волостная земская управа просила комиссара Тобольского уезда прислать 8 декабря 1918 г. дополнительные воинские отряды. Милиция, - объяснял чиновник, - совершенно бессильна в сборе податей и в контроле выполнения повинностей. Настоятельно просил прислать отряд из 200 человек с пулеметами и гранатами в апреле 1919 г. начальник 10-го отделения милиции Томского уезда. В противном случае, писал он, восстание захватит несколько волостей²⁷.

Однако совместные действия воинских отрядов и милиции не только не сбили волну антиправительственных выступлений, но и породили новые проблемы.

Речь идет о том, что партнерство было неравным, и военные далеко не всегда действовали в рамках законности даже по отношению к чинам милиции. Так, штаб-ротмистр Замятин вмешался в распоряжение начальника милиции 4-го участка Щегловского района и освободил участников Кольчугинского восстания²⁸.

Отмечались случаи, когда военные препятствовали выполнению чинами милиции своих служебных обязанностей. В Семишалантинске казаками атамана Анненкова без ведома управляющего Алтайской губернией были арестованы три начальника милиции. В августе 1918 г. военный отряд в Кольчугино Томской губернии запер в доме нескольких милиционеров²⁹. В своей повседневной службе некоторые офицеры проявляли не только незнание законов, но и желание их не выполнять.

8 августа 1918 г. Тобольский губернский комиссар обратился к полковнику Ефимову - уполномоченному по охране государственного порядка и общественного спокойствия в губернии. Предметом переписки было распоряжение начальника гарнизона города Ишима на имя начальника местной тюрьмы о запрете освобождения заключенных без его ведома. Это, по мнению губернского комиссара, поставило начальника тюрьмы и следственную комиссию в "недопустимое положение" и делало работу комиссии ненужной. Губернский комиссар расценил действия начальника гарнизона незаконными и попросил устранить допущенные нарушения, а начальника гарнизона полковника Молчанова предать суду³⁰.

Нежелание соблюдать элементарные юридические нормы продемонстрировал в своем рапорте в Министерство юстиции 9 сентября 1918 г. начальник гарнизона города Томска полковник Бабилов. Он сообщал о том, что истекает трехмесячный срок пребывания в тюрьмах города лиц, которым не может быть предъявлено уголовное обвинение. Но политическая физиономия этих лиц, как пишет полковник, была ему ясна. Офи-

цер считает освобождение недопустимым и просит министерство дать ему разъяснение³¹.

Не всегда считались военные не только с юридическими нормами, но и просто со здравым смыслом. Об этом свидетельствует письмо начальника гарнизона Судженских копей прапорщика Шевелина в Томск от 3 декабря 1918 г. В письме офицер сообщает о том, что штабс-капитан Орлов, убывая с карательным отрядом из района копей, требует вернуть 18 трехлинейных винтовок и 1000 патронов, которые он ранее выдал местной милиции. Начальник гарнизона беспокоился, что милиция копей в таком случае может остаться безоружной перед партизанами³².

Такое поведение военных и подобное ему вызывало у общественности, как ни странно, неоднозначную реакцию.

Один из авторов газеты "Барабинская степь" даже пытался совестить повстанцев: "Если бы вы жили спокойно, не слушались большевиков, то победа была бы за нами... Ведь на вас брошено три батальона отборных солдат-егерей и лучшие батальоны легионеров, а эти войска нужны там, на фронте"³³.

Остается удивляться логике автора, который ставит интересы победы Колчака на фронте выше тех конкретных местных проблем, которые пытались решить своими силами крестьяне. Некоторые журналисты шли еще дальше. "Маг и чародей современной государственности", - как называли тогда редактора газеты "Сибирская речь" конституционного демократа В.А.Жардецкого, - считал, что на места губернских и уездных начальников следует назначать только "военную интеллигенцию"³⁴. В прессе активно обсуждался вопрос о соподчиненности гражданских и военных властей. В частности, предлагалось подчинить командующего Сибирской армией начальнику военно-административного управления. Ему же должны были быть подчинены гражданские губернаторы, начальники уездов, городские головы. Данное предложение получило одобрение в газете "Отечественные ведомости" и поддержку с оговорками в газете "Наш Урал"³⁵.

Наконец, было немало заклинаний общего плана о необходимости согласия между военными и гражданскими властями. Об этом говорил в беседе с корреспондентами в апреле 1919 г. министр внутренних дел А.Н.Гаттенбергер³⁶.

Однако иная точка зрения имела больше сторонников. Ее выражали управляющий делами Совета министров Гинс, управляющий министерством иностранных дел Сукин. Они считали, что сибирская власть означает чисто военную диктатуру, а гражданские власти были в полной зависимости от военщины. Некоторые вполне обоснованно полагали, что

А. В. Колчак из-за ненависти к "керенщине" допустил излишнюю "военщину"³⁷.

Весьма авторитетно и доказательно высказался по этому поводу управляющий Уральским краем С. С. Постников. В своей записке в Совет Министров он писал: "Военные власти до самых младших распоряжаются в гражданских делах, минуя гражданскую непосредственную власть. Расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных "при побеге", аресты по доносам, передача гражданских дел военным властям, преследования по кляузам и доносам... мне неизвестно, - заявлял С. С. Постников, - еще ни одного случая, привлечения к ответственности военного, виновного в перечисленном"³⁸. Управляющий краем, по мнению автора записки, мог быть только свидетелем происходившего. Такое положение стало одной из причин отставки С. С. Постникова в апреле 1919 г. с поста управляющего Уральским краем. В итоге многие должностные лица и органы управления склонялись к тому, чтобы военные подчинялись гражданским властям. Совецание управляющих уездами Алтайского края мотивировало это тем, что военные отряды подрывают основы правопорядка, ибо "сами много решают тут же и без закона".

На подобном совещании в Томске его участники предложили министру внутренних дел иметь некий особый запас милиционеров, чтобы впредь не прибегать к содействию военных частей³⁹. Незаконные действия таких отрядов роняли, по мнению IV чрезвычайной сессии Тобольского уездного земского собрания, престиж власти. Собрание постановило самым решительным образом протестовать против подобных действий и решило донести свое мнение до омских властей⁴⁰. Подобные настроения разделял и сам министр. В частности, 31 декабря 1919 г. он направил циркулярное письмо управляющим губерниями и областями, а также военному ведомству. В нем Гаттенбергер призывал к осмотрительности при пользовании военным положением, ибо нарушитель теряет престиж власти, и это, по мнению министра, выгодно врагам порядка. Следует, продолжал Гаттенбергер, сначала исчерпать все предупредительные меры и только потом применять силу, не впадая в ошибки.

Министр требовал руководствоваться законами, хотя они и кажутся снисходительными или слишком суровыми. В каждом противоправном случае, указывал он, гражданские и военные власти должны вместе предпринять все необходимые меры. Наконец, по мнению Гаттенбергера, военачальники не должны были вмешиваться в дела гражданской власти⁴¹.

Это циркулярное письмо не было случайным. Как считал управляющий делами Совета Министров Г. К. Гинс, министр внутренних дел Гаттенбергер видел, что влияние военных кругов на политику и всю жизнь в

"колчакии" сказывалось все больше. Он боролся против этого все возрастающего влияния. Но, однако, "сам терял престиж, - как считал Г. К. Гинс, - ввиду неважных своих отношений как с военным министром, так и со ставкою и самим адмиралом". Из-за отношений с военным министром генералом Степановым, как считает Г. К. Гинс, Гаттенбергер и ушел⁴². Пост министра внутренних дел занял В. Н. Пепеляев, который был не только братом генерала А. Н. Пепеляева, но и сам, как полагали тогда многие, был ставленником военных кругов.

С уходом в отставку Гаттенбергера ослабли позиции председателя Совета Министров П. В. Вологодского, который тоже высказывался за сосредоточение всей полноты власти у гражданского правления. Он справедливо отмечал, что страна стала управляться эксцессами, которые не могут быть терпимыми, так как они деморализуют население и подрывают доверие к правительству⁴³.

Есть данные о том, что премьер-министр не скрывал свою позицию от Верховного правителя. В одном из своих последних разговоров по прямому проводу с адмиралом П. В. Вологодский заявил: "Все слои населения до самых умеренных возмущены произволом, царящим во всех областях жизни, и бессилием правительства положить конец своеволию отдельных военных начальников". Премьер-министр прямо заявил диктатору о бессилии управления в "колчакии"⁴⁴.

Следует отметить, что сами военные власти пытались направить действия офицеров и нижних чинов в русло законности и правопорядка. С этой целью в сентябре 1919 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенант М. К. Дитерихс приказал: "...строго следить за действиями своих подчиненных, и в случае проявления с их стороны ничем неоправданных бесчинств или других противозаконных деяний - немедленно таковые пресекать решительными мерами, не стесняясь в выборе средств"⁴⁵.

Обращает на себя внимание фраза о "неоправданных бесчинствах", как будто бесчинства могут быть чем-либо оправданы. Безусловно, не способствовало действительному укреплению законности и распоряжение "не стесняться в выборе средств". Нам удалось обнаружить несколько примеров, когда офицеры были наказаны за бесчинства. Приказом командующего Омским военным округом были разжалованы в рядовые прапорщик 20-го Акмолинского полка Уваров и зауряд прапорщик Дмитриев. За расстрел трех крестьян был наказан поручик Нелюбин⁴⁶. Но это было несоизмеримо с размахом террора.

Что же касается самого Верховного правителя и его позиции, то, как рассказывал американскому генералу В. Грэвзу управляющий Министерством иностранных дел Сукин, Колчак обещал уничтожить царство воен-

ного террора. Это свидетельствовало о том, что он не только знал об ужасных жестокостях, совершаемых его военщиной, но обещая прекратить их в дальнейшем, по-видимому, как считал В. Грэвз, мог не допускать их, в то время, когда обладал всей полнотой власти. Тем не менее, у американского генерала, как явствует из его воспоминаний, не было ни одного доказательства того, что Колчак прилагал какие-либо усилия для изменения ужасной обстановки⁴⁷.

Это, на наш взгляд, в определенной мере - свидетельство о том влиянии, которое оказывала на адмирала А. В. Колчака "военная партия". Кроме этого, как мы могли уже убедиться, участие военных в "усмирении" жителей Сибири и Дальнего Востока требовали и сами обстоятельства.

Активное участие военных во внутренних делах "колчакии" имело негативные последствия для самого режима. Их можно, на наш взгляд, свести к следующему. В те годы резко возросла милитаризация административного управления режима Колчака⁴⁸. Это, в свою очередь, вело к таким жестокостям и произволу, что, по оценке английского историка В. Х. Чамберлина, вынудило отвернуться от него большинство населения, относившегося вначале к новому режиму с безразличием, если даже не с симпатией. Такого же мнения придерживается и Р. Кенез, который даже считает, что армия не приложила усилий завоевать поддержку русского народа и крестьянства⁴⁹. Нежелание значительной массы мобилизованных взять в руки оружие это подтверждает.

Крайне отрицательно сказалось и на самой армии вовлечение ее во внутренние дела "колчакии". Во-первых, карательные акции, поимка дезертиров, охрана тыла отвлекала слишком много солдат и офицеров, которые могли пополнить воюющую армию. Управляющий Иркутской губернией П. Д. Яковлев в конце мая 1919 г. прямо сообщал Верховному правителю, что, на его взгляд, задача отвлечения максимального количества сил Сибирской армии с внешнего фронта на многочисленные внутренние фронты вполне удастся⁵⁰. Во-вторых, любопытный вывод по этому вопросу делает барнаульский историк С. Г. Лившиц. Он считает, что армия адмирала А. В. Колчака была разбита Красной Армией потому, что возглавляли ее выдвиженцы - хорошие мастера заплочных дел, но плохие стратеги⁵¹. Здесь можно и подискутировать, вспомнить серьезный успех генерала А. Н. Пепеляева под Пермью. Однако факт остается фактом. На внешнем и внутреннем фронтах колчаковская армия потерпела поражение, а затем и стремление самих военных навести порядок в тылу - все это не увенчалось успехом. Однако, как отмечает английский исследователь Р. Лакетт: "Именно на личность генералов и их манеру руководства мы должны смотреть, если хотим понять войну"⁵².

На наш взгляд, справедлив вывод томского историка Н. С. Ларькова о том, что слабость власти ведет к усилению военщины⁵³. Этот урок гражданской войны следует помнить и учесть современным политикам.

Приложения

1. ГАРФ, ф. 147, оп. 8, д. 28, лл. 88-89; Деникин А. И. Очерки русской смуты. - Берлин, 1921. - С. 217.

2. Катков Н. Ф. Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918-1920 гг. - Л., 1977. - С. 81; Рошевский П. И. Гражданская война в Зауралье. - Свердловск, 1966. - С. 267.

3. Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. - М., 1987. - С. 426; Омбыш-Кузнецов С. О. Повесть о партизане Громе. - Новосибирск, 1990. - С. 160; Карначев М. Т. По местам партизанских боев. - Барнаул, 1971. - С. 19.

4. Петров И. Ф. Обелiski славы. - Иркутск, 1984. - С. 139.

5. ГАРФ, ф. 253, оп. 1, д. 168, л. 19.

6. Дворянов Н. В., Дворянов В. Н. В тылу Колчака. - М., 1966. - С. 115; Яковенко В. Г. Записки партизана. - Красноярск, 1968. - С. 47; Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. - М., 1966. - С. 290-291; ГАРФ, ф. 3908, оп. 1, д. 59, л. 14.

7. Дроков С. В. А. В. Колчак // Вопросы истории. - 1991. - N 1. - С. 60; РГА ДВ, ф. 725, оп. 1, д. 2, л. 6; там же, ф. 1005, оп. 1, д. 77, л. 153.

8. ГАРФ, ф. 253, оп. 1, д. 76, л. 37.

9. // Родина. - 1990. - N 10. - С. 61; // Сибирская правда. - 1920. - 1 февр.

10. ГАТО, ф. р. 1362, оп. 1, д. 372, л. 1.

11. Будберг А. Дневник белогвардейца // Дневник белогвардейца. - Новосибирск, 1990. - С. 232; цит. по кн.: Спиринов Л. М. Разгром армии Колчака. - М., 1957. - С. 38.

12. Борьба за власть Советов на Алтае. - Барнаул, 1957. - С. 212; // Народная Сибирь (Новониколаевск). - 1918. - 12 дек.

13. // Русский гражданин. - 1919. - 18 авг.; // Народная газета (Шадринск). - 1918. - 11 дек.

14. РГВА, ф. 40205, оп. 1, д. 2, л. 32.

15. ГАРФ, ф. 253, оп. 1, д. 146 г, л. 23; ГАНО, фп. 5, оп. 2, д. 1320, л. 4; см. Шурыгин А. П. Борьба против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции на Дальнем Востоке в 1919 г. // Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г. - М., 1960. - С. 441-442.

16. Цит. по: Кадейкин В. А. Партизанское движение в Кузбассе // Из истории Кузбасса. - Кемерово, 1964. - С. 200.

17. Соколов А. Колчаковщина //Колчаковщина. - Екатеринбург, 1924. - С.17; Журавлев М.Н., Юдахин Г.Н. Большевики Новониколаевска в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (май 1918 - декабрь 1919 гг.). - Новосибирск, 1963. - С.14; ГААК, ф.п. 5876, оп.1, д.152, л.1.

18. //Родина. - 1989. - N 10. - с.72.

19. //Правительственный вестник. 1919. - 16 окт.

20. //Уральская жизнь (Екатеринбург). - 1919. - 22 янв.; ГААК, ф.п.1061, оп.1, д.3, лл.38-38 об; ТФ ГАТюО, ф.722, оп.1, д.136, лл.19-119.

21. ГАРФ, ф.1700, оп.7, д.51, лл.44-45.

22. Колчаковщина. Из белых мемуаров. Под ред. Н.А.Корнатовского. - М., 1930. - С.74.

23. ГАТО, ф.р.810, оп.1, д.2, лл.276-276 об; ГАКО, ф.п.483, оп.1, д.10, л.6.

24. ГАРФ, ф.147, оп.12, д.3, лл.62-63.

25. //Красное знамя (Владивосток). 1921. - 24 февр; Губельман М.И. Лазо. - М., 1956. - С.129.

26. //Правительственный вестник. 1919. - 13 февр., 14 сент.

27. ТФ ГАТюО, ф.315, оп.1, д.80, л.50; ГАНО, ф.п.5, оп.2, д.1520, л.44.

28. ГАТО, ф.р.1362, оп.1, д.637, л.10.

29. ГААК, ф.235, оп.1, д.50, л.4; ГАТО, ф.р.1362, оп.1, д.122, л.16.

30. ТФ ГАТюО, ф.722, оп.1, д.136, л.83.

31. ГАТО, ф.11, оп.4, д.24, л.18.

32. Там же, ф.р.1362, оп.1, д.249, л.54.

33. Цит. по кн.: Борьба за Советы в Омском Прииртышье (июнь 1918 - ноябрь 1919 гг.). - Омск, 1989. - С.39.

34. //Голос Сибири. 1918. - 21 дек.

35. //Курганская свободная мысль. 1919. - 9 мая.

36. //Уральская жизнь. 1919. - 26 апр.

37. Цит. по кн.: Найда С.Ф. О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. - М., 1958. - С.161; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. - Харбин-Пекин, 1921. - С.4.

38. Кроль Л.А. За три года. Воспоминания, впечатления и встречи. - Владивосток, 1921. - С.169; Гинс Г.К. Указ соч. - Т.2. - С.149.

39. ГААК, ф.п.1061, оп.1, д.14, л.33; ЦДНИТО, ф.4204, оп.2, д.4, л.20.

40. //Тобольское народное слово. 1919. - 6 апр.

41. ГАТюО, ф.943, оп.1, д.4, лл.29, 56-61.

42. Гинс Г.К. Указ соч. - Т.2. - С.59-60.

43. //Курганская свободная мысль. 1918. - 17 дек.

44. Цит. по ст.: Свиринов В. Слава и позор адмирала //Груд. - 1990. - 7 июня.

45. РГА ДВ, ф.4382, оп.1, д.1, л.7.

46. Отечественные ведомости (Екатеринбург). - 1919. - 11 марта; //Алтайская мысль (Барнаул). - 1919. - 25 сент.

47. Грэвз В. Колчак, Америка и Япония (интервенция Америки в Сибири). - М., 1932. - С.204.

48. //Правительственный вестник. - 1919. - 11 дек.

49. Chamberlin W.H. The Russian Revolution. 1917 - 1921. - L., 1935. - V.2. - P.194; Kenez P. Civil War in South Russia, 1918. - The First Year of The Volunteer Army. - Los Angeles. - L., 1971. - P.280.

50. Рабичев В. Миф и правда о Колчаке //Ветеран. - 1993. - N 21. - С.11; ГАРФ, ф.147, оп.10, д.49, л.68.

51. Лившиц С.Г. Колчаковский переворот //Алтайская правда (Барнаул). - 1988. - 17 нояб.

52. Lockett R. The White Yenerals: An Account of the White Movement and the Russian Civil War. - L. - N, V, 1971. - P.XVII.

53. Ларьков Н.С. Сибирская военщина в гражданской войне //История общественных движений и политических партий России. Материалы респ. научн. конф. - Томск, 1983. - С.83.

§ 6. Из истории Сибирского земства (лето-осень 1918 г.)

После известных событий в конце мая - начале июня 1918 г. была установлена власть эсеровского Западно-Сибирского Комиссариата. По его Декларации от 1 июня 1918 г. "Ко всему населению Западной Сибири" организация власти на местах должна была осуществляться уполномоченными нового правительства, которые обязывались восстановить органы местного самоуправления (земства, думы) "в законно избранном составе там, где выборы были произведены" или провести выборы там, где они "почему-либо не имели места"¹.

4 июня 1918 г. Комиссариат принял постановление, в котором функции комиссаров на местах определялись подробнее: "1) наблюдение за точным и неуклонным проведением в жизнь полного народоуправления с восстановлением органов местного самоуправления...; 2) оказание всемерного содействия по формированию добровольческой Сибирской армии Временного Сибирского правительства...; 3) наблюдение за планомерным проведением в жизнь постановлений, распоряжений и мероприятий центральных органов по всем отраслям государственного управления и народного хозяйства..."². Комиссариаты в губерниях, уездах, городах

предполагалось создавать временно, до возобновления работы органов самоуправления, которым передавалась вся полнота местной власти.

Губернские, уездные земские управы восстанавливали свою деятельность в большинстве случаев сразу же после ухода частей Красной Гвардии, не ожидая назначения комиссаров правительством, а иногда избирая их на собираемых срочно собраниях гласных.

Первой в Западной Сибири объявила о возобновлении работы с 1 июня 1918 г. Томская губернская управа в составе, избранном в декабре 1917 г.: председатель управы Н.В.Ульянов; члены: В.П.Денисов, Ю.Р.Санев, А.М.Богуславский. Кроме меньшевика В.П.Денисова все принадлежали к партии эсеров³. Комиссариат Томской губернии в составе трех лиц был утвержден правительством позднее и начал свою деятельность с 12 июня.

На следующий день, после того, как Барнаул был оставлен отрядами Красной Гвардии, т.е. 16 июня 1918 г., Алтайская губземуправа начала восстанавливать свои отделы, приступив к работе 19 июня. Из 7 членов управы, избранных 28 февраля 1917 г., трое были эсеры, один меньшевик, один кадет, партийная принадлежность двух не установлена⁴. В тот же день в Омск была послана телеграмма с сообщением об избрании комиссариата из 5 лиц и с просьбой утвердить этот состав⁵.

Переворот в Тобольске произошел 11 июня. Вечером 11 и утром 12 июня был восстановлен состав Тобольского уездного земства и городской Думы. 15 июня члены губернского совета народного хозяйства обратились к членам губернской земской управы Писаревскому, Бабицу, Мирвалеву со следующим посланием: "... ввиду полной невозможности вести работу в Совете Народного хозяйства, не имея директив высшего органа советской власти, оставшиеся члены губернского СНХ постановили просить членов бывшей земской управы принять управление делами..."⁶. Члены управы приняли все дела, был приглашен бывший председатель губземуправы народный социалист Н.И.Грибанов. Действовали осторожно, поскольку в городе не было еще правительственных отрядов, опасались возвращения большевиков. 17 июня через свой печатный орган - газету "Сибирская земская деревня" - управа объявила о полной поддержке нового правительства. 19 июня в Тобольск прибыл военный отряд, начальник которого объявил от имени правительства советскую власть низложенной, земские и городские органы самоуправления восстановленными, но власть в губернии до распоряжения Временного сибирского правительства передавалась военному коменданту г.Тобольска. В конце июня на должность губернского комиссара был утвержден рекомендованный Городской думой В.П.Пигнатти, юрист, народный социалист (трудовик), бывший с марта 1917 г. тобольским комиссаром с правами губернатора и отстраненный от этой должности советской властью⁷.

Организационную работу губернские управы начинали с формирования отделов, прежде всего инструкторского. 6 июня 1918 года на заседании Томской губземуправы было решено "восстановить инструкторский отдел, организовать кадры инструкторов для посылки в волости и селения с целью восстановления земских самоуправлений"⁸. С 11 июня, снабженные пропагандистской литературой, опросными листами, инструкторы направлялись в уезды, волости Томской губернии⁹. Накануне отправки, 10 июня, состоялось заседание отъезжающих, где они получили наказ губземуправы "не покидать волости, пока не убедятся в том, что идея земских самоуправлений привита более или менее основательно"¹⁰. Были определены и более конкретные задачи: "осведомлять население о происходящем перевороте", "восстанавливать волостные земские самоуправления, организовывать на местах народную охрану", информировать губернское земство о положении в деревне, агитировать за создание "добровольческой" армии,¹¹ подготавливая почву для деятельности военных инструкторов, осуществлявших запись добровольцев в армию. Зачастую такого разделения не было, штат инструкторов был невелик, губземуправа, разрешила им совмещение обязанностей. 12 июня Томской губземуправой в Кузнецкий уезд были командированы 7 инструкторов, в Мариинский - 10, Каинский - 5, Новониколаевский - 4, Нарымский край - 2¹².

17 июня уже во все уезды Томской губернии были отправлены инструкторы; по сообщению "Народной газеты" Томская губземуправа разослала по губернии в июне 1918 г. до 200 инструкторов¹³. По мере восстановления уездных управ при них создавались инструкторские отделы.

В начале июля сформировались инструкторские отделы при Тобольской и Алтайской губземуправах. Алтайские земцы довольно широко использовали опыт Томской губземуправы. Между этими губуправами часто происходил обмен информацией и даже инструкторами для работы, созывались совместные совещания инструкторов при губернских и уездных земских управах.

В отличие от Томской губуправы, которая не скрывала того факта, что она придавала большое значение политической стороне деятельности инструкторов (осведомление населения о перевороте, агитация в пользу Временного Сибирского правительства о необходимости создания белой армии, сбор информации о политических настроениях деревни и т.п.), инструкторский отдел Алтайской губземуправы стремился всячески подчеркнуть, что он в своей работе руководствуется в первую очередь осуществлением задач организационно-хозяйственной жизни земства. Заведующий инструкторским отделом Марков в своих выступлениях на сессии губернского земского собрания в июле 1918 г., на I съезде инструктор-

торских отделов уездных земств в Алтайской губернии говорил о том, что работа этих отделов должна носить чисто деловой характер, чуждый проведению политических платформ какой-либо политической партии¹⁴.

При непосредственном участии инструкторов происходил процесс восстановления в губерниях волостного звена земства - органов сельского самоуправления; там, где городские народные собрания, сельские и волостные управы были полностью не укомплектованы, создавались временные исполнительные комитеты.

Следует отметить, что инструкторские отделы формировались весьма поспешно. Зачисленные в них студенты, служащие, бывшие полицейские, военные и т.п. зачастую не имели ни малейшего представления о той "земской идее", которую они должны были "прививать" населению. "Состав отдела случайный и не деловой"¹⁵, - сообщал заведующий инструкторским отделом Бийского уездного земства в Алтайскую губземуправу.

Процесс восстановления уездного звена земства зачастую проходил без вмешательства губернских инструкторов. Инициативу на местах проявляли земцы, члены бывших уездных управ, близких губернским по социальному и партийному составу.

Вот, например, как происходило восстановление деятельности Мариинского уездного земства Томской губернии. Оформившись организационно 18 января 1918 г., уездная управа просуществовала не больше месяца. Это был орган власти, созданный не по желанию народных масс (бойкот земских выборов был в уезде массовым), а по инициативе местного эсеровского политического руководства, которое нарушало элементарные правила избирательного закона.

С захватом города белочешскими войсками в конце мая маринские эсеры срочно создали так называемый Временный комитет общественной безопасности, который фактически взял на себя функции уездной земской управы. Комитет восстановил милицию, "принимал меры" для борьбы со сражавшимися еще на территории уезда группами красногвардейцев¹⁶.

В июне-июле 1918 г. были восстановлены почти все уездные земские управы западно-сибирских губерний и, по мере продвижения власти Временного Сибирского правительства на восток, этот процесс продолжался на территории восточно-сибирских губерний.

Утверждаясь в качестве органов власти на местах, губернские и уездные земуправы спешили созывать губернские земские собрания - законодательные органы земства в масштабах губернии, уезда - чтобы обсудить и принять решения по основным политическим, хозяйственным проблемам. Алтайское губернское земское собрание заседало с 5 по 11 июля 1918 г.¹⁷; Акимолинское областное земское собрание начало свою работу 16 июля 1918 г.¹⁸; Тобольское - 23 августа¹⁹. Томская губземуправа

созвала губернское земское собрание I очередной сессии только в конце октября 1918 г.²⁰. Это было вызвано тем, что после контрреволюционного переворота в Томске - "столице" сибирских эсеров, земцы решили взять на себя роль руководителей сибирским земством вообще. Занятые подготовкой созыва I Всероссийского съезда земств и городов, они отодвигали сроки созыва губернского земского собрания. Правда, при губземуправе созывались съезды для решения тех или иных вопросов, касавшихся состояния дел в губернии. Так, с 23 по 27 июля 1918 года работал съезд представителей городов и уездных земских управ²¹. С 15 по 19 августа - съезд земско-городских и кооперативных деятелей по поднятию промышленности губернии²².

На губернские и уездные земские собрания удавалось собрать далеко не всех гласных²³. Поэтому все они, за исключением Томского, именовались чрезвычайными, полномочными решать все вопросы при любом количестве гласных. Как говорилось в решении Алтайского губернского комиссариата, санкционировавшего открытие губернского собрания, оно "созвано в чрезвычайный момент, когда военной силой приходится восстанавливать народоправство, поэтому может работать при любом составе гласных"²⁴.

Губернские собрания, также как и уездные, прежде всего обсуждали текущий момент. Правительству выражалось полное доверие, обещалась полная поддержка и помощь со стороны демократического земства. Высказывались пожелания, чтобы правительство незамедлительно созвало как Сибирское, так и Всероссийское Учредительное собрание. Земства именовались "живыми ячейками общественной жизни", на которые Временное Сибирское правительство, создавая новую государственность, может и должно непременно опираться²⁵. Так, на чрезвычайной сессии Мариинского уездного земства была принята следующая резолюция: "Приветствуя Временное Сибирское правительство, Мариинское уездное земское собрание выражает уверенность, что оно пойдет по пути народо-властия и осуществит все мероприятия, направленные на улучшение жизни трудового народа", а именно:

- 1). Скорейший созыв Всесибирского Учредительного собрания...
- 2). Скорейшее восстановление народоправства в стране.
- 3). Воссоздание Всероссийского Учредительного собрания.
- 4). Проведение в жизнь земельных законов, принятых Всероссийским Учредительным собранием...²⁶

Обсуждался на собраниях гласных и вопрос об отношении к Сибирской областной думе. Об общности политических позиций губернского и уездных звеньев земства по этой проблеме свидетельствовало приветствие частному совещанию депутатов Сибирской областной думы от имени

съезда представителей городских и уездных земских управ, который работал при Томской губземуправе с 23 по 17 июля 1918 г. Называя Сибирскую областную думу "единственным представительным органом всей Сибири, вокруг которого объединяются все народы в целях создания условий скорейшего созыва полномочного хозяина ее - Всесибирского Учредительного собрания", съезд считал, что только это собрание может дать Сибири "установление прочного демократического самоуправления..."²⁷

На чрезвычайных земских собраниях Тобольской и Алтайской губерний и Акмолинской области выбирались делегаты в Сибоблдуму, давались указы Думе созвать скорее Сибирское Учредительное собрание, отстаивать "народоправство" и т.д.

Томское губернское земское собрание, состоявшееся в октябре 1918 года уже после фактического разгона Думы, приняло специальную резолюцию, требующую немедленного возобновления работы Думы и превращения ее в законодательный орган до созыва Сибирского Учредительного собрания. Дума должна была контролировать деятельность подотчетного ей Временного Сибирского правительства. Томские земцы предлагали "в целях более полного отражения интересов и роли населения Сибири" пополнить состав Думы представителями от городских и уездных самоуправлений²⁸. Правда, не все гласные губернских земских собраний были сторонниками Сибирской областной думы. Даже в Томском губземстве, наиболее энергично ее защищавшем, эта резолюция была принята 24 голосами при 2-х против. Голосовавший против гласный Некрасов заявил в прениях, что Дума "это такой плохой суррогат народного представительства, о котором и говорить не стоит"²⁹. Часть гласных Акмолинского областного собрания также призывала к бойкоту Думы, поскольку она, по их оценкам, была "разбойничьим гнездом, кишачим совдепщиками, интернационалистами, разрушителями государства и губителями России"³⁰.

Таким образом, большинство земцев принимало и защищало эсеровский вариант народоправства. Небольшая часть гласных была по политическим позициям ближе к торгово-промышленной буржуазии, военным кругам, взявшим курс на установление твердой власти в форме военной диктатуры. Политическая дифференциация руководства земства была естественным отражением социального состава населения губернских, уездных центров Сибири и проявилась в большей степени в колчаковский период гражданской войны.

Отстаивая политическую самостоятельность, губернская земская верхушка стремилась распространить свое влияние на все сферы жизни губерний. Вот что об этом писала газета "Алтайские губернские изве-

тия": "Земским учреждениям (губернским, уездным и волостным) предстоит огромная работа: им необходимо принять на себя заботы о всех государственных учреждениях, обслуживающих потребности народа (железные дороги, содержание армии, почта, телеграф, флот, вузы и многое другое). Земства же должны восстановить и направить работы по местным нуждам населения: поставить на должную высоту народное образование, народную медицину, ветеринарию, агрономию, заботиться о страховании сельского имущества, об устройстве дорог, о продовольствии и вообще о всех местных нуждах"³¹. Несмотря на очевидные несовершенства Временного положения о земстве в Сибири, земцы полагали, что органы местного самоуправления, избранные на его основе, способны выполнять не только местные, но и государственные функции. Губернское земство, сообщила газета, "получает власть над губернией и является доминирующим началом в ее жизни. В переживаемый момент, когда связи с центром порваны, а новое Сибирское правительство еще не окрепло, земство оказалось единственной полномочной властью на местах"³². Уверенность в том, что земство действительно может быть единственной властью на местах, исходила от позиции Западно-Сибирского Комиссариата по отношению к органам самоуправления. В отличие от Комуча, Комиссариат, как обоснованно пишет В.В.Гармиза, "более последовательно проводил курс на утверждение местной власти за земскими и городскими самоуправлениями. Земствам... были переданы подготовка и проведение денационализации промышленных предприятий, при земствах создавались инструкторские отделы по формированию армии"³³.

Все уездные, губернские собрания, созданные летом 1918 г., принимали постановления о возможности решения созидательных задач только при решении финансовых проблем. Земские кассы были практически пустыми, а деятельность по организации всей жизни губерний, уездов, волостей требовала немалых средств.

Составляя бюджетно-расходные сметы на 2-ю половину 1918 г., земства исходили прежде всего из возможностей неокладных поступлений и окладных сборов с недвижимости. Неокладные состояли из поступлений от остатков прежних лет, недоимок, возврата земству расходов, которые производились за счет казны, и некоторых других. Окладные сборы шли с обложения недвижимого имущества (земли и леса, крестьянские наделы, торговые промышленные и другие, приносящие доход, помещения в волости, уезде, губернии, недвижимость уездных и губернских городов). Соотношение между двумя группами источников дохода были разными по уездам и губерниям. В Бийском уездном земстве Алтайской губернии, например, неокладные поступления составляли в 1918 г. 16%, окладные - 84%³⁴. Среди окладных сборов большая часть поступала с

крестьянских земель. В том же Бийском уезде сбор с земель составлял на каждые 100 рублей 91 р.60 коп., с торгово-промышленных помещений - 6 р. 10 коп., с городской недвижимости - 2 р. 30 коп.³⁵. Причем сбор с крестьянских земель был фактически сбором со всего крестьянского хозяйства. Вот как это выглядело по Бийскому уезду:

Таблица 1³⁶

На что именно	Всех земских сборов	Уездного земского сбора
На одну душу населения (обоего пола)	24 руб	10 руб. 20 коп.
На одного работника	-	-
На семью	184 руб	65 руб. 67 коп.
На 1 десятину удобной земли	5 руб.70 коп.	2 руб. 02 коп.
На 1 десятину посева	21 руб.60 коп.	7 руб. 73 коп.
На 1 доходную единицу	18 руб.	6 руб. 47 коп.

По курсу рубля 1918 г. десятина облагалась в 1 руб. вместо 10-20 коп. прежнего налога.

Волостной земский сбор должен быть не более 30% от уездного. Только уездное земское собрание могло повысить размеры этого сбора. В Каменском уезде Алтайского края он составлял до 50% от уездного, а сельский - 120% от волостного³⁷. Таким образом, одно крестьянское хозяйство должно было платить сельские и волостные, уездные и губернские земские налоги.

Помимо денежных сборов крестьяне несли целый ряд земских натуральных повинностей - военную, продовольственную, дорожно-гоньбовую и пр. Были еще казенные налоги, чрезвычайные и т.д. Из их общего количества денежные и натуральные земские составляли львиную долю - $\frac{9}{10}$ всего налогового обложения³⁸. По временному положению земствам предоставлялось право назначать сборы по своему усмотрению, равно как право повышать размеры сбора без ограничений.

В итоге такого налогового пресса крестьяне практически прекратили выплачивать налоги. Отчеты с мест пестрели сообщениями о таких отказах. Так, Томский уездный комиссар докладывал губернскому в октябре 1918: "... оплата недоимок и текущих налогов по всему уезду идет слабо...". В Ново-Александровской волости волостных земских сборов из общего числа оклада в 10 тыс. рублей 14 сентября собрано всего около 500 рублей, уездные и губернские совсем не поступали, а государственных

оброчных податей нет и в помине... На все требования волостных управ сельские общества отвечают молчанием или, в лучшем случае, отвечают, что платить некому. В Ишимской волости из 13 селений к уплате податей и сборов приступили 3 селения, да и те от дальнейшей уплаты отказались, ссылаясь на то, что остальные 10 сельских обществ ничего не платят"³⁹.

На сельских сходах в уездах Тобольской губернии также выносились приговоры с отказом платить земские сборы и недоимки. Такие приговоры были вынесены Мало-Кугаевским сельским сходом Кугаевской волости Тобольского уезда 16 августа 1918 г. от имени населения 14 деревень; Ново-Филатовским сельским сходом Бронниковской волости Тобольского уезда 23 октября 1918 г.⁴⁰. Крестьяне Мазуровского сельского общества этого же уезда 2 октября 1918 г. единогласно проголосовали на сходе за то, чтобы не платить и государственные оброчные подати, и губернский земский сбор⁴¹.

Инструкторы, обследовавшие волости Барнаульского уезда Алтайской губернии в августе 1918 г. сообщали: "Во всех волостях замечается полнейшая дезорганизация; население не платит податей, нет земских квартир, в расстроенном виде земская гоньба; недоимки податей, сбор поступает медленно". И далее: "... обращение управ к содействию милиции при сборе податей - явление при существующих условиях неизбежное, но оно требует осторожности..."⁴². Инструктор имел в виду возможность вооруженного сопротивления со стороны крестьян при таких "методах" сбора налогов. Из Бийского уезда заведующий инструкторским отделом уездного земства писал в губуправу: "Недоимки собираются плохо. Благодаря вмешательству военных властей дело значительно продвинулось"⁴³.

Состоявшееся в августе 1918 г. I Чрезвычайное Томское уездное земское собрание приняло специальное постановление "О мерах взыскания земских сборов", в котором рекомендовалось принять самые решительные судебные и административные меры к неплательщикам⁴⁴.

Финансовый крах заставлял губернские, уездные земские собрания в ожидании будущих сборов на 2-ю половину 1918 г. принимать постановления о правительственных ссудах. 7 Сибирских губернских земств просили выдать им ссуды в сумме 20557 тыс. рублей. Министерство Внутренних Дел, в чьем ведении были органы местного самоуправления, предлагала выдать из этой суммы 9.300 тысяч рублей, а Советом Министров Временного Сибирского правительства на 30 сентября 1918 г. было ассигновано 1900 тысяч рублей и несколько ранее - 900 тысяч⁴⁵. 32 уездных земства просили выдать ссуду в сумме 31457 тысяч рублей. МВД предложило 18 млн., ассигновано было 5,5 млн. рублей. На каждую губернию, уезд приходились крохи. Так, на 4 уезда Алтайской губернии

просили 1,5 млн. рублей, получили: Барнаульский - 100, Бийский - 75, Змеиногорский - 60, Славгородский - 60 тысяч рублей. Такие же примерно суммы ссуд получили и другие уездные земства сроком на 1 год из расчета 7% годовых⁴⁶.

На чрезвычайной сессии Томского уездного земства в августе 1918 г. было подсчитано: суммы, которые земство должно было получить по смете из всех источников, составили 1675946 руб., получило же оно к 1 июля 332691 руб. Расход по смете - необходимо было израсходовать - 2.139.440 руб., израсходовано к 1 июля 499389 руб., почти в 4 раза меньше. Самые большие суммы израсходованы на содержание школ - 141505 руб. и административного отдела - 138314 руб.⁴⁷.

Финансовый кризис заставлял изыскивать любые возможности для пополнения земских касс, и управы постоянно ходатайствовали о расширении бюджетных прав перед правительством. Так, Ишимская уездная земская управа просила временно разрешить установить для г. Ишима и уезда 5% налог с продажной стоимости поступающих товаров и 3% с суммы, которую платили за размол муки на мельницах. Златоустовская уездная земская управа ходатайствовала об отчислении от продажи водки 30% в пользу земского и городского самоуправления. Алтайская губернская управа просила о разрешении установления штрафов за порубку леса, пьянство, выгонку самогонки и передачи этих денег в распоряжение уездных и губернского земств на нужды народного просвещения⁴⁸.

Предложений, ходатайств, просьб было очень много. Они поступали в формирующийся при МВД земский отдел, в Министерство финансов, правительство. Среди них были просьбы разрешить земству создавать свои предприятия, заниматься посреднической деятельностью. Предлагалось создать Центральный Банк, который, возглавляя систему местных земских касс, выдавал бы ссуды земствам для разрешения ими экономических, социальных проблем.

Для успешного решения сложнейших организационных, хозяйственных, финансовых задач земства и города Сибири решили объединиться и создать единый союз земств и городов (СИБЗЕМГОР). На состоявшемся в Томске 2-11 сентября 1918 г. он был создан представителями 6 губернских земств, 23 уездных и 11 городских управлений⁴⁹.

Материалы, резолюции съезда - это развернутая программа деятельности молодого сибирского земства. Они свидетельствуют о достаточно высокой целевой квалификации его руководства вопросами финансирования, поиска новых источников для бюджета, решения хозяйственных проблем. Обсуждались и политические вопросы о месте земств и городов в системе государственной власти и управления, о взаимоотношениях между разными звеньями земства, об объединении самоуправлений.

Политическое руководство съезда предложило принять резолюцию, в которой земства и городские управления объявлялись единственными органами государственной власти, ответственными только перед законом и местным населением в лице земских собраний и городских дум. Центральная правительственная власть должна будет поддерживать и охранять органы местного самоуправления, предоставив им широкие права по всем вопросам управления обществом вплоть до права издавать законы⁵⁰. Но политические позиции эсеровского руководства земства, защита им Сибирской областной думы вошли в противоречие с правительственным курсом. Временное Сибирское правительство, пришедшее на смену Западно-Сибирскому Комиссариату, решительно встало на путь подготовки власти военной диктатуры, выражая интересы военных, торгово-промышленных кругов. Сложности политических, экономических проблем заставили земства пойти на формирование оппозиции колчаковскому режиму.

Таким образом, летом-осенью 1918 г. сибирское земство восстанавливало деятельность избранных осенью-зимой 1917 г. управ и собраний гласных. В течение июня - июля практически все губернские, уездные земства приступили к решению организационно-практических задач. Формировались отделы по основным направлениям хозяйственной, культурной работы, составлялись планы, определялся бюджет, отряды инструкторов предпринимали активные попытки восстановить волостное звено земства. Но сделать это руководству земством так и не удалось. Отказы признать волостное земство легитимным органом власти были массовыми, и в земской печати того периода, и в сохранившихся в архивах приговорах сельских и волостных сходов, многочисленных отчетах инструкторов, начальников уездов, губерний и других документах сохранилось немало этому свидетельств. В ноябре 1918 г. газета "Народная свобода" (Барнаул) писала: "... рассчитывать на более или менее скорое создание действительно правоспособного и делового волостного земства в Сибири, как на это надеется правительство, едва ли возможно... Крестьяне всячески уклоняются от образования волостных земств"⁵¹. Там, где они были избраны и начинали работать, было очевидно, что "новые учреждения оказались как две капли воды, похожи на старые и при старом составе не внесли никаких новых методов в свою работу", - вынужден был признать Н.С.Юрцовский. Об их составе он писал, что "председателями управ в очень многих случаях были избраны бывшие волостные старшины. Секретарями волостных управ... почти повсеместно прошли бывшие волостные писари". Даже сметы "новых" органов власти были сметами старых волостных правлений"⁵². Эсеровская же верхушка земства, большинство губернских, уездных управ, зачастую в ущерб хозяйственной, культурной деятельности, затрачивая значитель-

ные силы на политическую борьбу с большевизмом "слева" и "справа", пыталось убедить правительство, общественное мнение, самих себя в том, что в такой ситуации можно сформировать вариант демократической государственности через органы местного самоуправления. Продолжавшаяся социальная дифференциация общества, углубление политического противоборства делали все более очевидным иллюзорность этих планов.

Примечания

1. Борьба за власть Советов в Томской губернии. Сборник документов. - Томск, 1957. - С.316.
2. //Акмолинские областные ведомости. - 1918. - 13 июля.
3. //Сибирская жизнь (Томск). - 1918. - 2 июня.
4. Бабикова Е.Н. Буржуазные органы власти и самоуправления Западной Сибири и их ликвидация в 1917-1918 гг. Канд.дисс. - Томск, 1970. - С.232.
5. ГААК, ф.233, оп.1, д.16, л.57.
6. //Сибирский вестник. - 1918. - 22 авг.
7. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. Сб.док. - Свердловск, 1967. - С. 385-386.
8. ГАТО, ф.р-5, оп.1, д.3, л.170.
9. //Голос народа. - 1918. - 13 июля.
10. ГАТО, ф.р-1, оп.1, д.46, л.6.
11. ГАТО, ф.р-1, оп.1, д.31, л.19.
12. Там же.
13. //Народная газета. - 1918 - 23 июня.
14. ГААК, ф.233, оп.2, д.119, л.6.
15. ГААК, ф.233, оп.2, д.74, л.3.
16. //Звено (Мариинск) - 1918. - 13 дек.
17. ГААК, ф.233, оп.2, д.28, л.176.
18. //Дело Сибири (Омск) - 1918. - 18 июля.
19. //Сибирский вестник. - 1918. - 30 авг.
20. ГАТО, ф.р-1, оп.3, д.1, л.6.
21. ГАТО, ф.р-72, оп.1, д.1, л.50.
22. ГАТО, ф.р-1, оп.1, д.90, л.72.
23. На Тобольском губземсобрании присутствовало из 74 - 33 гласных, на Акмолинском из 57 - 36; на сессии Мариинского уездного земства из 62 - 36 гласных.
24. ГААК, ф.233, оп.1, д.7, л.17.
25. ГАТО, ф.р-1, оп.3, д.1, л.6.
26. //Народные мысли. - 1918. - N 24-25. - С.13.

27. //Дело Сибири. - 1918. - 19 июля.
28. ГАТО, ф.р-1, оп.1, д.62, л.10.
29. Там же, Д.48, Л.7.
30. //Дело Сибири. - 1918. - 23 июля.
31. //Алтайские губернские известия. - 1918. - 21 авг.
32. //Жизнь Алтая. - 1918. - 6 июля.
33. Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. - Москва, 1970. - С.98.
34. //Народные думы. - 1919. - N 4. - С.30.
35. Там же. С.33.
36. Там же. С.34.
37. Там же. С.37.
38. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны - Красноярск, 1972. - С.51.
39. ГАТО, ф.р-1362, оп.1, д.87, лл.6, 6 об.
40. ТФГАТюмО, ф.730, оп.1, д.23, л.62.
41. Там же, д.98, л.18.
42. ГААК, ф.224, оп.1, д.258, л.3об.
43. Там же, оп.2, д.74, л.6.
44. ГАТО, ф.р-2, оп.1, д.2, л.69.
45. //Сибирский вестник. - 1918. - 30 окт.
46. Там же.
47. //Сибирский вестник. - 1918. - 25 авг.
48. //Сибирский вестник. - 1918. - 23 сент.
49. Известия Всесибирского союза земств и городов (Томск). - 1919. - N 1. - С.7.
50. Там же. - С.10.
51. //Народная свобода. - 1918. - 22 нояб.
52. Юрковский Н.С. Сибирское земство в первый год его существования. - Омск, 1919. - С.3,4,34.

§ 7. Периодическая печать о политических настроениях и позициях рабочего класса Сибири в период гражданской войны

Отношение народных масс к белочешскому мятежу и политике власти, пришедшей на смену советам, нашло отражение в широком круге источников, в том числе и в периодической печати.

Первым документальным свидетельством того, как реагировали рабочие на свержение Советской власти, стала резолюция конференции правления профсоюзов г. Новониколаевска от 27 мая 1918 г.

Участники конференции решили считать переворот "контрреволюционным выступлением, грозящим завоеваниям революции"¹. Представители новониколаевских рабочих констатировали, что переворот произведен при деятельном участии и вследствие происков буржуазии, опирающейся на иностранные штыки. В резолюции содержалось категорическое требование восстановить власть рабочих и крестьян, но с одним, и довольно существенным, дополнением: восстановить власть, сконструированную из представителей организованных рабочих и крестьян, а также представителей всех социалистических партий².

Делегаты конференции заявили также, что рабочий класс, "стоящий на точке зрения непримиримой классовой борьбы, не признает власти, не опирающейся на широкие слои демократии".

Отметив огромную контрреволюционную опасность, связанную с переворотом, они потребовали от новой власти, "если она действительно стремится защитить интересы демократии и пролетариата", немедленно вооружить рабочих.

Содержался в резолюции и ряд других требований: оставить "до окончательной реконструкции народной власти" в общественном ведении все национализированные и муниципализированные предприятия, немедленно освободить членов социалистических партий, профсоюзов и представителей Советской власти, арестованных по политическим мотивам.

Конференция постановила создать "временный центр" из представителей профсоюзов, приступить немедленно к организации рабочего печатного органа и призвала всех рабочих тесно сплотиться вокруг своих профессиональных организаций для отстаивания классовых позиций пролетариата и завоеваний революций 1917 г.

Таким образом, негативное отношение к перевороту, а главное, ультимативные требования к новой власти (их реализация поставила бы ее в явную зависимость от рабочих) крайне сужали возможности для сотрудничества. В то же время в резолюции прослеживается желание ее авторов видеть в составе "восстановленной власти трудящихся" все социалистические партии, т.е. речь не шла о полном возврате только что ликвидированной политической системы.

Вслед за Новониколаевском, Мариинском в руки противников советской власти 31 мая 1918 г. перешел Томск. Созванная 2 июня 3-я общегородская конференция правлений профсоюзов, выразила отношение томских рабочих к данному событию.

Местная пресса уделила значительное внимание конференции, опубликовав о ней подробные отчеты.

В отличие от новониколаевских рабочих, томичи не стали настаивать на немедленном восстановлении советской власти, но отметили, что ее свержением "захотят и уже пытаются воспользоваться темные и контрреволюционные силы для восстановления старого, существовавшего еще до революции 1917 года, строя"³.

Представители томского пролетариата признали необходимым полное единение демократических и революционных сил для отстаивания демократических завоеваний революции и согласились поддерживать социалистические партии в их борьбе за осуществление народовластия. Более того, они пообещали полную поддержку Временному правительству, "как только оно приступит к немедленному осуществлению намеченной им вполне демократической программы"⁴.

Но и данный форум, работа которого проходила под заметным влиянием эсеров и меньшевиков, прибегал к категорическим формулировкам. Рабочие, в частности, потребовали освободить "в краткий срок" арестованных членов профсоюзов и партийных работников. В противном случае они угрожали организовать всеобщую забастовку. Участники конференции решили также образовать при совете профсоюзов военную секцию, которая должна была организовать рабочие дружины для защиты завоеваний пролетариата⁵.

Опасность для рабочих организаций со стороны "черной сотни и части офицерства и белогвардейцев" отмечала и общегородская конференция заводских комитетов и контрольных комиссий Томска, открывшаяся 3 июня 1918 г. Ее делегаты заявили, что "организующаяся сибирская власть только тогда может рассчитывать на поддержку демократии, когда она, опираясь на все течения и оттенки социалистической мысли", "решительно отмежуетя от черных и белых своих попутчиков"⁶.

Собравшиеся призвали рабочих сплотиться вокруг своих центральных объединений, настаивали на сохранении рабочего контроля и ряда других революционных завоеваний.

Однако не все профессиональные союзы занимали указанные позиции, были и исключения.

О безусловной поддержке новой власти заявило общее собрание членов союза торгово-промышленных служащих Томска. Активное участие в работе собрания, как и в 3-й общегородской конференции, приняли эсер Лихачев, меньшевик Неслуховский и Герасимов. В резолюции, предложенной Лихачевым, говорилось об ответственности переживаемого момента, о том, что свержением Советской власти захотят и уже пытаются воспользоваться "темные контрреволюционные силы для восстановле-

ния старого, существовавшего еще до революции 1917 года строя" ⁷. Подчеркивалась в данном документе необходимость не только крестить рабочие организации и поддерживать социалистические партии в их борьбе за народовластие, но и оказать поддержку Временному Сибирскому правительству в его шагах по установлению народовластия и борьбе за Учредительное собрание.

За эту резолюцию проголосовало большинство - 109 человек, воздержалось - 13. Против голосов подано не было.

Собрание 85 голосами при 9 - против и 38 воздержавшихся "горячо приветствовало создание армии для борьбы против большевиков и германского империализма". Выразив армии полное доверие и пообещав ей временную поддержку, участники форума призвали членов союза взять оружие и примкнуть к молодой революционной сибирской армии. Собрание постановило также отчислять в течение трех месяцев ежедневный заработок в пользу армии ⁸.

Собравшиеся отклонили предложения бюро профсоюзов избрать двух делегатов в стачечный комитет и отказались отчислять средства для создания рабочей печати. Более того, участники собрания потребовали перевыборов правлений профсоюзов. Свое требование они мотивировали тем, что названные органы были избраны при господстве и под давлением большевиков ⁹.

Характерно, что редакция "Сибирской жизни" в оценке настроения рабочих ориентировалась именно на данную резолюцию, хотя состав союза торгово-промышленных служащих менее всего подходил для этого. "Сибирская жизнь" уверенно заявляла вскоре после собрания, что профсоюзные форумы не отражают настроения рабочей массы, так как правления выбраны еще при большевиках, поэтому рекомендовала их переизбрать ¹⁰.

Между тем даже рабочие коллективы, состоявшие на антибольшевистских позициях, принимали летом 1918 года резолюции, отдельные пункты которых были навеяны 1917 годом и вряд ли устраивали новую власть.

В Омске, например, противников Советской власти поддержал Союз фронтовиков. Проходившая сразу после свержения власти Советов конференция правлений профсоюзов и фабрично-заводских комитетов приняла резолюцию, предложенную этим Советом и рабочими железнодорожных мастерских. Резолюция выражала доверие Временному Сибирскому правительству. В то же время в ней содержалось требование предоставить Советам, когда потребуется, широкое право контроля над властью впредь до созыва Учредительного собрания ¹¹.

Профсоюзные собрания, конференции, съезды - важное свидетельство того, как отнеслись рабочие Сибири к свержению Советов и к власти, пришедшей им на смену. Однако отношение к противобольшевистскому перевороту рабочие высказывали не только на профсоюзных форумах. Несомненный интерес представляют сообщения средств массовой информации о поведении рабочих непосредственно в момент переворота, вне своих профсоюзных организаций.

Одним из первых подобный материал опубликовал эсеровский орган "Голос народа" из Анжерских и Судженских копей, а также деревень и сел Кузнецкого уезда Томской губернии. Газета сообщила о митингах рабочих и крестьян, на которых выносились резолюции в пользу Временного Сибирского правительства и Учредительного собрания, принимались решения организовать органы новой власти - местные комиссариаты.

Это сообщение со ссылкой на "Голос народа" перепечатала "Сибирская жизнь" ¹², дополнив его сведениями, полученными от своих корреспондентов ¹².

О недовольстве трудящихся Красноярска Советской властью, действиями местных советских работников сообщила "Воля Сибири", стремясь при этом представить рабочих непосредственными участниками переворота ¹³.

Однако настроения рабочих менялись довольно быстро. Уже через неделю после Советской власти в Красноярске корреспондент "Рабочего знамени" характеризовал настроение рабочих железнодорожных станций как "выжидательное и осторожное" ¹⁴.

Буквально в эти же дни орган красноярских меньшевиков "Дело рабочего" писал о том, что среди рабочих железнодорожных мастерских Красноярска имеет успех пропаганда анархистов, призывавших к борьбе с новой властью.

Особенно возмутил меньшевиков протокол общего собрания мастерских и рабочих станции Красноярск, которое состоялось 1 июля 1918 г. Протокол опубликован в газете не был, но из комментария газеты "Дело рабочего" следует, что рабочие требовали отменить ограничения свободы слова, печати, собраний, освободить всех политических арестованных, упразднить всех начальников и передать управление дорогой коллективу старост ¹⁵.

Свои требования участники собрания подкрепили обещанием начать забастовку.

Следует отметить, что средства массовой информации "автономной Сибири" очень скоро перестали писать о рабочих как о противниках Советской власти. Сибирский пролетариат преподнес неприятный стор-

приз тем органам печати, которые своевременно не уловили изменения в его настроении.

Явный конфуз случился с "Сибирской жизнью". 11 июля она поместила обширную корреспонденцию из Анжерских копей, в которой говорилось о том, что настроение местных рабочих еще до падения советского режима было далеко не в пользу большевиков. Более того, копи проявили "живейшую радость" во время свержения Советской власти. "Ныне в Анжерске, - авторитетно заявляло старейшее в Сибири издание спокойно". Но уже на следующий день, 12 июля в газете появилось сообщение, озаглавленное "Забастовка на Анжерских и Судженских коях". Оказывается, еще 9 июля в Судженске, а 10 июля в Анжерске началась политическая забастовка¹⁶.

О том, что забастовка была неожиданностью для редакции названного органа печати, свидетельствует также передовая статья "Правительство и Дума", опубликованная в газете 18 июля. Часть рабочего класса констатировала "Сибирская жизнь", находится в оппозиции к правительству. Газета выражала недоумение по этому поводу. Июньский переворот, говорилось в статье, прошел под знаком борьбы всех групп населения и всех социалистических партий с Советами. Теперешний плач по поводу гибели последних производит, подчеркнула редакция, странное впечатление¹⁷.

В последующее время "Сибирская жизнь" не скрывала своей антипатии к рабочим, однако опубликованные на ее страницах отчеты о рабочих собраниях и профсоюзных форумах характеризовались полнотой и добросовестностью, хотя порой и допускались неточности и искажения¹⁸.

Буржуазная печать в лице "Сибирской жизни" сразу же заняла негативную позицию по отношению к рабочим забастовкам. Выступление рабочих в Анжерске и Судженске она оценила как удар в спину новой власти и сибирской армии, ведущим борьбу с советскими войсками на Востоке и на Западе¹⁹.

Отрицательно отнеслась к забастовкам рабочих и социалистическая пресса, за исключением "Рабочего знамени"²⁰.

Меньшевистская газета "Дело рабочего" заявила по поводу требований рабочих станции Красноярск, что в условиях военного времени они не могут быть приняты правительством, а забастовка приведет к поражению рабочего класса и усилит позиции крайнего лагеря буржуазии²¹.

В то же время в начале июля 1918 г. газета сообщала, что от многих профсоюзов поступают сведения о самых грубых нарушениях профессиональных интересов членов союзов, поэтому она призвала власть не забывать об угрозе демократии справа в борьбе с анархо-большевистской опасностью.

Политика Временного Сибирского правительства, несомненно, стимулировала рост рабочего движения. Газета "Рабочее знамя" писала в этой связи что объединению рабочего класса Сибири максимально способствовали увольнения служащих и рабочих, введение военно-полевой юстиции. Именно действия властей натолкнули рабочих на мысль объединить весь пролетариат Сибири в одну мощную организацию²².

Укреплению и усилению профсоюзного движения, росту его организованности содействовали не только большевики, левые эсеры, социал-демократы-интернационалисты, но и правые эсеры и меньшевики, также призывавшие рабочих крепить свои организации.

Летом и осенью 1918 г. в Сибири состоялись губернские съезды профсоюзов. В октябре открылся I Всесибирский съезд профессиональных союзов²³, а также общесибирский съезд работников печатного дела.

И на губернских и всесибирских съездах эсеры и меньшевики предостерегали рабочих от двух опасностей: от "увлечения утопическими мечтами" - желанья восстановить Советскую власть - и от оппортунизма, т.е. отказа от социализма. Призывая сибирских пролетариев сплотиться для достижения одной цели - социализма, члены ПСР и РСДРП в то же время напоминали, что идти к этой цели следует "мудрыми шагами". Они советовали рабочим не забывать, что время социализма еще не пришло, так как в данное время совершается буржуазная революция²⁴.

Социал-демократы - интернационалисты свою главную задачу видели в том, чтобы утвердить среди рабочих взгляд на союзы не как на власть, а как на организации, способные отстаивать свои интересы. Организации, стоящие во главе профсоюзного движения, подчеркивали члены РСДРП(м), должны направлять его в правильное русло, удерживать рабочих от неорганизованных выступлений, помогать им ориентироваться в выборе позиции в борьбе с предпринимателями и властью²⁵.

Большевики, сторонники отхода на "вторые" позиции, также рассчитывали с помощью профсоюзов удержать "горячие головы" от преждевременного выступления. В то же время они старались стимулировать противостояние рабочего класса и власти, не допустить их сотрудничества, т.е. "соглашательства", "оппортунизма". Требование большевиков и левых эсеров восстановить Советы, дать им право контроля за действиями центральной и местной власти не только усиливало напряженность между пролетариатом и режимом, но и заметно ослабляло позиции эсеров и меньшевиков, призывавших рабочих в июле-сентябре сплотиться вокруг Думы.

После I нелегальной конференции Сибирских организаций РКП(б) коммунисты края свои усилия направили на непосредственную подготовку вооруженной борьбы за восстановление Советской власти в Сибири и

воссоединение с Советской Россией²⁶. Особая роль в планах большевиков отводилась забастовкам²⁷. Забастовки подталкивали к решительным действиям и рабочих, и самих большевиков²⁸, способствовали радикализации тех и других.

Особенно наглядно сказанное проявилось во время Октябрьской стачки, прокатившейся почти по всей Сибири. Стачка началась по инициативе красноярских железнодорожников.

Характерно, что Красноярский комитет РКП(б), учитывая недостаток сплоченности и организованности рабочих масс, высказался против забастовки. Комитет считал, что начинать открытую борьбу с буржуазией посредством забастовки еще рано. Поэтому он отказался взять на себя ответственность за возможные последствия этой несвоевременной забастовки, но согласился возглавить выступление рабочих, если оно все-таки состоится²⁹.

Против забастовки был и Сибирский областной комитет РКП(б). По свидетельству К.Молотова, комитет считал, что стачка при милитаризации железных дорог, при существующем военном положении лишь разобьет силы железнодорожного пролетариата. Обком полагал ее полезной только как начало вооруженной борьбы. Но поскольку последняя, по его мнению, еще не была подготовлена, стачка теряла реальную пользу³⁰.

Идею всеобщей забастовки поддержали социал-демократы-интернационалисты. Но они настаивали на том, чтобы забастовка была общесибирской и главное - тщательно подготовленной. Для этого создавался забастовочный комитет.

Однако радикально настроенные большевики, главным образом в Омском комитете большевиков, идя навстречу определенной части рабочих, стремились форсировать и забастовку, и вооруженное восстание³¹. Дорожный забастовочный комитет оказался практически дезавуирован Омским районным забастовочным комитетом, а Сибирский областной комитет РКП(б) - Омским партийным комитетом.

Поводом для забастовки стало введение сдельной оплаты труда. Бастующие потребовали полностью отменить сдельные работы, увеличить заработную плату, освободить всех рабочих, красногвардейцев и советских деятелей, арестованных при свержении Советской власти, принять на службу уволенных советских работников и выплатить жалование за время забастовки³².

Стачка развертывалась в период наступления Красной Армии на Восточном фронте и стала серьезной помехой для белогвардейцев. Организаторы забастовки действовали именно с этим расчетом.

Командование белых не скрывало того, что забастовка срывает переброску войск, поэтому оно действовало решительно, прибегнув к расстрелам.

После октябрьской стачки, подавленной вооруженной силой, репрессии против профсоюзов усилились, с некоторыми из них расправились, профсоюзное движение в целом пошло на убыль.

Ослабили свою деятельность в рабочих организациях и большевики из-за усилившихся репрессий. Состоявшаяся в ноябре 1918 года 2-я конференция сибирских организаций РКП(б) предложила местным организациям "... отнюдь не выбрасывать лозунгов завоевания профессиональных союзов"³³.

Еще более определенно отношение коммунистического подполья к профсоюзам, обусловленное интересами борьбы за власть, выразила 3-я нелегальная конференция, проходившая в марте 1919 г. Ее делегаты пришли к выводу, что легальные рабочие организации (профсоюзы, больничные кассы и т.д.), находящиеся под контролем и прессом военной диктатуры, не в состоянии организовать широкие массы, воспитать их для революционной борьбы. Поэтому, не отвергая участия и работы партии в легальных профсоюзах, конференция в то же время рекомендовала партийным комитетам направлять туда активные силы своих организаций. Лишь в исключительных случаях, для постановки партийной революционной работы следовало использовать ту или иную легальную организацию³⁴.

В 1919 г. и профсоюзная печать так же, как и правительственные чиновники, констатировали значительное ослабление профсоюзного движения в Сибири.

Журнал "Сибирский печатник" глубоко проанализировал сложившуюся ситуацию. Он, в частности, писал: "Слабых запугивают те тяжелые политические условия, в которых протекает теперь жизнь профсоюзов". Но не только политика властей была виной тому, что многие союзы существовали только на бумаге, а другие распались. Тот же журнал назвал и такую причину, как нехватка и даже отсутствие работников, знакомых с вопросами рабочего движения, которые могли бы руководить и направлять работу³⁵.

Ослаблению профсоюзного движения способствовали и сами рабочие. Некоторые сибирские пролетарии даже выступали против профсоюзов, считая их лишним бременем на плечах рабочего класса, отказывались сами и призывали других не платить членские взносы. Особенно индифферентно относились к своим организациям молодые рабочие, предпочитавшие профсоюзной работе, посещению лекций, библиотек, вообще культурной жизни выпивку, драки, танцы³⁶.

Весьма низкой была посещаемость собраний, хотя на обсуждение выносились такие важные вопросы, как выборы членов правлений, делегатов в советы профсоюзов, пересмотр тарифных ставок и т.д.

Внимание и усилия рабочих Сибири, во многом благодаря коммунистической пропаганде, а также правительственной политике, нацеливались на вооруженную борьбу за восстановление власти Советов.

Конец 1918 г. и первая половина 1919 г. ознаменовались целой серией рабочих восстаний. Все они (в Омске, Иланске, Канске, Томске, Енисейске, Кольчугино и других городах) потерпели полное поражение.

Средства массовой информации сообщали об этих событиях и порой довольно обстоятельно и подробно. Значительная часть корреспонденций была составлена по официальным данным: сведениям военного командования, контрразведки и т.д.

В материалах периодической печати "колчакки" не отражена жесткость белогвардейцев, проявленная при подавлении этих восстаний, применительно количество убитых в боях и расстрелянных рабочих. Однако ход событий, особенно действия правительственных войск и милиции, совпадает с данными из других источников³⁷.

И буржуазная, и социалистическая пресса была единодушна в оценке характера и направленности рабочих восстаний, называя их "большевистскими заговорами".

Примечания

1. Партизанское движение в Западной Сибири (1918 - 1920 гг.): Докум. и материалы. - Новосибирск, 1959. - С.35-36.

2. Там же. - С.36.

3. //Сибирская жизнь. - 1918. - 4 июля.

4. Там же.

5. //Сибирская жизнь. - 1918. - 6 июня.

6. Там же.

7. //Сибирская жизнь. - 1918. - 13 июня. Текстуальное совпадение данного пункта резолюции с аналогичным пунктом резолюции, принятой 3-й общегородской конференцией правления профсоюзов, служит доказательством того, что в составлении этих документов участвовали эсеры. В свою очередь, приведенные источники свидетельствуют о том, что об угрозе реставрации дофевральских порядков заговорили сразу же после свержения Советской власти сами эсеры, чтобы обеспечить себе поддержку трудящихся масс.

8. //Сибирская жизнь. - 1918. - 3 июня.

9. Там же.

10. Там же. - 16 июня.

11. ГАНО, ф.149, оп.1, д.145, л.2, об.

12. //Сибирская жизнь. - 1918. - 13 июня.

13. //Воля Сибири. - 1918. - 22 июня.

14. //Рабочее Знамя. - 1918. - 30 июня. Ранее, 26 июня, "Сибирская жизнь" сообщила о противорправительственной забастовке, вспыхнувшей на станции Тинская.

15. //Дело рабочего. - 1918. - 4 июля. Требование освободить арестованных во время противосоветского переворота было одним из первых и главных политических требований рабочих Сибири летом 1918 г.

16. //Сибирская жизнь. - 1918. - 12 июля.

17. //Сибирская жизнь. - 1918. - 12 июля.

18. Сравнение газетного отчета и протокола 3-го Губернского съезда профсоюзов Томской губернии подтверждает это. Тем не менее совет профсоюзов Томской губернии обратился в контору "Сибирской жизни" с просьбой дать для архива совета номера газет, в которых помещены отчеты о съезде. См.: ГАНО, ф.149, оп.1, д.172, л.34.

19. //Сибирская жизнь. - 1918. - 12 июля.

20. Газета "Рабочее Знамя" опубликовала в 2 номерах обширные корреспонденции о событиях в Анжерке и Судженске. Их содержание говорит о том, что рабочие воспользовались незначительным поводом для проведения забастовки, носившей политический характер. При ликвидации забастовки погибли 2 рабочих, 8 были ранены. //Рабочее знамя. - 1918. - 16 июля.

21. //Дело рабочего. - 1918. - 4 июля.

22. //Рабочее знамя. - 1918. - 20 июля.

23. По данным профсоюзной печати, на съезде присутствовало 140 делегатов, представляющих 160 тыс. рабочих и служащих Сибири, а также несколько организаций Европейской части страны. //Сибирский судоходец. - 1918. - 22 окт., //Рабочая жизнь. - 1918. - 20 окт.

24. //Рабочая жизнь. - 1918. - 20 окт.

25. ГАНО, ф.149, оп.1, д.145, л.5.

26. Конференция проходила 18 - 22 августа 1918 г., избрала руководящий орган - Сибирский областной комитет во главе с К.М.Молотовым, приняла решение о переходе всех парторганизаций на военное положение. Переходу большевиков на нелегальное положение способствовало и Временное Сибирское правительство. Изгнав коммунистов из местных самоуправлений и других общественных организаций, власть усилила позиции тех членов РКП(б), которые сразу после переворота призывали сосредоточить усилия на подготовке вооруженной борьбы и ограничить легальную деятельность.

27. По неполным данным, только в течение июня - августа в Сибири состоялось 16 массовых стачек. Половина из них были политические. //Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). - Новосибирск, 1982. - С.92.

28. Например, во время забастовки в Новониколаевске (в августе 1918 г.) местные коммунисты не только призвали рабочих вести непримиримую борьбу с "захватчиками власти", но предложили создавать тайные кружки, вооруженные отряды и быть готовыми по первому зову вступить в схватку.

29. Документы героической борьбы. - Красноярск, 1959. - С.75. Члены комитета считали, что всякая забастовка, начатая хотя бы с узкоэкономическими требованиями, будет, по существу, забастовкой политической и равносильна началу открытой борьбы с буржуазией.

30. Молотов К. Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть. - Саратов. - 1921. - С.36.

31. В письме, направленном в конце октября 1918 г. в ЦК РКП(б), А.Масленников писал, что благодаря "наличности всяких гадов, вплоть до интернационалистов в главных дорожных комитетах и советах профсоюзов (это результат выборов в июне, сразу после переворота), забастовка затягивалась". Низы, утверждал А.Масленников, сами "выступали". Сибирское бюро ЦК РКП(б). 1918-1920 гг. //Сб. докум. - Новосибирск, 1978. - С.52.

32. //Заря. -1918. -19 окт.

33. Сибирское бюро ЦК РКП(б). 1918-1920 гг. - С.57.

34. //Сибирское бюро ЦК РКП(б). 1918 - 1920 гг. - С.124. В.А.Кучеряев, анализируя решения 2-й и 3-й конференций, пришел к выводу, что они учитывали только общую картину падения активности профсоюзного движения в колчаковский период, наихудшие условия деятельности большевиков и профсоюзов и обходили стороной, не оценивали возможности более широкого и глубокого использования профсоюзов в революционных целях. Такие возможности, по мнению В.А.Кучеряева, были налицо даже в период колчаковщины, особенно в Иркутской губернии. Кучеряев В.А. Деятельность большевиков в профсоюзах Восточной Сибири в годы гражданской войны. 1918-1920 гг. - Автореф. дис. канд. ист. наук. - Томск, 1983. - С.16.

35. //Сибирский печатник. - 1919. - N 7. - С.1.

36. //Сибирский печатник. - 1919. - N 4. - С.3.

37. В публикациях "Зари" (г.Омск), "Сибирской жизни", "Сибирской речи" и других газет имеются довольно любопытные факты, проливающие свет на причины поражения отдельных восстаний и провалов ряда организаций сибирских коммунистов.

§ 8. Гражданская война в Сибири (1920 г.)

В течение нескольких десятилетий в советской историографии существовала устойчивая тенденция, в соответствии с которой завершение гражданской войны в Сибири датировалось концом 1919 г. - началом 1920 г. Такая трактовка обосновывалась тем, что именно в это время было осуществлено освобождение региона от белогвардейцев и интервентов, а также восстановление советской власти. Однако тенденция ограничивать окончание гражданской войны в Сибири рубежом 1919 - 1920 гг. существенно искажала реальную историческую картину. Она игнорировала многочисленные факты вооруженной борьбы, которая в начале 20-х гг. велась между местным населением, с одной стороны, и коммунистическими властями - с другой.

Думается, что появление и утверждение столь глубоко расходящейся с действительностью периодизации гражданской войны в Сибири не было случайным. Многочисленные восстания сибиряков против коммунистического режима, закончившиеся поражениями и сопровождавшиеся жестокими репрессиями, плохо вписывались в официальную героико-романтическую концепцию гражданской войны в России. Что же касается историков Сибири, то для них было предпочтительнее завершать тему гражданской войны на мажорной ноте (победой большевиков над Колчаком и интервентами), чем искать трудные ответы на сложные вопросы, поставленные очередным раундом вооруженной борьбы.

К тому же усилиями коммунистической пропаганды в советском обществе был сформирован идеологический стереотип, в соответствии с которым любая контрреволюционная акция - и тем более вооруженное выступление - рассматривалась как "черная", постыдная страница отечественной истории. Подобного рода события и факты не считались заслуживающими общественного внимания и представляющими научный интерес. Их предпочитали не изучать, а проклинать или, в лучшем случае, предавать забвению.

Сказанное выше во многом объясняет историографическую ситуацию, сложившуюся в области изучения вооруженного сопротивления так называемой диктатуре пролетариата в Сибири в начале 20-х гг. Методологическая установка, ориентировавшая исследователей датировать окончание гражданской войны в регионе ликвидацией колчаковского режима, и идеологический диктат КПСС отрицательно сказались прежде всего на масштабах исследования данной темы.

С математической точностью это подтверждено в библиографическом указателе, изданном в Новосибирске в 1973 г. Несмотря на неполноту данных, в нем тем не менее верно зафиксированы две прямо противоположные тенденции, существовавшие в историографии гражданской войны в сибирском регионе: прославление партизанско-повстанческой борьбы в 1918 - 1919 гг. против белогвардейцев и интервентов при одновременном замалчивании сопротивления, которое было оказано коммунистическому правлению в начале 1920 г. Если сочинения на первую тему насчитывали сотни наименований различного жанра и объема (в том числе десятки книг документального, мемуарного и исследовательского характера), то количество публикаций на вторую тему исчерпывалось всего двадцатью названиями, к тому же представленными в основном малоформатными изданиями (газетными статьями, тезисами докладов и т. п.)¹.

В настоящее время состояние изученности вооруженного сопротивления коммунистическому режиму в Сибири в 1920 г. можно охарактеризовать так. В актив советской историографии следует зачислить два достижения: во-первых, специальный анализ повстанческого движения на Алтае и в Томской губернии, а также сержского мятежа в Енисейской губернии²; во-вторых, изучение боевых действий частей Красной Армии, коммунистических формирований особого назначения (ЧОН) и милиции по подавлению антикоммунистических выступлений³. Благодаря этому было введено большое количество фактического материала, характеризующего, главным образом, военную сторону событий.

В то же время советской историографии присущи серьезные изъяны. Почти все указанные выше публикации были написаны на ограниченной и во многом тенденциозной источниковой базе: на материалах, имеющих коммунистическое и советское происхождение, поскольку документов самих повстанцев сохранилось мало, а те, которые сохранились, были практически недоступны исследователям. Специфическая источниковая основа и марксистская методология исследования, пронизанная идеологическими стереотипами и штампами, явились теми двумя главными факторами, благодаря которым сочинения советских историков оказались выполненными в апологетическом ключе и страдали дефицитом объективности, особенно на концептуальном уровне.

Наиболее серьезному искажению со стороны советских историков подверглось социально-политическое содержание вооруженной борьбы. Она трактовалась как преимущественно кулацкая по своим движущим силам, белогвардейско-эсеровская по политическому руководству, реставраторская по целям, а ее главной причиной назывались поиски контрреволюции.

Передача архивов КПСС на государственное хранение, рассекречивание части материалов, в том числе находившихся на государственном хранении документов органов ВЧК, упразднение монополии марксизма в области методологии - все это создало предпосылки для более полного и объективного изучения темы. В настоящей статье ставится задача на основе критического анализа имеющейся литературы и использования новых источников в обобщенной форме осветить ключевые вопросы антикоммунистического вооруженного движения в Сибири в 1920 г.: выявить время, причины возникновения восстаний и охваченную ими территорию; численность и состав участников мятежей, а также их военно-политическое руководство; цели, лозунги и практические действия повстанцев; меры, предпринятые советской властью для подавления мятежей; причины поражения, результаты и последствия повстанческого движения.

Официальная советская историография замалчивала наличие довольно широкого вооруженного движения, существовавшего в РСФСР на протяжении всей гражданской войны и направленного против правившего тогда политического режима. Как правило, она ограничивалась признанием только четырех наиболее крупных контрреволюционных выступлений: антоновщины, махновщины, Западно-Сибирского и Кронштадтского восстаний, которые датировались концом 1920 г. - началом 1921 г. Возникновение этих событий советские историки объясняли, главным образом, тремя обстоятельствами: политической неграмотностью трудящихся; их обманом и принуждением со стороны контрреволюции; наконец, недовольством крестьянства продовольственной разверсткой, которое после разгрома основных сил белогвардейско-монархической контрреволюции переросло в недовольство политикой "военного коммунизма" и советской властью как носительницей этой политики.

Сибирская действительность не вписывается в такую концепцию. Первое расхождение с общепринятой концепцией возникает при датировке возникновения восстаний, поскольку в Сибири вооруженные выступления начались еще весной 1920 г. и длились практически без перерыва до конца года. Перечень самых крупных из них, расположенных в хронологическом порядке, выглядит следующим образом.

Первым по времени в начале мая 1920 г. вспыхнул мятеж, охвативший так называемый Причерный край: восточную часть Барнаульского уезда и прилегающие к нему районы Бийского, Кузнецкого и Новониколаевского уездов. Подготовила и возглавила его группа бывших партизанских командиров, ранее боровшихся против Колчака. Самыми известными среди них были Г.Ф.Рогов, И.П.Новоселов, П.Ф.Леонов и И.Е.Сизиков, анархисты по своим взглядам. В оценке численности участников рогов-

ского мятежа, получившим такое название по имени его главного руководителя, военное командование и Алтайская губчека значительно разошлись. Если первое называло цифру в 800 человек, то председатель губчека И.И.Карклин утверждал, что их число составляло около 2 тысяч человек⁴.

Ликвидация "роговщины" шла к завершению, когда в конце июня - начале июля 1920 г. восстало население Степного Алтая. Первоначально новый мятеж охватил Александровскую, Алексеевскую, Ключевскую, Михайловскую, Покровскую, Родинскую и Сосновскую волости, находившиеся на стыке Змеиногорского, Славгородского и Семипалатинского уездов. Затем восстание стало стремительно распространяться в северном и северо-западном направлениях, захватив и юго-восточную часть Павлодарского уезда. Мятежники сформировали Народную повстанческую армию, имевшую 12 полков. По оценкам штаба 26-й стрелковой советской дивизии, численность Народной повстанческой армии достигала 18 тысяч человек⁵. Ключевыми фигурами среди ее командиров являлись бывший комиссар 1-го Алтайского полка партизанской армии Е.М.Мамонтова - Ф.Д.Плотников (житель села Высокое Боровской волости Барнаульского уезда, бедняк по своему имущественному положению) и уроженец станицы Ямышевской Павлодарского уезда есаул Д.Я.Шишкин.

Восстание в Степном Алтае близилось к своему апогею, когда в Западной Сибири вспыхнуло еще два крупных мятежа. Сначала в первых числах июля восстало население нескольких волостей северной части Новониколаевского уезда, к которым вскоре примкнули жители смежных волостей Барабинского (Каинского) уезда и заобской части Томского уезда. В связи с тем, что повстанцы, захватив город Колывань, пытались превратить его в свою административную "столицу", мятеж получил название "колыванского". В документах советских органов достоверных сведений об общей численности его участников не встречается. Судя по разрозненным данным, содержащимся в донесениях командиров частей советских войск, подавлявших колыванское восстание, численность его участников едва ли превышала 5 тысяч человек. Инициаторами колыванского восстания и его главными военными руководителями являлись крестьяне и служащие села Вьюны Чаусской волости, а также сын колыванского домовладельца В.А.Зайцев.

Второе восстание разразилось в середине июля в южной части Усть-Каменогорского уезда. Первоначально оно охватило казачьи станицы и поселки, расположенные в бассейне реки Бухтарма (отсюда закрепившееся за ним название "бухтарминское"). В дальнейшем к мятежникам примкнуло население нескольких волостей Зайсанского и Змеиногорско-

го уездов. Повстанческие отряды составили Народную армию численностью в 2,5 - 3 тысячи человек. Центром восстания являлась станица Больше-Нарымская, где находился штаб Народной армии во главе с его начальником А.С.Бычковым, а также временный повстанческий комитет, пытавшийся взять на себя руководство гражданскими делами.

Последнее, пятое по счету, крупное восстание в Западной Сибири в 1920 г. произошло в 20-х числах сентября в Мариинском уезде. Оно захватило Колеульскую, Колыонскую, Мало-Песчанскую, Почитанскую и Тюменевскую волости, расположенные к северу от Транссибирской магистрали в промежутке между железнодорожными станциями Бериккульская и Ижморка. Подготовкой и осуществлением мятежа руководил бывший командир партизанского отряда крестьянин-середняк из деревни Святославка Мало-Песчанской волости П.К.Лубков, по имени которого и называется это выступление. В документах военных и советских органов численность восставших определяется в 2,5 - 3 тысячи человек⁶.

Осенью 1920 г. своеобразную эстафету восстаний от Западной Сибири как бы приняла Восточная. Первые волнения начались здесь в сентябре 1920 г. в Тагинской волости Балаганского уезда. Во второй половине октября - начале ноября мятежами оказалась охвачена внушительная по своим размерам территория, находившаяся на стыке Балаганского, Иркутского и Черемховского уездов, включавшая в себя Голуметскую, Дмитриевскую, Евсеевскую, Заларинскую, Идинскую, Кахинскую, Молькинскую, Ново-Удинскую, Осинскую, Тихоновскую и Улейскую волости. Одновременно вооруженные выступления произошли в Верхоленском (Ангинская, Бирюльская, Качутская, Куленгская волости) и Киренском (Казачинская, Мартыновская волости) уездах. Численность мятежников в каждой из этих волостей, как правило, колебалась в пределах от одной до трех сотен человек. Наиболее известным и авторитетным руководителем повстанцев первого района являлся крестьянин-бедняк Евсеевской волости, унтер-офицер Д.П.Донской, во втором районе - Н.П.Большедворский, являвшийся в 1917 г. комиссаром Временного правительства Верхоленского уезда и главой уездной администрации Временного сибирского правительства во второй половине 1918 г., а также житель пригородного села Куртухай А.Г.Черепанов, имевший крупное крестьянское хозяйство, занимавшийся к тому же торговлей и являвшийся совладельцем пристани в Качуге.

В середине октября 1920 г. вспыхнул мятеж в северо-западной части Красноярского уезда, в котором приняло участие население Зелеевской, Михайловской, Мининской, Покровской, Сухобузимской, Шерчульской и Шилинской волостей. В начале ноября произошли восстания в Назаровской, Подсосенской, Серезской и Ястребовской волостях

Ачинского уезда, а в середине ноября - в Амонашевской волости Канского уезда. В каждом из трех уездов численность восставших не превышала тысячи человек. Пожалуй, самой крупной фигурой среди повстанческих руководителей Енисейской губернии являлся полковник А.Р.Олиферов. Отряд, которым он командовал, в течение осени 1920 г. - весны 1921 г. последовательно прошел с боями Красноярский, Енисейский, Томский, Мариинский, Ачинский и Минусинский уезды.

На основании имеющихся данных - разрозненных и весьма приближенных - нельзя назвать точную цифру повстанцев. Общая численность мятежников Сибири в 1920 г. может быть определена лишь ориентировочно. Скорее всего, она колебалась в диапазоне от 27 до 35 тысяч человек.

Традиционно советские историки относили Сибирь к регионам, в которых классовая борьба носила особенно широкие масштабы и наиболее острый характер. Объяснение этому явлению они обычно находили в зажиточности местного крестьянства и в высоком удельном весе кулачества, в наличии здесь большого количества остатков колчаковщины, в слабости советской власти. Эти общие соображения не вызывают возражений. Однако они не дают ответа на вопросы о том, почему произошло то или иное восстание, почему оно случилось именно в том месте и именно в то время, а ни в какое другое.

Анализ конкретных причин вооруженных выступлений сибиряков против коммунистического режима сопряжен с большими трудностями, обусловленными состоянием источниковой базы. Документов самих повстанцев, которые давали бы прямые ответы на этот вопрос или имели хотя бы опосредованную информацию, существует немного. Материалы противоположной стороны, как правило, содержат сведения, уже подвергшиеся интерпретации через призму коммунистической идеологии. Но в методологическом отношении совершенно бесспорно, что вооруженный протест населения Сибири был вызван широким спектром реальных причин, затрагивавших его коренные интересы, и в каждом конкретном случае эти причины были разные.

Если говорить о роговском мятеже, то его ни в коем случае нельзя связывать, как это делают некоторые историки, с недовольством населения продовольственной политикой советской власти. Дело в том, что на волости, явившиеся исходным пунктом роговского выступления, первая в Алтайской губернии разверстка хлебофуража не назначалась совсем (Мариинская, Хмелевская) либо была минимальной (Борисовская - 4 тыс. пудов, Озерно-Титовская - 13,6, Залесовская - 21,7, Дмитро-Титовская - 45,6 тыс. пудов) и необременительной для местного крестьянства ⁷.

В действительности руководимое Роговым восстание было обусловлено рядом других обстоятельств. Прежде всего "роговщина" стала ответной реакцией на принудительное разоружение и расформирование партизан Причерного края, осуществленных по приказу советского командования в довольно жесткой форме в конце 1919 г. - начале 1920 г. в Кузнецком и Щегловском уездах. Другим фактором явилось недовольство части населения Причерного края политикой, проводимой коммунистами в сфере государственного и военного строительства: созданием назначенных сверху ревкомов вместо избранных советов; использованием буржуазных специалистов в советских учреждениях и в Красной Армии. Сказалось также обстоятельство личного характера: арест многих партизанских командиров и избиение Г.Ф.Рогова в Новониколаевской чека ⁸.

Иными были главные причины, приведшие к восстанию в Степном Алтае, который всего годом раньше - во второй половине 1919 г. - послужил основной базой формирования партизанской армии Е.М.Мамонтова. Здесь со времени восстановления советской власти непреходящим доминирующим фактором являлось неприятие населением - особенно бывшими партизанами - того, что коммунисты узурпировали политическую власть. Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что с 8 февраля по 18 апреля 1920 г. Алтайская губерния находилась на чрезвычайном положении по борьбе с контрреволюцией ⁹.

К недовольству установлением коммунистического всевластия сначала добавилось нежелание многих бывших партизан служить в Красной Армии, а затем отказ от принятия и выполнения продразвертки. Статистические данные о ходе выполнения хлебофуражной развертки в Славгородском уезде не оставляют в этом никакого сомнения. К началу июля 1920 г. из 157047 пудов назначенной на нее хлебофуражной развертки Каипская волость сдала всего 1518 пудов, по Ключевской волости эти показатели составили соответственно 202625 и 9876 пудов, по Михайловской - 142651 и 244, по Покровской - 539592 и 2527, по Родинской - 297303 и 20815 пудов ¹⁰.

Продовольственная политика советской власти оказала огромное влияние на развитие событий в районе будущего колыванского мятежа. Особенно повлияли на настроение и поведение местного населения приказ №42 Томского губревкома и губпродкома от 19 июня и распоряжение Томского губпродкомиссара Ф.Н.Иванова-Павлова от 20 июня 1920 г. Первый из них предписывал местным советским органам - под угрозой предания суду ревтрибунала и заключения в концлагерь в случае его невыполнения - немедленно приступить к принудительному обмолоту хлебофуража и обязательно завершить его до 10 июля. Второй документ

обязывал уездные исполкомы советов и продкомы привлечь сельские ячейки РКП(б) и бедноту для производства повальных обысков в кулацких хозяйствах с целью изъятия всех излишков¹¹. Директивы губернского центра стали активно претворяться в Новониколаевском уезде в жизнь. Кроме того, сюда для проведения разверстки были направлены продотряды и части продармии.

Однако роль продразверсточного фактора в возникновении колыванского мятежа не следует абсолютизировать. Он не только не был единственным, но и даже решающим. В противном случае невозможно понять почему в восстании - наряду с населением Каменской, Крутологовской, Ново-Тырышкинской, Федосовской и Чаусской волостей, на которые действительно была назначена большая продразверстка, - активное участие приняло население Баксинской, Дубровинской и Тоя-Монастырской волостей, совершенно не затронутые хлебофуражной разверсткой, а также жители Колывани¹². К тому же, как свидетельствовало руководство отдела управления Новониколаевского уездного исполкома советов, организационно-пропагандистская работа по подготовке восстания широко велась в Колыванском районе задолго до перехода к принудительной разверстке¹³.

Возникновение следующего по времени бухтарминского мятежа нужно прежде всего отнести на счет исключительной остроты отношений между разными категориями местного населения. Дело в том, что за время революции и гражданской войны здесь резко обозначились две крайние группы: с одной стороны, казачество и старожилы, ставшие опорой контрреволюции, с другой - часть крестьянской бедноты, которая сначала создала партизанские отряды для борьбы против Колчака, а после восстановления советской власти организовала коммунистические ячейки. Эти комячейки взяли на себя роль, аналогичную той, которую в 1918 г. сыграли в Европейской России комитеты бедноты. Они стали заниматься переделом земли, скота, личного имущества, за что снискали к себе ненависть большей части местного населения. Продразверстка и трудовая мобилизация на заготовку леса в верховьях Иртыша послужили дополнительными обстоятельствами, переполнившими чашу терпения и побудившими казаков и старожиллов взяться за оружие¹⁴.

Что же касается лубковского восстания, то оно последовало вскоре после введения продразверстки 1920\1921 гг. Но объявление новой разверстки явилось скорее предлогом для открытого вооруженного выступления и благоприятным обстоятельством для увеличения численности участников мятежа, чем его главной причиной. На самом деле к подготовке восстания Лубков приступил задолго до сентября, о чем советские органы были хорошо информированы. Главные мотивы мятежа лежали

не в экономической сфере, а преимущественно в политической плоскости. В частности, не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что в начале 1920 г. П.К.Лубков был арестован и военно-революционным трибуналом 5-й армии осужден на пять лет лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора¹⁵.

Во многих документах партийно-советских органов, в которых анализируются причины мятежей в Восточной Сибири, в качестве главной из них называется наступление осенних холодов, побудивших бывших колчаковских приверженцев и дезертиров Красной Армии, скрывавшихся ранее от советского правосудия в тайге, покинуть свое убежище и искать новое пристанище.

Отрицать влияние природно-климатического фактора на усиление вооруженной борьбы в Восточной Сибири осенью 1920 г. неправильно. Но еще более неверно считать его роль решающей. Материалы военных и особенно судебно-следственных органов свидетельствуют о том, что подавляющее большинство рядовых участников и руководителей мятежей было не пришлыми, а местными жителями. Непосредственными же причинами, толкнувшими их на вооруженные выступления, стали объявление с 1 сентября 1920 г. новой продразверстки, мобилизация унтер-офицеров и военнообязанных 1889 - 1890 гг. рождения¹⁶.

Как уже упоминалось, все контрреволюционные восстания квалифицировались в советской историографии как кулацкие по составу и белогвардейско-эсеровские по своему руководству. Отмечу, что эти суждения не являлись результатом специального изучения вопроса. Предварительного анализа состава повстанцев и их руководителей, лозунгов, программ и целей движения, необходимого для получения научных выводов по данной проблеме, историки не предпринимали. Они пошли по самому простому и легкому пути: некритически заимствовали и механически перенесли в научную литературу оценки, содержащиеся в партийно-советских документах и в коммунистической печати эпохи гражданской войны. Последние же формулировались по примитивной схеме, плохо соотносившейся с реалиями жизни: если ты противник большевиков - значит обязательно кулак или помещик, эсер или кадет, белогвардеец или монархист. Особенно "повезло" термину "белогвардеец", который вообще был лишен каких-либо конкретных критериев и границ и превратился в собирательное ругательное слово, обозначающее в советском лексиконе всех противников РКП(б).

Чтобы эти утверждения не показались досужим домыслом, сошлюсь на конкретные факты. Весьма показателен в этом отношении случай с Г.Ф.Роговым. 6 мая 1920 г. Алтайское губернное организационное бюро РКП(б), обсудив информацию о мятеже в Причерномском крае, приняло

решение назвать Рогова, который в течение полутора лет с оружием в руках боролся против контрреволюционных властей, но не нашел общего языка с коммунистами, "белогвардейцем" ¹⁷.

Аналогичная судьба вскоре постигла Ф.Д.Плотникова, правда, с той лишь разницей, что в коммунистической печати его систематически называли не только белогвардейцем, но и - вопреки фактам - правым эсером, колчаковским подручным и даже агентом царской охраны ¹⁸. Делалось это умышленно и с одной целью: для дискредитации в прошлом популярного в крестьянской среде земского деятеля и комиссара партизанского полка.

Замечу, усилия коммунистов по обработке массового сознания не прошли бесследно. Приведу только один, но весьма показательный пример. В начале июля 1920 г. уполномоченный Алтайской губчека Дубов и командир коммунистического отряда особого назначения Неумягин получили задание арестовать семью Ф.Д.Плотникова. Выяснив ее местожительство, они обнаружили, что этот колчаковский "золотопогонник" "имущественного состояния почти совсем не имеет", о чем и доложили, не скрывая своего удивления, руководящим инстанциям ¹⁹.

Архивные источники, ставшие доступными исследователям в последние годы, позволяют утверждать, что в мятежах 1920 г. приняли участие все слои населения Сибири, за исключением рабочих. В рядах повстанцев были крестьяне и казаки, кустари и торговцы, интеллигенты и инородцы. Правда, степень участия разных категорий населения не являлась одинаковой. Наибольшей активностью отличались интеллигенты, особенно бывшие офицеры и священники, а также казаки. Однако в численном отношении среди повстанцев преобладали крестьяне.

Социальный состав участников разных восстаний также не был одинаковым. В известной мере такое различие отражало специфику населения разных районов. Главной фигурой большинства мятежей являлись русские крестьяне, причем в их числе находились представители всех социальных групп: старожилы и новоселы, кулаки, середняки и бедняки. В то же время отличительной чертой бухтарминского выступления было преобладание казаков. Довольно высокий удельный вес казаков был также среди повстанцев Степного Алтая. Татарское население активно участвовало в лубковском восстании, а бурятское - в мятежах, происшедших в Балаганском, Верхоленском и Иркутском уездах.

Нельзя не отметить активность еще одной категории населения - бывших партизан, ранее сражавшихся против Колчака. Они составили руководящее ядро роговского и лубковского мятежей. Заметный процент бывших партизан имелся в Народной повстанческой армии Степного Алтая. Да и территориально роговское и лубковское восстания практи-

чески полностью совпали с районами действия партизанских отрядов Рогова и Лубкова против белогвардейских властей, а главные центры формирования Народной повстанческой армии - с опорными пунктами партизанской армии Е.М.Мамонтова и 4-го корпуса М.В.Козыря.

В настоящее время исследователи располагают довольно обширным комплексом документов, позволяющим составить конкретное представление как о персональном, так и о социальном составе рядовых участников, активистов и руководителей повстанческого движения в Сибири. Это - списки арестованных, приговоренных к различным срокам лишения свободы и расстрелянных советскими властями участников роговского, колыванского, лубковского, сержского, голопуповского мятежей и Народной повстанческой армии. Указанные документы позволяют однозначно утверждать, что основную массу мятежников составляли трудящиеся, крестьяне и казаки - бедняки и середняки по своему социальному статусу ²⁰. Тем самым опровергается тезис советской историографии о кулацком характере повстанческого движения в Сибири в 1920 г.

В порядке иллюстрации к сказанному приведу лишь одну "маленькую картинку". На основании анализа захваченных повстанческих документов (списков командного состава, боевых приказов и донесений, протоколов военных и делегатских совещаний) Семипалатинская губчека выявила среди взятых в плен мятежников 500 организаторов, руководителей и активистов Народной повстанческой армии. К середине октября 1920 г. предварительное следствие по 300 из 500 арестованных было проведено. К большому удивлению чекистов, среди 300 "главарей" лишь 15 - 20 человек по своему социальному положению попадали под определение "кулак". Все же остальные оказались середняками и бедняками, большинство из которых руководство губчека сочло возможным освободить ²¹.

Советские историки не отрицали участия трудящихся в контрреволюционных восстаниях. Объяснение этому феномену они находили в политической неграмотности бедноты и середняков, в широте и клеветническом содержании антикоммунистической агитации, в принуждениях со стороны мятежных главарей.

Едва ли имеет смысл обсуждать идеологический артефакт, в соответствии с которым рабочие и крестьяне, несогласные с коммунистическими порядками, зачислялись в разряд "политически несознательных".

Невелико было реальное значение и второго фактора. Очевидно, что никакая антикоммунистическая агитация, которая, конечно же, имела место и влияла на настроение населения, не могла сравниться по масштабам и конкурировать по эффективности с коммунистической, поставленной на государственную основу. А самое главное - не в традициях

сибирских крестьян, отличавшихся здоровым прагматизмом, было совершать серьезные поступки только под влиянием слухов.

Намного серьезнее вопрос о роли принуждения как средства вовлечения трудящихся казаков и крестьян в ряды повстанцев. Архивные источники свидетельствуют, что в большинстве случаев лидеры мятежников действительно прибегали к мобилизации местного населения. Кроме того, в показаниях сдавшихся и взятых в плен повстанцев почти всегда говорится об их принудительной мобилизации. Тем не менее сказанное не означает, что именно мобилизации обеспечили приток основного контингента мятежников. Ведь для их проведения требовался аппарат принуждения, которого у организаторов восстаний не имелось. Что же касается показаний пленных, то тенденциозность их заявлений очевидна: только статус мобилизованного позволял им избежать расстрела по приговору чека или военно-революционного трибунала.

Источники не оставляют сомнения в том, что те, кто в рядах повстанцев оказался не по своей воле, избегали участия в боях, при первой возможности дезертировали или сдавались красным войскам. Большинство же добровольцев, вооруженных преимущественно дубинками, пиками, вилами и охотничьими ружьями, самоотверженно дрались с частями регулярной Красной Армии, использовавшими против них пулеметы и даже артиллерию. Бои под Большой Владимировкой Семипалатинского уезда за Большой Форпост, Волчиху и Каип Славгородского уезда, в деревне Галкино Павлодарского уезда, в районе Зыряновского рудника и за волостное село Большой Серж Ачинского уезда длились часами.

Сохранилось важное свидетельство о настроении, которое царило в повстанческой среде в период его наивысшего подъема, летом 1920 г. Оно принадлежит особоуполномоченному Алтайской губернской чрезвычайной "пятерки" по борьбе с дезертирством и бандитизмом А.В. Толоконникову, который в недавнем прошлом сам был одним из руководителей антиколчаковского партизанского движения в Степном Алтае. А.В. Толоконников докладывал чрезвычайной "пятерке": "Будь бы в этот момент народного негодования [среди повстанцев] не только Плотников, Шишкин, Иванов, а хотя бы сам дьявол, который особенно страшен религиозным людям, которых в деревне в достаточном количестве, и [который] сказал бы: "Бей инструкторов и советработников и местных коммунистов, которые послужили орудием в деле неопытных инструкторов", - они бы бросились все, как один, с пиками в руках. [...] Некоторые из верных товарищей свидетельствуют, что кто-то среди повстанцев во время восстания пустил молву, что, якобы, среди них атаман Анненков и бьет коммунистов. Крестьяне от этого ликовали; также [эти товарищи]

особенно подчеркивают, что такое было у повстанцев в то время негодование, какого не наблюдалось и в восстании против Колчака" ²².

Точно также не выдерживает проверки на фактическую достоверность другой тезис советской историографии - о белогвардейско-эсеровском руководстве повстанческим движением, хотя в партийно-советских документах тех лет оба эти определения в разных комбинациях постоянно присутствуют при характеристике практически всех мятежей.

Конкретный анализ состава руководителей повстанцев дает основание утверждать, что большинство из них являлись местными жителями из числа трудящихся казаков и крестьян. Относительно много бывших колчаковских офицеров и служащих на первых ролях оказалось только в колыванском восстании (Вьюнский штаб и Колыванский окружной исполнительный комитет), в повстанческих отрядах Верхоленского и Красноярского уездов. Участие эсеров было и того меньше и в лучшем случае исчислялось единицами. Даже в Народной повстанческой армии Степного Алтая, создание и руководство которой местное губоргбюро РКП(б) первоначально приписывало Сибирскому крестьянскому союзу, чекистам при всем усердии не удалось обнаружить даже зачатка эсеровской организации. В докладе председателя Сибревкома И.Н.Смирнова, в начале 1921 г. направленном В.И.Ленину, констатировалось: "Кое-где была видна рука социалистов]-революционеров, но расследование показало, что социалисты]-революционеры], как организация, в этом восстании участия не принимали, отдельные же их члены, плохо связанные партийной дисциплиной, вовлекались в движение" ²³.

Разнообразие породивших восстания причин, неоднородность социального состава мятежников и отсутствие единства в политических ориентациях их руководителей обусловили различие задач и целей, преследовавшихся повстанцами. Одни из них выступали за советы без коммунистов, другие - за свержение советской власти и установление безвластия, третьи - за Учредительное собрание, четвертые - за организацию буфера по типу Дальне-Восточной республики, пятые - за восстановление монархии. Случалось, что в ходе одного и того же восстания - например, колыванского, лубковского и сержевского - выдвигались разные и даже взаимоисключающие лозунги.

Кроме названных выше лозунгов, выставлялись также требования отменить продразверстку и мобилизацию военнообязанных, разрешить свободную торговлю и самогонаварение; в воззваниях П.К.Лубкова и сержевских повстанцев звучали антисемитские, а в обращениях Г.Ф.Рогова и его сторонников - антиинтеллигентские и антибуржуазные мотивы.

Несмотря на такую широкую палитру политических требований, все же основная масса сибирского населения поднялась на вооруженную

борьбу под лозунгом "Долой коммунистов, да здравствует советская власть!". Именно этот лозунг доминировал среди повстанцев Степного Алтая и Бухтарминского края, Кольванского и Заобского районов, присутствовал у лубковцев, сержских, голопуповских и некоторых других мятежников²⁴. В нескольких повстанческих отрядах Степного Алтая и Кольванского района имелись красные знамена и использовалось для обращения друг к другу слово "товарищ". А в воззвании Волчихинского районного штаба к населению содержалось даже такое обещание: "Сибирь не хочет заморить голодом родную ей Россию. Сибирь даст все, что может, для голодной России, а также и для борьбы с русской и иностранной буржуазией"²⁵.

В большинстве случаев практические действия мятежников выражались в убийствах коммунистов и продовольственных работников, в разгроме сельскохозяйственных коммун, артелей и совхозов, в прекращении продовольственных заготовок, в мобилизации населения в свои ряды, в создании военных органов управления, боевых отрядов и дружин самообороны. Как общее правило, местные советские органы, если они состояли из коммунистов, также подвергались разгрому; но те из них, которые состояли из беспартийных, сохранялись и продолжали свою работу. Более того, члены и сотрудники некоторых сельских советов и волостных исполкомов (например, многие сельсоветы и волисполкомы Бухтарминского края и Кольванского района, Родинский волисполком, Волчихинский и Ново-Кормихинский сельсоветы Славгородского уезда, Верхне-Амонашский сельсовет Канского уезда) приняли активное участие в организации мятежей и формировании вооруженных сил повстанцев.

Исключение из этого ряда составили, пожалуй, только роговцы и отряд Олиферова, действия которых были направлены не только против коммунистов, но и на свержение советской власти. Однако дальнейшие намерения роговцев и олиферовцев принципиально расходились. Если первые призывали рабочих и крестьян к осуществлению истинной социальной революции, установлению на местах народного самоуправления и созданию подлинно трудовых коммун, то вторые намеревались восстановить монархический строй.

Таким образом, квалифицировать повстанческое движение в Сибири в 1920 г. как направленное на реставрацию старого буржуазно-помещичьего строя нет совершенно никаких оснований. Точно также неправомерно называть его, за исключением роговского и олиферовского районов, антисоветским. Более правильно характеризовать политические устремления большинства сибирских повстанцев как антикоммунистические (и в этом смысле - контрреволюционные), имевшие целью установление

советской власти, избавленной от коммунистического диктата. Вопросы о том, в какой мере руководители мятежников были искренни, публично формулируя такие цели, и в какой мере эти цели можно было реализовать на практике, в данной статье не обсуждаются. Замечу только, что без элементов обмана и самообмана в обоих случаях не обошлось.

Для подавления повстанческого движения коммунистическое руководство Сибири использовало крупные вооруженные силы. На Алтае и в Семипалатинской губернии главную роль в разгроме мятежей сыграли регулярные части Красной Армии, имевшие богатый боевой опыт: 26 и 59-я стрелковые и 13-я кавалерийская дивизии. В Иркутской губернии эту миссию выполнила 35-я стрелковая дивизия, а лубковско-го мятежа - батальон 268 полка 30-й стрелковой дивизии. Наряду с полевыми войсками широко использовались части войск внутренней охраны (ВОХР) и войск внутренней службы (ВНУС), войска железнодорожной обороны, караульные части гарнизонов губернских и уездных городов, а также различные добровольческие формирования, создававшиеся из местных коммунистов, советских работников, сотрудников милиции и красных партизан.

Необходимо отметить, что в борьбе с сибирскими повстанцами широко использовались элитные части Красной Армии, состоявшие в основном из членов РКП(б): особые отряды 26 и 35-й стрелковых дивизий, Западно-Сибирского военного округа и Томского губвоенкомата; образцовый отряд высшей военной школы Сибири; несколько пехотных и инженерных курсов командного состава; батальоны ВОХР, обслуживавшие Алтайскую и Томскую губернии чека, и интернационалисты.

Восстания, плохо организационно подготовленные и во многом носившие характер стихийного протеста, вспыхивавшие в разное время и без связи друг с другом, были довольно быстро подавлены. Менее чем за две недели были разбиты лубковский и сержский мятежи. Примерно за две недели было покончено с бухтарминским, голопуповским и кольванским выступлениями. Долше всех - около двух месяцев - продержались роговцы и повстанцы Степного Алтая: первые - за счет того, что избегали вступать с красноармейскими частями во встречные бои, вторые - благодаря своей большой численности и маневренности. С военной точки зрения, поражения повстанцев были закономерны, поскольку по всем параметрам, начиная от численности и вооружения и кончая состоянием организации и управления, они уступали частям Красной Армии.

Подавление мятежей - пожалуй, за исключением роговского, который был первым по времени, - осуществлялось исключительно жестоко. Лучшее всего об этом говорят скудные цифры боевых потерь противобор-

ствовавших сторон. Так, 12 июля 1920 г. в результате боя за деревню Большая Владимировка Семипалатинского уезда красные потеряли 4 человека убитыми и 31 человек был ранен, у повстанцев же было убито около 100 человек и много ранено. 13 июля в бою за село Волчиха Славгородского уезда красные имели одного убитого и 12 раненых, тогда как повстанцы - около 900 человек только убитыми, большинство из которых были зарублены бойцами 1-го кавалерийского дивизиона 87-й бригады ВОХР. 25 и 26 сентября в Маринском уезде состоялись два боя между красным отрядом под командой А.С.Емельянова и лубковцами. Во время первого боя у красных был всего один раненый, лубковцы же потеряли целый батальон; во время второго боя потери составили соответственно 2 убитых и 2 раненых - у первых и около 400 убитых, много раненых и пленных - у вторых. Двое убитых и 7 раненых у красных, 80 убитых и 179 пленный у повстанцев - таковы были результаты состоявшегося 14 ноября 1920 г. боя за деревню Голопуповку (Верхний Амонаш) Канского уезда²⁶. Красноармейцы одного 226-го Петроградского полка 26-й стрелковой дивизии за 13 - 17 июля 1920 г. в пяти селах Славгородского уезда убили примерно 1600 мятежников²⁷.

Повстанцы гибли не только в боях. Командиры и политработники красных частей, армейские чекисты и трибунальские работники, случалось - и рядовые бойцы без суда расстреливали пленных мятежников, особенно если последние принадлежали к числу руководителей, активистов или были дезертирами Красной Армии. Например, в ходе ликвидации кольванского мятежа советские отряды расстреляли около 250 человек²⁸. Почти в каждой деревне Каинской и Покровской волостей Славгородского уезда потери убитыми и расстрелянными составили от трех до семи десятков человек, и примерно такое же количество жителей было подвергнуто арестам²⁹.

В последующем сотни арестованных повстанцев были приговорены чрезвычайными комиссиями и военно-революционными трибуналами к высшей мере наказания или к различным срокам лишения свободы. За три заседания (11, 23 и 29 июля) Кольванское отделение Новониколаевской уездной чека приговорило к расстрелу 61 человека; в середине августа по приговору Новониколаевской и Томской чека было расстреляно еще 56 человек. 75 участников сержского и 32 участника голуметского восстаний получили высшую меру наказания по приговорам выездных сессий военно-революционного трибунала Восточно-Сибирского сектора войск ВНУС и Иркутского губревтрибунала³⁰.

Разгром мятежей существенно изменил общественно-политическую ситуацию в Сибири. Заметно увеличилось количество и численность коммунистических ячеек в деревне, возросла их активность. Они почти

повсеместно вооружились, сформировали боевые партийные отряды, приступили к вылавливанию остатков скрывавшихся повстанцев и дезертиров, к конфискации и перераспределению имущества между богатыми и пострадавшими от мятежников бедняками. Деревни, жители которых приняли участие в восстаниях, были вынуждены в кратчайшие сроки выполнить продразверстку, гужевые и другие трудовые повинности. Произвол коммунистических властей в сибирской деревне резко возрос, в частности, широкое распространение получил красный бандитизм³¹.

Несмотря на ухудшение своего положения, на усиление недовольства политикой РКП(б), население тех районов Сибири, в которых весной - осенью 1920 г. произошли восстания, больше не пыталось оказать вооруженное сопротивление коммунистическому режиму. В сводке Алтайской губчека за первую половину октября 1920 г. пассивность населения трактовалась таким образом: "Отсутствие восстаний и искоренение бандитизма объясняются запуганностью крестьянина донельзя, с одной стороны, с другой - силой оружия совет[ских] войск"³².

С заключением руководства столь осведомленного органа нельзя не согласиться. Террор и насилие стали теми двумя главными факторами, с помощью которых коммунистический режим подавил открытое сопротивление своих противников и обеспечил себе очередную победу. Именно в этом заключался основной итог и состоял главный урок гражданской войны в Сибири в 1920 году.

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда гуманитарных исследований.

1. Сибирь и Дальний Восток в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной военной интервенции и гражданской войны (март 1917 - 1920 гг.). Библиографический указатель. Новосибирск, 1973. - С. 139 - 167, 194 - 195.

2. [Померанцев П.Е.] Повстанческое движение в Алтайской губернии в 1920 году (1 мая - 1 октября 1920). - Ново-Николаевск, 1922; Шишкин В.И. О социальной природе антисоветских вооруженных выступлений в сибирской деревне (конец 1919 - начало 1921 г.) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. - Новосибирск, 1976; Он же. Из истории борьбы коммунистической партии и советской власти против анархизма в Западной Сибири в 1919 - 1920 гг. // Классовая борьба в сибирской деревне в период построения социализма. - Новосибирск, 1978; Он же. Из истории классовой борьбы в Сибири в 1920 г. (Лубковщина и ее крах) // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия

общественных наук. - 1980. - Вып. I. - N1; Он же. Еще раз о Рогове и "роговщине" // Октябрь и гражданская война в Сибири. (История, историография, источниковедение). - Томск, 1985; Он же. Сerezжский мятеж // Исторический опыт освоения Сибири. - Красноярск, 1989; Он же. Колыванский мятеж (Документальная хроника) // Сибирские огни. - Новосибирск, 1990. - N10.

3. Померанцев П.Е. Красная Армия Сибири на внутреннем фронте. (Борьба с восстаниями в тылу за 1920 - 22 гг.) // Красная Армия Сибири. - Ново-Николаевск, 1923. - N 3-4; Богданов М.А. Из истории борьбы против мелкобуржуазной контрреволюции на Алтае в 1920 году // Ученые записки Ульяновского гос. пед. института. Серия общественных наук. - 1966. - Т. 22. - Вып. 1; Он же. Разгром колыванского мятежа в 1920 г. // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию великого Октября. - Томск, 1967; Он же. Разгром антисоветских мятежей осенью 1920 года в Сибири // Вопросы истории СССР. - Ульяновск, 1974; Николаев П.Ф. Советская милиция Сибири (1917-1922 гг.). - Омск, 1967; Шуклецов В.Т. Ликвидация колыванского кулацко-эсеровского мятежа (июль 1920 г.) // Научные труды Новосибирского гос. пед. института. - 1972. - Вып. 83; Абраменко И.А. Коммунистические формирования - части особого назначения (ЧОН) Западной Сибири (1920-1924 гг.). - Томск, 1973.

4. РГВА, ф.42, оп.1, д.967, л.62.

5. РГВА, ф.1317, оп.2, д.940, л.25; ф.17536, оп.1, д.11, л.23 - 24.

6. ГАНО, ф.р.1, оп.1, д.312, л.8; РГВА, ф.17534, оп.1, д.70, л.89.

7. // Бюллетень Алтайского губернского продовольственного комитета. - Барнаул, 1920. - N2. - С. 25 - 26.

8. ГАНО, ф.П.1, оп.2, д.2, л.34; ГАТО, ф.р.53, оп.1, д.2, л.76; Шишкин В.И. Еще раз о Рогове и "роговщине". - С.111 - 118.

9. Шишкин В.И. Козыревщина и ее ликвидация. (Из истории борьбы против сибирской "партизанщины") // Классовая борьба в сибирской деревне в переходный период; Он же. Борьба большевиков за объединение сибирских партизан с Красной Армией (декабрь 1919 - апрель 1920 г.) // Большевики во главе трудящихся масс Сибири в трех российских революциях. - Новосибирск, 1986. - С.89 - 91, 97 - 101.

10. ГАНО, ф.р.4, оп.1, д.492, л.129.

11. ГАНО, ф.р.4, оп.1, д.102, л.57; ТОЦДНИ, ф.1, оп.1, д.6, л.49.

12. ГАНО, ф.р.4, оп.1, д.492, л.85.

13. РГВА, ф.7, оп.5, д.144, л.1.

14. ГАНО, ф.П.1, оп.1, д.154, лл.68 - 69; оп.3, д.10, л.5 - 6; ГАСО, ф.72, оп.1, д.19, л.192; д.21, лл.154, 162; оп.3, д.2, л.164; // Советская Сибирь (Омск). - 1920 г. - 19 сент.

15. ГАТО, ф.р.521, оп.1, д.31, лл.84, 423; РГВА, ф.42, оп.1, д.1896, л.16; ТОЦДНИ, ф.1, оп.1, д.317, лл.145 - 148.

16. АФ ГАКК, ф.р.16, оп.1, д.48, л.32, 106-108; д.90, л.151; ГАКК, ф.р.742, оп.1, д.36, л.14; ГАКК, ф.р.1779, оп.1, д.2(3), лл.185-187; ИОЦДНИ, ф.1, оп.1, д.666, л.1 - 2; // Власть труда (Иркутск), 4 ноября 1920 г.; // Крестьянин и рабочий (Ачинск). - 1920 г. - 9 и 12 декаб.

17. ГААК, ф.п.2, оп.1, д.1, л.100.

18. ГАНО, ф.р.1, оп.1, д.60а, л.166; // Красный Алтай (Барнаул). - 1920 г. - 27 окт.

19. РГВА, ф.17590, оп.1, д.62, л.9.

20. ГАНО, ф.п.5а, оп.1, д.288, л.27; ф.р.467, оп.1, д.45, лл.34-36, 86-96, 98-101; // Советская Сибирь. - 1920 г. - 16 окт. По свидетельству особоуполномоченного Алтайской губернской чрезвычайной "пятерки" по борьбе с дезертирством и бандитизмом А.В.Толоконникова, среди повстанцев были "люди беднее бедных". (См.: ГААК, ф.р.9, оп.1, д.108, л.45).

21. РГВА, ф.17529, оп.1, д.15, л.144.

22. ГААК, ф.р.9, оп.1, д.108, л.45.

23. ГАНО, ф.р.1, оп.2, д.45, л.4.

24. АФ ГАКК, ф.р.16, оп.1, д.90, лл.148, 151; ГААК, ф.п.2, оп.1, д.9, лл.121, 2-3; ГАНО, ф.п.1, оп.9, д.7а, лл.29-30; РГВА, ф.1317, оп.1, д.349, лл.177-178; ф.1318, оп.1, д.22, л.32; ф.1319, оп.1, д.174, л.60; ф.16750, оп.1, д.5, л.45; // Степная правда (Семишалантинск). - 1920 г. - 15 июля.

25. РГВА, ф.1317, оп.2, д.1021, л.10; [Померанцев П.Е.] Повстанческое движение в Алтайской губернии в 1920 году. - С.74.

26. РГВА, ф.6, оп.4, д.710, л.131; ф.982, оп.3, д.36, л.527; ф.1319, оп.1, д.183, л.236; ф.1494, оп.1, д.93, л.63; ф.17534, оп.1, д.70, лл.270, 284, 340; ф.17536, оп.1, д.11, лл.23-24; ф.17590, оп.1, д.24, л.338а; // Знамя революции (Томск). - 1920 г. - 8 окт.

27. РГВА, ф.1317, оп.1, д.349, л.199.

28. Шишкин В.И. Колыванский мятеж. - С.148.

29. ГААК, ф.р.9, оп.1, д.108, л.47.

30. АФ ГАКК, ф.16, оп.1, д.48, л.32; УФСКНО, Колыванский мятеж, т.14, лл.105, 158, 203, 210; // Знамя революции (Томск). - 1920 г. - 20 авг.; // Дело революции (Ново-Николаевск). - 1920 г. - 26 авг.; // Крестьянин и рабочий. - 1920 г. - 15 декаб.; Отчет Иркутского губернского исполнительного комитета с 1 января по 1 июля 1921 г. - Иркутск, 1921. - С.336.

31. О красном бандитизме см.: Шишкин В.И. Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. - Новосибирск, 1992.

32. РГВА, ф.17529, оп.1, д.15, л.151а.

Аббревиатура архивов

- ГАРФ** - Государственный архив Российской Федерации
РГВА - Российский государственный военный архив
РГА ДВ - Российский государственный архив Дальнего Востока
АФГАКК - Ачинский филиал Государственного архива Красноярского края
ГААК - Государственный архив Алтайского края
ГАВО - Государственный архив Волгоградской области
ГАКО - Государственный архив Кемеровской области
ГАНО - Государственный архив Новосибирской области
ГАОО - Государственный архив Омской области
ГАПО - Государственный архив Пермской области
ГАСО - Государственный архив Свердловской области
ГАСЕМО - Государственный архив Семипалатинской области Республики Казахстан
ГАТО - Государственный архив Томской области
ГАТюО - Государственный архив Тюменской области
УФСБНО - Управление Федеральной службы безопасности по Новосибирской области
ТФ ГАТюО - Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
ЦДНИИО - Центр документации новейшей истории Иркутской области
ЦДНИТО - Центр документации новейшей истории Томской области

Литература

- Богданов К.А.** Адмирал Колчак. - Санкт-Петербург, 1993. - 304 с.
Бровкин В.Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. - 1994. - N5. - С. 24-39.
Будберг А. Дневник белогвардейца // Дневник белогвардейца. - Новосибирск, 1991. - С.163-323.
Гармиза В.В. Директория и Колчак // Вопросы истории. - 1976. - N10. - С.16-32.
Гражданская война в России: перекресток мнений. - М., 1994. - 419 с.
Дроков С.В. А.В.Колчак //Вопросы истории. - 1991. - N1. - С. 50-68.
Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. - Красноярск, 1986. - 196 с.
За власть Советов! Сборник воспоминаний. - Кемерово, 1957. - 187 с.
Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. - М., 1983. - 294 с.
История "белой" Сибири. - Кемерово: ОблИУУ, 1995. - 194 с.
Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. - Кемерово, 1968. - 556 с.
Кадейкин В.А. Годы огневые. Из истории гражданской войны в Кузбассе. 1918-1919 гг. - Кемерово, 1954. - 101 с.
Кара-Мурза В., Полонский А. Белое движение в лицах. Портрет первый: адмирал Колчак //Преподавание истории в школе. - 1992. - N1. - С.95-106.
Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке. Кн. 1-я. - Владивосток, 1972. - 187 с.
Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке. Кн. 2-я. - Владивосток, 1984. - 224 с.
Лившиц С.Г. Колчаковский переворот //Вопросы истории. - 1983. - N3. - С. 79-90.
Лившиц С.Г. Империалистическая интервенция в Сибири в 1918-1920 гг. - Барнаул, 1979. - 156 с.
Липкина А.Г. 1919 год в Сибири. - М., 1963. - 216 с.
Мирзоев В.Г. Партизанское движение в Западной Сибири (1918-1919 гг.). - Кемерово, 1957. - 196 с.
Никитин А.Н. Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири. - Омск, 1991. - 204 с.

Плотников И.Ф. Большевистское подполье в Сибири в период иностранной интервенции и гражданской войны. - Свердловск, 1966. - 324 с.

Поляков Ю.А. Поиск новых подходов в изучении гражданской войны в России //Россия в XX веке. Историки мира спорят. - М., 1994. - С. 280-289.

Разгром Колчака. Воспоминания - М., 1969. - 297 с.

Спирин Л.М. Разгром армии Колчака - М., 1957. - 295 с.

Стишов М.И. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918-1920 гг.). - М., 1962. - 419 с.

Шишкин В.И. Как Колчак стал верховным правителем //Сибирские огни. - 1993. - NN5-6. - 148 с.

Яковенко В.Г. Записки партизана. - Красноярск, 1968. - 150 с.

Содержание

К читателю	3
§ 1. Сибирский представительный орган: от замыслов к драматическому финалу	4
§ 2. Экономическая политика правительства адмирала А.В.Колчака и ее реализация	18
§ 3. Аграрное законодательство режима А.В.Колчака	52
§ 4. Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства (1918 г.)	68
§ 5. Привлечение колчаковской армии к наведению порядка в тылу: опыт и уроки	83
§ 6. Из истории Сибирского земства (лето-осень 1918 г.)	97
§ 7. Периодическая печать о политических настроениях и позициях рабочего класса Сибири в период гражданской войны	109
§ 8. Гражданская война в Сибири (1920 г.)	121
Аббревиатура архивов	140
Литература	141
Содержание	143

Сибирь в период гражданской войны

Учебное пособие

Ответственный за выпуск В.С. Николаева

Редакторы: Н.А. Жук, Л.А. Лысенко

Технический редактор А.В. Колесов

Лицензия ЛР N 040306 от 17 февраля 1992 г.

Сдано в набор 17.05.95 г. Подписано в печать 2.08.95 г.

Бумага офсетная. Формат 84×108/32. Гарнитура Time Roman.

Печать офсетная. Усл.п.л. 7,56. Уч.-изд.л. 9,5. Тираж 1500 экз.

Ред.-изд. N 14/95. Цена "С92". Заказ N 34

Оригинал-макет подготовлен на компьютерном комплексе
Кемеровского облИУУ

Отпечатано в типографии Кемеровского облИУУ

Лицензия ПЛД N 44-18 от 5 января 1995 г.

650070, г. Кемерово, ул. Тухачевского, 25-б